

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

6
1964

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ СВЕРД-
ЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКИХ
ПРОМЫШЛЕННОГО И СЕЛЬСКОГО
ОБКОМОВ ВЛКСМ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И
ФАНТАСТИКА

О ГЕРОЯХ —
ЗЕМЛЯКАХ

РАССКАЗЫ
БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

МЕТЫ
СОВРЕМЕННИКОВ

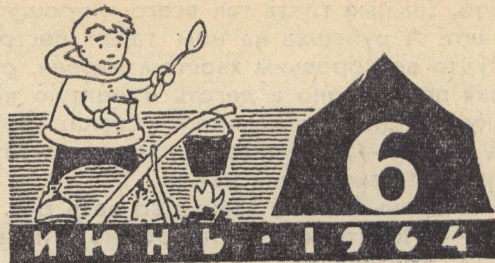
УРАЛ
ВЧЕРА
СЕГОДНЯ
ЗАВТРА

ЗАКЛАДАТЕЛЬНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ

КОРОТКИЕ
РАССКАЗЫ

Следопытские
ДЕЛА

ВЕРТОЛЕТ БЕРЕТ ОДНОГО...

Повесть

Виктор СТАРИКОВ

Рисунки В. Игошева

Глава первая

«Несет дураков...»

Поезд плавно тронулся. Мимо окна потянулись здание станции, багажный сарай, торговые ларьки, жилые дома и высокие пожелтевшие лиственницы.

Парень лет двадцати, вошедший на этой станции, сидел на нижней полке, поджав под себя ноги в шерстяных носках, и наблюдал, как на верхних полках Сережка и Димка устраиваются на ночь.

Всякий, даже не очень наблюдательный, человек мог угадать, что ребята, вчерашние школьники, впервые двинулись в далекий самостоятельный путь. Рослый Сережка выглядел решительным, держался независимо. На все он поглядывал чуть презрительно, щуря глаза и поджимая губы — дескать, ничем меня не уди-

вите. Он явно начинал форсировать. У мальчишек это начинается с причесок. Сережка отрастил великолепную шевелюру цвета светлой бронзы. Димка же, напротив, держался незаметно, предпочитал больше наблюдать, чем вступать в какие-нибудь отношения с незнакомыми. И во всяком случае в отличие от Сережки, избегал столкновений. Он еще носил скромный ежик темных волос. Пухленькое курносое лицо, осыпанное мелкими веснушками, большие добрые глаза вызвали у взрослых желание приласкать мальчишку.

В дороге Сережка не однажды сердился на робость товарища.

— Поехали... — хриловатым голосом нараспев сказал парень, сидевший на нижней полке. — Поехали, ребята, за орехами.

Сережка через плечо покосился на него. Этот пассажир не понравился Сережке с первого взгляда. Спутанные черные волосы, челка закрывает почти весь

лоб. Темные глаза так всего и прощупывают. А рубашка на нем такая пестрая, будто ее коровьим хвостом мазали, окуная поочередно в деготь и желтую краску. Сидит, ухмыляется, скалит зубы. А вещей — только ватная ношенная телогрейка. Даже кепки нет.

Парень лениво зевнул во весь рот.

— Попутчики! — небрежно позвал он. — Как зовут?

Сережка и Димка промолчали.

— Глухие? — повысил он голос. — Ну? Чего молчите? К вам обращаются.

— К кому это к вам? — вызывающе спросил Сережка, старательно расстилая на полке ватное одеяло, готовый к любой схватке с настырным пассажиром.

— Хотя бы к тебе, рыжему, — сказал парень, чувствительно задев этим Сережку, и завистливо прищурил глаза: — Ай, какие у них хорошие сапоги! Ну и сапоги! В дорогу куплены?..

От такого разве отвяжешься?

— Ну, как зовут?

— Сергей, — буркнул Сережка.

— А тебя, голубок? — продолжал бесцеремонно парень. — Ну, смелее!..

— Димка... Дмитрий.

— Сережка и Димка? Тоже неплохо... Сапоги, должно, на пару покупали? — спросил он и даже языком от зависти пощелкал. — Ай, хороши...

Сережка и Димка, разложив одеяла и подушки, вытянулись на верхних полках, как зверьки из нор, поглядывали в окно на пробегающие сосновые леса, дикие нагромождения камня.

Что нужно от них этому парню? Чего прилип?

— Почему не спросите, как меня зовут? — не отставал тот. — Плохие вы попутчики. А нам вместе вон сколько ехать. Так и будем молчать? В карты играете? В подкидного дурака?

Вон что! Вон куда гнет!

Парень подождал, надеясь все же вызвать ребят на разговор, но те продолжали упорно не замечать его.

— Киркой меня зовут. Запомнили, пацаны? Кирка! Кирилл. Слышали?

И опять они ничего не ответили.

— Куда путь держите? Хотите, на спор угадаю? Ну, спорим? На что угодно.

Сережка твердо решил не вступать в разговор с этим подозрительным попутчиком. Трепач пустопорожний! Сережка лежал будто глухой, уставясь в окно. Подумаешь, задается! Видали и не таких.

Димка пошевелился, робко взглянул на Сережку и ответил за обоих:

— Чего спорить.. На трассу едем. В тайгу.

Парень в восторге хлопнул себя по коленям.

— Угадал! На таежную трассу! Чего вас туда понесло?

— Дядя Костя говорил... преобразуется тайга... — начал было Димка и смущенно замолчал. Лицо его залилось румянцем. Еще высмеет на весь вагон подозрительный парень.

Так оно и вышло.

— Преображает, значит, ваш дядя Костя тайгу? И вы ему хотите помочь?

Кирка захохотал так оглушительно, что к ним в отделение заглянуло несколько пассажиров.

Оборвав внезапно смех, Кирка строго сказал:

— Да знаете, куда вас несет? Лесо-проходцы! Думаете, она такая? — кивнул он головой в сторону окна.

Словно объятые пламенем, сверкали под вечерним солнцем, как литые, стволы сосен, тяжелые хвойные вершины их сливались с синеющим небом. Острые ребра камней выпирали на взгорьях. Урал!

— Там у нас сухой земли и на пятку не хватит. Вот какая наша тайга. Преобразователи! — презрительно обозвал их Кирка. — Несет дураков, а куда — толком и не знают.

Низенький паренек в шерстяном глухом свитере заглянул к ним, хлопнул Кирку по плечу и оборвал этот малоприятный разговор.

— Вон где ты, Кирка, устроился! А мы тебя по всему поезду ищем. Айда в третий вагон. Мехколоновские девчата с гитарой едут. Зовут на песни.

Кирка задумчиво посмотрел в оконную вечернюю даль. Потом его словно сквозняком смахнуло с лавки, и глуховатый голос его донесся откуда-то из самого конца вагона.

— Надо тебе со всяким связываться, — упрекнул Сережка, тряхнув рыжими кудрями. — Еще обзывает! Какое его дело, куда едем? Не видишь: ему только бы зубы поскалить.

— А чего молчать? — кротко возразил Димка.

Они посмотрели друг на друга, разом обиженно надулись и отвернулись к окну, за которым тек и тек бесконечный лесной

океан, вздымаясь могучими валами на каменных угорях, круто падая в глубокие долины, где синели речушки, уходя далеко к горизонту. Там виднелись другие резкие зубчатые горные вершины, заросшие лесами, а за ними еще и еще.

Сколько же леса! Вот бы его хоть точку к ним в ковыльную степь, где рады каждой лозиночке. Едешь, бывало, на грузовой машине, едешь, а кругом степь и степь без конца и края и редкие бело-зеленые пятна березовых рощ.

А действительно, куда их несет? Что это за таежная трасса? Стоило ли бросить дом и пускаться в такой дальний путь? Разве дома дел нет?

А во всем виновато прошлое лето.

Как переполошилась сонная степь, когда пришли строители железной дороги в целинные совхозы! Тихое село Речное, дремавшее под жарким солнцем, продуваемое зимними буранами, наполнилось гулом и лязгом металла. Острые запахи солярки и перегоревшего масла вытеснили степные запахи. Дрожали глинобитные дома, сотрясалась земля под тяжестью проезжавших машин. Вокруг села по ночам, будоража черноту, бродило множество огней, а вдали протяжно кричал паровоз, оповещая округу о своем приходе в эти ковыльные просторы.

Какие удивительные машины поселились в то лето в степи! Могучие самосвалы казались среди них самыми простыми, вроде велосипеда, которым никого не удивишь. Были такие, что могли, срезав твердую дернину, проложить в степи дорогу с двумя канавами для стока воды, вырыть глубокий котлован, срыть холм и завалить самый глубокий овраг. Но ни одна не могла сравниться с той, что сама подвозила звенья готового пути и укладывала их на свеженасыпанное полотно. И железная дорога сразу удлинялась на двадцать пять метров. Проходил день — и дорога вытягивалась еще километра на полтора.

Все эти машины пришли в степь ранней весной, когда она только покрылась зеленой щетинкой, и очень быстро — в лето — равнину пересекла высокая земляная насыпь железной дороги. Мелкие речушки строители пропускали под насыпью, в бетонные трубы, покрупнее — через тоннели, по которым можно было ходить не сгибаясь.

Потянулись вдаль телеграфные столбы с гудящими проводами. Коршуны и

ястребы, усевшись на верхушки столбов, удивленно оглядывали изменившийся край. Этой осенью скворцы, собираясь в дальний путь, сбивались стаями на проводах, унизывая их, как косточки на счетах.

Вот какие перемены родных мест в одно лето пришлось увидеть Димке.

В газетах он читал, как быстро строят в нашей стране гидростанции, заводы, рудники, города. Одно дело обо всем этом, далеко от дома, читать, совсем другое — увидеть.

Во всех домишках Речного жили шумные строители железной дороги. В Димкином поселился дядя Костя, начальник участка. Высокий, худой, закоптившийся под горячим солнцем, в глухом, до горла, комбинезоне, дядя Костя приходил ночевать поздно, усталый. Выколотив пыль из берета, сняв комбинезон, умывшись возле колодца, дядя Костя садился за стол и, хлебая молоко, кряхтел от досады, сокрушаясь, что запаздывают они, не успеют открыть движение поездов до того, как настанет срок вывозить из целинных совхозов хлеб.

А Димка удивлялся: можно ли строить быстрее? Вон ведь как кипит работа!

В их доме дядя Костя стал своим человеком. Димка радовался минутам, когда дядя Костя мог поболтать с ним. Сколько он успел повидать интересного! В каких только краях не побывал! В самых холодных и самых жарких. Знакомы ему Сибирь и Дальний Восток, Кавказ и Туркмения, Казахстан и Прибалтика, Подмосковье и Украина. В одних краях он строил новые дороги, в других укладывал вторые пути. А как рассказывал! Димка безоговорочно соглашался, что профессия строителя железных дорог — одна из самых интересных и нужных людям.

— Коммунизм по железным дорогам во все края придет, — убежденно говорил дядя Костя.

И с этим Димка тоже соглашался.

В это же лето Димка стал много рисовать. Он даже не заметил, как это началось.

Однажды ему захотелось нарисовать сельскую улицу, по которой проползал на гусеницах экскаватор. Так захотелось, что пальцы заломило. Он быстренько сбежал домой, схватил альбом сестренки и, пока машина медленно проходила перед глазами, нарисовал ее, а уж потом прибавил те дома, укрытые соломой, что стояли на-

против, колодец-журавлик, старые раскидистые тополя и даже половину сельско-го клуба с высоким крыльцом.

Только не все ему удалось. Стоял палящий полдень. На рисунке этой жары не было. Димке показалось, что тени у него плохие, не такие, как на улице. Он стал убавлять лишние линии, добавлять в других местах. Так увлекся, что не заметил, как к нему подошел дядя Костя и из-за спины долго следил за Димкиной рукой.

— Ого! — сказал дядя Костя. — Не знал, что ты этим занимаешься. Знаешь, неплохо.

— Да я не умею, — честно признался Димка. — Первый раз...

— Для первого раза просто отлично.

То ли эта похвала, либо что-то другое, не известное пока никому, заставляющее одного браться за смычок скрипки, другого — смотреть за полетом птиц, третьего — собирать гербарий, толкало Димку рисовать. Вначале он стыдился своего увлечения, потом махнул рукой и, когда

ему хотелось рисовать, брал альбом, карандаш и шел к строителям. Это желание приходило все чаще и чаще.

Дядя Костя охотно смотрел рисунки, подолгу разглядывал каждый, делал всякие замечания и неизменно говорил:

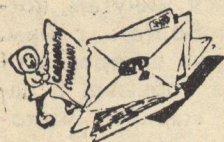
— Тянет — не бросай. Прислушивайся к себе.

Однажды он даже принес несколько альбомов разного размера и две коробки хороших мягких карандашей.

— Держи. Подарок.

Сережка, лучший друг, закадычный друг, в такое интересное время оказался далеко от дома. Он гостил у брата в городе, пытался остаться в механическом цехе на заводе, да что-то не вышло: то ли с жильем, то ли не понравилось у станка — Димка так этого и не понял, но, в общем, Сережка опять очутился в Речном.

Мехколонна к тому времени, разворотив степь, уехала строить железную дорогу в уральской тайге. В степи по готовой дороге, железно грохоча, теперь

„ЗЕМЛЯКИ“

Советский авиатехник Сергей Остепенко прогуливался по набережной Аккры — столицы Республики Ганы. Солнце палило нещадно, и даже пышная тропическая растительность не могла защитить «северного» человека от непривычного зноя.

Остепенко вспомнил Южный Урал, родной Бугуруслан, где он родился и закончил училище гражданской авиации.

Неожиданно внимание Сергея привлек красавец-танкер. На борту его четко выведено имя родного города «Бугуруслан».

— Здравствуй, земляк! — Сергей сорвал с головы фуражку и радостно помахал ею в воздухе.

Именем трех городов Оренбуржья названы корабли торгового флота СССР. Экипаж теплохода «Оренбург» приписан к Владивостокскому порту и совершает рейсы на героический остров Свободы. Мирные грузы, необходимые кубинцам, доставляются точно по расписанию.

К Одесскому порту приписаны танкеры «Бугуруслан» и «Медногорск». Они перевозят товары в государства Африки и страны народной демократии.

Нередко в Оренбуржье приходят телеграммы, письма от друзей-моряков.

В. ПРОЛЕТКИН

ТАТАРСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Татарским городищем называют местность по левому берегу реки Пышмы против деревень Мохиревой и Тарасовой.

Остатки древней постройки хорошо заметны. Это неболь-

шой плоский курган с сохранившимся валом и рвом. Высота около шести метров. Вокруг — овалы ямы.

В поверхностном слое городища местные жители находили кости животных, черепки глиняной посуды с рубчатым орнаментом в елочку и ямку, костяную чашу, бронзовую крышку от котла, каменные наконечники стрел, большой медный котел.

Гора Бузан расположена возле самой деревни Мохиревой. Это округлый холм метров 20 высотой, огибаемый Пышмой и окруженный глубоким оврагом. У подножия тоже есть резко очерченные овалы ямы, расположенные полукругом.

Летом прошлого года на Татарском городище работала экспедиция археологов Свердловского госуниверситета под руководством Ю. М. Кутакова. Велись пробные раскопки. По предварительным данным, здесь было место обитания первобытного человека. В Татарском городище не оказалось ничего татарского!

И. ЧЕРДАНЦЕВ,
Свердловская область

проносились длинные составы. Появилась станция Речная. Тихая жизнь навсегда покинула село, и паровозный дым вытеснил травяную свежесть.

Сережка посмотрел Димкины рисунки, потер переносицу, потрянул длинными рыжими кудрями и вынес приговор:

— Пустое дело...

Димка перестал показывать ему рисунки.

Вернулся Сережка другим, словно в городе его подменили или новой крови влили, — нетерпеливым, быстрым на решения.

Оставаться в селе или ехать в целинные совхозы он не хотел. Это было под боком. А его манили дальние края. Но куда ехать? В какую сторону двинуться? Мир так велик. Тут подоспело письмо дяди Кости, который не забыл Речное и Димку. В письме дядя Костя звал к себе «пополнить рабочий класс». Димка колебался, раздумывал, а Сережка решил сразу: ехать! Тут и думать нечего. Ехать!

Вот и оказались они в дальнем пути на север Урала.

...Сон приходит к людям по-разному. Он может рухнуть внезапным обвалом. Тогда человек засыпает мгновенно, будто засыпанный песком. Бывает сон ленивый, словно его тянут на веревке. Есть сны-баловники, вроде котят: то подойдет тихонько к человеку, вот-вот закроет глаза, и отскочит. Опять подойдет, опять отскочит. И долго так возится, забавляется, играет.

К нашим ребятам сон пришел крадучись. Они и не заметили, как он появился. Сначала ласково разнежил, потом тихо прикрыл глаза, убаюкивая перестуком колес, приглушенными голосами пассажиров и нежной музыкой поездного радиоузла.

И они сладко уснули.

Пробуждение ребят было внезапным.

— Эй! Встать! — рявкнул в самое ухо все тот же хрипловатый голос чернолохматого парня. — Дома, что ли? Ишь, разлеглись...

Ребята оторопело оторвали головы от домашних перовых подушек, плохо соображая, где они, что с ними. За окном стояла плотная осенняя тьма, в вагоне горел слабый электрический свет.

— Вы ж так сапоги проморгаете, — выговаривал Кирка. — Такие хорошие сапоги... Не знаете, кто в вагонах ездит? На каждый вагон по трое жуликов. Следят

за вашими сапогами. Уснете — и стянут. Вот как в дороге спят...

Кирка вскочил на нижнюю полку. Сняв с третьей багажной полки сапоги, он приподнял у Димки подушку и сунул их ему под голову.

— Да это не мои, — всполошился Димка.

— Этого, рыжего? — показал на Сережку Кирка. — Обменяйтесь.

Кирка спрыгнул на пол.

— Крючок видишь? К нему привяжи, — потребовал Кирка решительно. — Да покрепче. Не сделаете — убегут. Народ тут хваткий. Эх вы, лесопроходчики-молodчики!

Наведя порядок, Кирка начал укладываться спать на своей нижней полке, бросив под голову ватник.

Грубо прогнанный Киркой сон долго не приходил к ребятам, словно отстал от поезда и никак не мог его догнать. Уже все спали в вагоне, отовсюду слышался разноголосый храп, а ребята все ворочались на своих верхних полках.

Наконец сон нагнал поезд, пробрался к друзьям и, сердясь, так плотно закрыл им глаза, что они даже не услышали утренних шумных сборов пассажиров, не видели, как Кирка постоял возле них, подергал сапоги, привязанные к вешалкам, чему-то усмехнулся и пошел со всеми вместе к выходу.

Проводница сильно потрянула за плечи ребят.

— Эй вы, сонули! Приехали! Освобождайте вагон.

Ребята разом открыли глаза, увидели утренний свет в окне и пустые полки.

В минуту они собрали вещи и вышли из вагона.

Глава вторая

Зайчики

Одноэтажное коричневое здание станции, перила, деревянный настил перрона словно обрызгали слабым известковым раствором. Тем же цветом морозный утренник обрызгал каждую травинку, все кустики с яркими уцелевшими листочками. Вплотную к станции со всех сторон подступал рослый сосняк с побеленными иголками.

После вагонного душного тепла утренний холодок заставил ребят поежиться, и плотнее застегнуться.

На небольшой площади за станцией к автобусной остановке вытянулась предлинняющая очередь. Ребята заняли места в хвосте ее, переминаясь с ноги на ногу.

Подкатил, важно покачиваясь на рытвинах, голубой вместительный автобус. Пассажиры, расстроив очередь, энергично сбившись в кучу, кинулись к нему. В несколько минут в автобус столько набилось людей, что удивительным казалось, как он выдерживает, не расплзается по швам. Видимо, добросовестные руки делали эту машину.

Очередь же ничуть не уменьшилась.

Следующий автобус долго не показывался. Когда он развернулся возле остановки, то опять моментально дружным натиском плотно наполнился. И опять очередь не сократилась.

Сережка, увлекая за собой Димку, попробовал принять участие в общем штурме, но не смог пробить даже первого ряда монолитно сдвинутых спин и отступил с позором.

Да! Если и дальше так пойдет, то автобусам, пожалуй, и до вечера приезжих не перетаскать.

Однажды в толпе мелькнул Кирка — без кепки, в распахнутом ватнике, из-под которого виднелась его страшноватая рубашка. Он заметил своих попутчиков, понуро замыкавших очередь, и ободряюще издали помахал им.

На площадь въехал грузовик. Кирка вскочил на подножку, поговорил с шофером, видать, своим хорошим дружком.

— Порядок! — крикнул он в толпу.

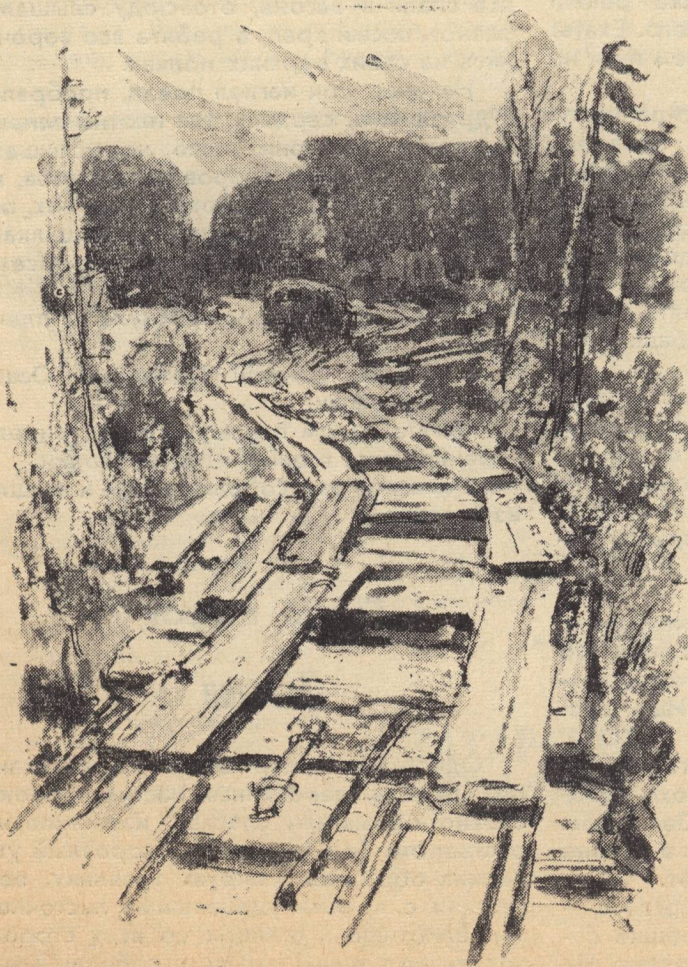
На его голос из очереди к грузовику побежали девчата в цветных модных пальто, пестрых шапочках, беретах, наверное, те самые, к которым Кирка в третий вагон на песни ходил. У одной из девушек в руках была зачехленная гитара с большим голубым бантом на грифе.

Вся очередь с завистью наблюдала, как девчата, подсаживаемые парнями, быстро заполнили кузов грузовика, словно цветы корзину. Последним через борт перемахнул Кирка и постучал по крышке кабины. Весело гудя, грузовик, встряхивая на рытвинах груз, укатил по лесной дороге.

Поднялось солнце, растопило иней, засверкали капельки росы на сморщенной, пожухлой траве и цветной листве кустарников, когда наши намаявшиеся ребята попали, наконец, в автобус. Пассажиров осталось немного, Сережке и Димке даже нашлись места рядом на последнем мягком диванчике.

— Подозрительный этот Кирка, — сказал Сережка. — Ловчага! Правда? Видел, как с грузовиком?..

Димке, конечно, пришлось согласиться, что Кирка ловчага. Очень ловко всех девчат на грузовик устроил.

Автобус бежал по такой узкой лесной дороге, что порой хвойные ветки хлестали по окнам и кузову. Солнце просвечивало сквозь частые деревья и кидало жаркие узкие лучи на землю.

Расступился лес внезапно. На опушке его, у самой дороги, стоял большой, с па-лисадником, обнесенным невысоким сквозным забором, деревянный дом.

Два бурых медвежонка, привстав на задние лапы, передними ловко пригребали рябину, обдирая с нее багровые кисти ягод. Шофер автобуса продолжительно гуднул, однако медвежата ничуть не испугались, только оглянулись, продолжая увлеченно заниматься своим.

Но тут из дома выбежала девчонка в сапогах, огрела медвежат метлой по спинам, и те, смешно прыгая боком, все оглядываясь на девчонку с метлой, припустили в сторону леса.

— Вот ведь Машка и Мишка озорничают, — сказал кто-то из пассажиров.

Сережка и Димка переглянулись. Они впервые видели живых медвежат.

— Вот это да! — даже присвистнул от удивления Сережка.

Но еще много удивительного предстояло им увидеть.

Впереди показалась странная дорога — деревянная.

Обширное болото пересекало деревянное полотно, сделанное из толстых плах, скрепленных скобами и положенных на продольные брусья. Автобус поднялся на эту дорогу и мягко покатыл, даже прибавив скорости. Ни тряски, ни толчков! По бокам ядовито синела жирная вода, покрытая ряской и круглыми листьями кувшинок. Ребята с тревогой ждали, что вдруг ненароком большие колеса автобуса соскочат с этого узкого мостка. Что тогда будет? Не выскочить! Увязнут в пучине. Однако никого из пассажиров эта опасность совершенно не беспокоила: они продолжали толковать о своих делах, не обращая внимания на дорогу.

За болотом на пустыре показалось множество белых и красных домишек. Издали поселок выглядел чрезвычайно живописно и казался игрушечным.

Автобус спустился с деревянной дороги и въехал в широкую улицу, по обеим сторонам которой тянулись побеленные одноэтажные домики. Скоро, круто развернувшись, автобус остановился напротив кирпичного здания почты.

Вот и конец длинного пути.

Теперь необходимо поскорее найти дядю Костю.

Ребятам рассказали, как лучше пройти к зданию управления строительством таежной железной дороги.

Это был большой двухэтажный дом из красного кирпича, ничем почти не отличавшийся среди таких же зданий на этой улице.

Единственное, что его выделяло, — заметный издали щит с двумя красиво написанными словами: «Дашь Ледянку!»

В этом здании Сережке и Димке нанесли сильнейший удар.

После долгих хождений по двум этажам из комнаты в комнату, где сидели чрезвычайно занятые люди, они, наконец, напали на человека, который мог точно сказать, как разыскать дядю Костю.

В маленькой комнате прижимались друг к другу четыре канцелярских стола, возле каждого толпилось по несколько человек. Гул стоял такой, словно здесь работала сложная молотилка. Нужный человек, отвечая кому-то по телефону, умудрялся одновременно разговаривать сразу с тремя посетителями и долго не обращал внимания на наших друзей.

— Вы Макаров? — протиснулся к столу решительный Сережка.

— Предположим, что и Макаров. Что из этого следует? — весело спросил нужный человек примерно того же возраста, что и Кирка, даже в рубашке такой же свирепой расцветки.

— Тогда должны сказать, как найти Константина Ивановича Конева.

— Константина Ивановича? Зря стараетесь, ребятки, — ласково сказал Макаров. — Все хотят обязательно к Константину Ивановичу... Не выйдет!

— Что не выйдет?

— Не бывать вам у него.

— Это почему?

— Нечего вам у него делать. Пойдите лучше в отдел подсобных предприятий. Там для вас найдут подходящее дело. Всем подавай Константина Ивановича.

— Но мы...

— А путевки у вас есть? — подозрительно спросил Макаров.

— Какие путевки?

— Из яслей.

— Вы не шутите.

— Не шучу. Самые обыкновенные... От комсомольской организации.

— Нет у нас путевок. Мы сами... К дяде Косте.

— Зайчики! — обрадовался Макаров. — Зайчики! Шестые сегодня. Сами — не считается. Мотайте, зайчики, домой! Деньги на проезд имеете?

— Не ваша забота, — сердито срезал его Сережка. — Нам дядя Костя нужен. Вот и отвечайте.

Что-то в решительном тоне этого рослого рыжего мальчишки насторожило Макарова. Он внимательнее посмотрел на ребят, даже отмахнулся локтем от человека, который полез к нему с каким-то неотложным делом.

— Вас Константин Иванович знает? — милостивее спросил Макаров, хватаясь за трубку зазвевшего телефона.

Макаров долго шумел в телефон по поводу каких-то не доставленных в срок тепломплит.

— Так зачем вам нужно обязательно Константина Ивановича? — спросил Макаров, бросив трубку на рычаг.

Сережка скупно объяснил — про степь, село Речное... Димка в разговор не вмешивался, полагаясь на Сережку.

— Понятно и ясно, — сказал Макаров. — Иное дело. Ну-ка, пройдемте, — с загадочной суровостью позвал он ребят.

Они покорно зашагали за ним.

Втроем они прошли в конец длинного коридора, и в комнате, куда выходили две двери с табличками: «Начальник строительства» и «Главный инженер», Макаров подвел их к большой, во всю стену, карте.

— Смотрите! — Макаров провел по карте пальцем. — Вот трасса нашей таежной дороги. Тут, — уперся его палец, — место, где мы с вами сейчас находимся. А тут, в Кедровке, — он ткнул пальцем в другое место на карте, — сейчас живет Константин Иванович. Уехал на отстоящий участок. Видели? Какое тут расстояние? Триста километров? Совершенно правильно! Попасть к дяде Косте сейчас можно только вертолетом. На это и не рассчитывайте. Забрасываем срочные грузы. Вам все ясно? Будьте здоровы, зайчики! — И, считая, что все с ними покончено, приветственно махнув, Макаров исчез.

Сами понимаете, в каком настроении вышли наши герои на крыльцо.

Мимо них входили и выходили люди. Никому никакого дела до этих двух ребят не было.

Положение складывалось донельзя отчаянное. Сережка и Димка рассчиты-

вали, что дядя Костя встретит их тут и со следующего дня у них начнется необыкновенная жизнь строителей таежной трассы.

Вот он, лозунг: «Даешь Ледянку!»

Но оказалось, что Константин Иванович находится далеко.

— Может, верно, вернуться, — предложил подавленный Димка.

— А деньги на билеты у тебя есть?

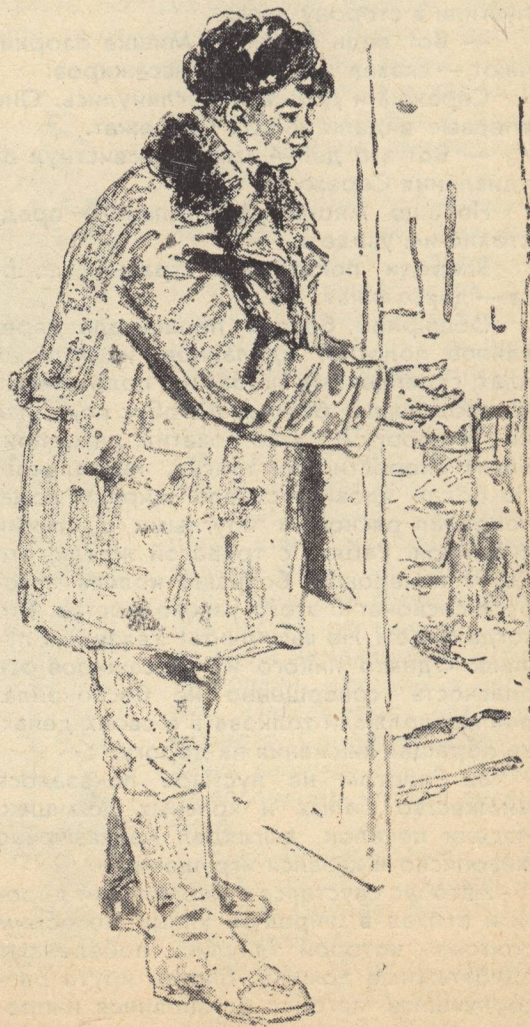
Димка тяжело вздохнул.

— Как-нибудь...

— Зайчиками?

— Зайцами трудно. Далеко.

— А как-нибудь тоже не выйдет, — заключил Сережка. — Да и ушел наш поезд. Следующий утром будет. Надо о ночлеге думать. Где спать будем?

Глава третья

Выручка

Наступал вечер, в окнах зажигались огни, а наши ребята, закусив домашними припасами, сидели на ступеньках крыльца, не решаясь оторваться от этого дома, так и не приняв какого-нибудь решения. Особенно скверно чувствовал себя Димка. Ведь это он втравил в поездку Сережку, которому дядя Костя даже незнаком.

— Лесопроходчики! — раздался вдруг насмешливый хрипловатый голос. Перед ребятами стоял Кирка все в том же вольно распахнутом ватнике, без кепки. — Загорааете?

Ребята подчеркнуто промолчали.. Эта новая встреча с вагонным попутчиком никакого энтузиазма у них не вызвала. Скорее наоборот.

— Ясно! Загорааете! Что приуныл, рыжий? — спросил Кирка Сережку. — А ты, голубь, чего нахохлился? Ночевать негде? Угадал? Пари хотите? На что угодно. Хотите пари?

— Ну, а если негде? — угрюмо сказал Сережка. — Вам-то какая забота.

— Люблю таких... Вот что, пошли со мной.

Ребята не пошевелились. Не будут они связываться с неизвестными стилигами.

— Гордые! — сказал Кирка. — Униженные, но гордые... Ладно, даю на размышление три с половиной минуты. Больше для вас времени уделить не могу.

Хлопнув по затылку Сережку, замешавшись, Кирка исчез в здании.

Прошло, однако, не три с половиной минуты, а не меньше получаса, когда Кирка снова появился на крыльце.

— Все еще жметесь, зайчики? — весело кинул он. — Да, у нас тут прохладновато вечерами. Вы, значит, Константина Ивановича разыскиваете? Вот кто тайгу преобразует! Это вы о дяде Косте говорили?

Он нагнулся к ребятам и взял каждого за плечо.

— Не получается прорыва к дяде Косте? Так? От этого и приуныли?.. Встать! — скомандовал Кирка.

Руки у него были, как железные клещи, и он легко оторвал ребят от ступенек крыльца.

— Следовать за мной! — продолжал командовать Кирка.

Никакого другого выбора не было. Не зная, что сулит наступающий вечер, Сережка и Димка двинулись за Киркой.

Долго шли поселковыми темнеющими улицами мимо белых одноэтажных домиков и двухэтажных кирпичных красных.

Остановились на окраине поселка возле длинного барака, светившегося широкими окнами.

— Проведем первую разведку, — сказал Кирка. — Ждать меня, — и вошел в барак.

Сережка и Димка переглянулись: куда затащил их Кирка? Не лучше ли вернуться на станцию, не прогонять же их, не связываться с Киркой, который неизвестно почему прилип к ним, и, махнув рукой на таежную трассу, повернуть восвояси. Правда, денег у них, честно признаться, кот наплакал, да не пропадут же они.

— Знаешь... — осторожно начал Димка.

Но в этот миг дверь барака распахнулась. Кирка стоял у порога.

— Прошу входить,— вежливо и церемонно пригласил он.— Вам повезло. Будете спать роскошно, как описывают в романах из жизни рабочего класса. Трудовой коллектив строителей дороги с радостью принимает вас.

Ребята вошли вслед за Киркой в светлый коридор, прорезавший барак. Справа и слева виднелись одинаковые двери, на каждой висели таблички с фамилиями жильцов и старшим по комнате. Кирка довел Сережку и Димку до конца коридора и распахнул перед ними крайнюю дверь. В комнате стояли четыре застеленные кровати, четыре тумбочки, четыре стула, стол посередине и гардероб. Комната казалась нежилой—ни соринки, ни пылинки, ни клочка бумаги.

— Располагайтесь на этих кроватях,— показал Кирка.— И спокойной вам ночи. Ждут меня... Да,— сокрушенно покачал он головой,— сапоги ваши самого честно-

го человека в искушение введут. Вы уж получше присматривайте за ними. У нас тут ребята так спят: сапоги под ножки кроватей ставят. Тогда, опыт показал, жулики не утянут. Ну, будьте здоровы!

И он закрыл за собой дверь.

Шутит или серьезно говорит Кирка?

Все же ребята решили, что лучше последовать его совету. Они приподняли передние ножки кроватей и обули их в сапоги. Ловко кто-то такое придумал. Попробуй подберись к сапогам. Не такой, видать, простой этот Кирка. Тертый, много повидавший. Что же он тут делает?

— Вернемся домой?— решил снова предложить Димка, подавленный неудачным оборотом дела и навязчивостью подозрительного Кирки.— Не найти нам тут дядю Костю. Видишь, куда забрался... Разве доберешься?

— Потерпи,— возразил Сережка.— Так сразу и возвращаться! Попробуем еще. Завтра все решим...

Утром первым проснулся Димка. Две кровати, пустовавшие накануне, сейчас были заняты спящими. Димка приподнялся, вглядываясь, кто с ними в комнате.

Ближний к Димке вдруг рывком поднялся с постели. Димка от неожиданности даже глаза зажмурил. Опять Кирка!

— А, зайчик проснулся,— ласково сказал Кирка.— Одевайся быстрее! Возможно, сегодня попадете к дяде Косте.

Димка торопливо натянул брюки и взялся за спинку кровати, чтобы достать сапоги. И тут, медленно краснея, он увидел, что сапоги самого Кирки и другого спящего, правда, не такие хорошие, как у них с Сережкой, стоят себе преспокойненько возле двери.

— Потом обуешься,— сказал Кирка.— Видишь, я тоже в носках. Мы тут все так ходим.

В соседней комнате за столом сидели четыре очень серьезных человека и завтракали. У одного из них курчавая каштановая бород-

ка на молодом лице шла от ушей к подбородку узеньким жгутиком. Красивая борода! На вешалке висели четыре одинаковых летних кителя и четыре форменные фуражки. Димка понял, что они в комнате летчика.

— С летной погодой! — поздоровался Кирка.

Все четверо сдержанно кивнули.

— Как насчет наших зайчиков? — спросил Кирка. — Сможете захватить? Тощие, перегрузки не будет.

Летчики внимательно взглянули на Димку, словно взвешивая его.

— Второй такой же? — осведомился бородатый.

— Ручаюсь, — пылко заверил Кирка. — Можно взвесить вместе и порознь.

— Двоих не выйдет, — решительно сказал бородатый. — Сегодня одного, завтра другого. И то из уважения к Константину Ивановичу.

— Хотя бы и так... Согласен? — спросил Димку Кирка.

— Лучше вместе.

— Соглашайся, — подтолкнул Кирка. — А то и вовсе не видать вам дяди Кости.

— Ладно, — подчинился жестокой необходимости Димка.

— Тогда готовьтесь, — предупредил бородатый. — Пошли на площадку, — обратился он к своим товарищам.

Дверь в комнату, где ночевали наши друзья, стояла широко распахнутой, и там сбилось, наверное, все мужское население барака. Сконфуженный Сережка сидел на кровати и потерянно озибался. Таким растерянным Димка никогда его не видел.

— Ловко!

— Просто здорово!

— Ха-ха-ха!.. — потешались парни, разглядывая Сережку.

— Вот это удумали.

— Ну и зайчики! Умные!

Двое парней взяли за спинку Сережкину кровать и покатали ее по комнате.

— Ходит! Честное слово! В сапогах!..

Новый взрыв веселого смеха потряс стены комнаты.

Тут все заметили вошедших Димку и Кирку.

— Кто это из вас придумал? — спросил один из парней Димку. — Ты или твой приятель? — показал он на Сережку. — Ловко вы научили кровати в сапогах ходить.

— Сообразительные ребята, — серьез-

но подтвердил Кирка. — Не всякий такое придумает. Голова нужна, — коварно похвалил он. — А теперь хватит забавляться. Мне с ними военный совет держать.

Парни, смеясь, оставили комнату.

«Военный совет» вел Кирка. Он коротко изложил обстановку и предложил решить, кто из них летит первым.

— Надо тебе, Димка, — не задумываясь, сказал Сережка. — Меня дядя Костя в глаза не видел, ничего про меня не знает. Да и звал тебя одного, а мы к нему вдвоем..

— Верное решение, — подтвердил Кирка. — Первым вылетает Димка. Советую запастись сладостями вроде конфет, печенья. В тайге этим не балуют. Деньги есть? Смело тратьте все. В тайге деньги не нужны. Димка, отправляйся в магазин. Но не задерживайся. Сережка, приведи в порядок комнату.

Димка отправился в магазин.

Итак, сегодня он встретится с дядей Костей. Какое хорошее утро!

Он быстро сделал покупки.

На углу двух улиц Димка остановился.

Здесь строились новые дома. Солнце просвечивало сквозь стропила, кидая узорчатые тени на землю. За этими стройками виднелись красивые одноэтажные домики с палисадниками, молодыми деревцами, антеннами на крышах.

Димка вытащил из бокового кармана маленький альбом и стал быстро рисовать. Вот уж на страничке вытянулись домики, вот ложатся тени. Вот еще, еще... Сейчас рисунок будет закончен. Димка торопился.

Сколько он рисовал? Минут пятнадцать-двадцать не больше. Но они оказались роковыми и повлекли за собой многие осложнения.

У Димки екнуло где-то возле сердца, когда он услышал рвущий уши шум винтов, а потом увидел, как из-за домов поднялся легкий зеленый вертолет.

Неужели опоздал? Неужели улетели без него?

Димка припустился бежать.

А вертолет, поднявшись свечкой над поселком, некоторое время висел неподвижно в воздухе, словно раздумывая: лететь или опуститься, потом развернулся и взял курс на север.

Димка вбежал в барак и распахнул дверь своей комнаты. Никого! И вещей Сережкиных нет. Бросив пакеты на стол,

он помчался к выходу и на крыльце едва не сбил с ног Кирку.

— Ошалел! За смертью ходил,— накинусь Кирка.— Ты бы до вечера торчал в магазине.

— Улетели?— еще смутно на что-то надеясь, спросил Димка.

— Ждали, что ты им «добро» скажешь.

— А Сережка?

— Машет тебе ручкой.

— Как же это...

— А так же,— передразнил Кирка, но тут же смягчился, увидев, каким несчастным стало лицо Димки.— Не унывай! Одного отправили. Вот что важно. Завтра и тебя тем же путем к дяде Косте запустим.

Димка взглянул на чистое утреннее небо, под которым сейчас в неведомую даль летит Сережка. Ему стало обидно и грустно.

Глава четвертая

Где ты, друг?

А Сережка в это самое время, сидя на ящике, прижимался носом к мутному стеклу и смотрел на землю.

Полет! С чем это можно сравнить?

Летная практика у Сережки была не очень, если честно признаться, велика, точнее — чепуховая. Случалось прыгать с крыши конефермы в груды свежего сена, взлетать на качелях, да еще срываться «столбиком» с высокого речного обрыва в омут. Еще он поднимался в воздух во сне, как это случается почти со всеми растущими ребятами, о чем они предпочитают вообще поменьше рассказывать. Вот и вся практика! Все же чувство легкости тела, почти невесомости, Сережка знал. Но это были пустяки. А теперь все равно что с игрушечной лошади пересел на дикого необъезженного скакуна.

Настоящий полет!

Войдя в кабину, тесно заставленную ящиками и мешками, Сережка усомнился, что такой небольшой вертолет сможет поднять в воздух весь этот груз, да еще вдобавок трех человек. Третьим он считал, конечно, себя, не подозревая, что взят по легкости веса сверхгрузовым.

Зашумел мотор, большой винт закрутился над головой. На взлетной площадке завихрилась пыль, на болоте пригнулась осока. Провожавшие побежали в стороны, подхлестываемые в спины плотными бичами воздуха. Вертолет чуть дрогнул и легко оторвался от земли. Она покачнулась и стала удаляться. Закивали березы, с них срывались листья и разлетались табунками желтых бабочек. А Сережке стало вдруг так легко, как будто он поднялся на эту высоту собственными силами.

Захватывающим было начало полета. Все мысли о нечаянно оставленном Димке вылетели из головы.

Поселок лежал под ними — большой, добегавший крайними домами до самой реки, по берегу которой тянулись штабеля круглого леса. Сережка легко узнал дорогу, по которой накануне с Димкой они приехали в поселок с вокзала. Она пролегла узенькой дощечкой посредине болота, и по ней неторопливо и важно полз, похожий на майского жука, автобус.

Поселок быстро скрылся, и теперь под ними кругом тянулась тайга.

И ни одного селения.

Ни одной дороги.

Никакого признака человека.

Вот это тайга! И такая во все стороны. Конца ей не видно.

Они летели и летели над лесами, болотами, речушками. Тень вертолета медленно скользила по земле. И все тянулась и тянулась такая же пестрая под осенним солнцем, величественная и бесконечная тайга.

В какой удивительный край позвал дядя Костя!

Вот тут и пожалел Сережка, что нет рядом Димки. Как же скверно получилось, что их разлучили. И уж совсем плохо, что первым летит он. Невесело, наверное, тихому Димке одному в поселке с этим Киркой, которого никак не поймешь: хороший или плохой парень, можно или нельзя ему верить. Ничего не стоит Кирке обидеть или разыграть Димку. Не сможет он, когда нужно, постоять за себя, дать крутой отпор... Сколько раз в школе приходилось Сережке выручать товарища. Верно Кирка прозвал его голубем. Сразу угадал характер.

«Где ты, друг!» — мысленно позвал Сережка.

Мотор вдруг словно захлебнулся, перестал гудеть, чихнул несколько раз, но

оправился и опять загудел, но уже тише. Вертолет повалился на бок, и пестрая земля с той стороны, где у окна сидел Сережка, встала вертикально. Сережка невольно ухватился за покачнувшийся под ним ящик, ища опоры, и дурнота подступила к горлу.

Земля встала на свое место, и Сережка облегченно вздохнул. Внизу виднелась черная река с багровыми береговыми оторочками кустов — трехцветная лента среди синих лесов. В стороне от реки, на поляне, образуя большой правильный квадрат, стояли дома. Вертолет повисел над поселком и медленно стал снижаться. Земля приближалась. Сосны, унизанные точеными золотистыми шишечками, оказались так близко, что машина почти касалась их.

Упруго дрогнув, вертолет стал твердо четырьмя колесными лапками на крошечную площадку, сложенную из сосновых неошкуренных бревен. Шум мотора замолк, все медленнее и медленнее крутился большой винт.

Бородатый летчик — командир корабля — спустился из моторной кабины и, проходя мимо Сережки, тронул его за плечо.

— Как прошел полет? Понравилось?

Летчик открыл дверцу и первым выпрыгнул на посадочную площадку. Жители таежного поселка собрались встретить воздушного гостя.

Командир корабля кого-то высматривал в толпе.

— Константин Иванович! — крикнул он. — Привет таежнику! У меня сюрприз для вас.

Все посторонились. На помост вскочил пожилой человек в коричневом берете, суровый на вид.

— Жданного гостя вам доставил, — сказал таинственно пилот, крепко встряхивая руку Константина Ивановича.

— Гостям всегда рад, — весело отозвался Константин Иванович, широко и открыто улыбаясь. — Показывай гостя.

— Вот он! — вытолкнул перед собой довольный летчик Сережку.

— Ко мне? — удивился Константин Иванович, рассматривая Сережку. — Что-то не припоминаю таких знакомых. Ты ко мне?

— Не к вам... Нет, к вам... с Димкой... — запутываясь, забормотал Сережка, поняв сейчас, что, может быть, совершенно не нужен он дяде Косте, никому

тут не нужен, что весь этот полет — самое настоящее самозванство.

— Ничего не понимаю, — сказал Константин Иванович, пожимая плечами и опять построжав. — Не ко мне — и ко мне... А к кому, поточнее? И кто еще этот Димка?

Командир корабля подозрительно смотрел на Сережку.

— С Димкой мы... Ну, этот самый Димка... из Речного. Вы еще жили у них... в Речном. Дорогу строили... в прошлом году. Вот и приехали. Вы еще ему писали...

— А!.. — Суровое лицо Константина Ивановича смягчилось от улыбки. — Отлично! Димка из Речного! Другое дело. Где же он?

— Должен был лететь Димка, — начал опять объяснять запутанную ситуацию Сережка. — Но он не полетел, а я полетел...

— Опять ничего не понимаю... Где сейчас Димка?

— Он там, остался в поселке.

— Почему?

— Хотели сначала Димку, а посадили меня.

— Как это так?

— Что? — спросил командир корабля. — Перепутали хлопчиков? Верно, двоих взять не могли. Решили сегодня одного привезти. Не того захватили? Да, тот, вроде, не такой раскраски был. Не того доставили? — и громко захохотал. — Это, наверняка, Кирка устроил.

— Не того... — смущенно согласился Сережка. — Хотели вместе, да не взяли. Один полетел.

Бородатый летчик все хохотал; засмеялся, наконец что-то поняв, и Константин Иванович.

— Значит, не того, — сказал командир корабля. — История! Назад забирать, Константин Иванович?

— Ладно, разберемся, — сказал Константин Иванович. — Зачем назад доставлять? Но завтра ты мне Димку обязательно привези. Приехал, решился! Молодец! Такой хороший парнишка. А теперь пора вам разгружаться. Ну-ка, сигай! — помянул повеселевшего Сережку Константин Иванович, спрыгнув с помоста.

Сережка прыгнул и едва не свалился. Сапоги его чуть не по голенища ушли в болотистую землю.

— Приучайся ходить по тайге, — ободряюще сказал Константин Иванович.

Глава пятая

В тумане

Утром следующего дня сверхгрузовым пассажиром к дяде Косте вылетел Димка.

Кирка, не рискуя попадаться на глаза летчикам, куда-то исчез.

Димка не всматривался в тайгу так внимательно, как Сережка. Сутки одиночества в чужом месте сломили его. Ему хотелось поскорее очутиться вместе с другом, увидеть, как Сережка устроился в тайге у дяди Кости. Конечно, его тоже поразил пестрый наряд тайги, тем более, что летели они в облаках; земля то скрывалась, то показывалась, всякий раз новая, поражая глаз красками, причудливостью расцветки.

Меж тем облака становились гуще, плотнее, земля открывалась все реже и реже, наконец, совсем скрылась в сплошном молоке тумана. В кабине потускнело.

Димка заскучал.

Вертолет стал резко забирая в стороны, раскачиваясь, словно шарик на веревочке, подолгу кружил на одном месте, потом начинал медленно и осторожно спускаться. Из молока показывались острые макушки елей и широкие кроны сосен. Туман держался до самой земли. Вертолет поднимался вновь.

Бородатый командир корабля спустился из кабины, поискал что-то среди ящиков и мешков.

— Как себя чувствуем? — вежливо спросил он Димку.

— Хорошо, — сказал Димка, не желая тревожить летчика.

— Отлично.

— А скоро прилетим?

— На этот вопрос точного ответа дать не могу. Туман! Никакой видимости. Ищем посадочную площадку. Не исключено, что придется вернуться на базу...

И удалился к себе в кабину.

До этого Димка, в общем, чувствовал себя в вертолете не худо. Туман он принял за явление обычное в этих местах. Теперь Димка труханул. Воздушная машина перестала казаться надежной. Она представилась ему ослепшей и заблудившейся птицей.

Что может случиться? Вспомнились многие случаи вынужденных посадок в

самых глухих местах, вычитанные Димкой в газетах и книгах. Может, им тоже придется совершить вынужденную посадку вдали от населенных пунктов и несколько суток, помогая друг другу, испытывая всяческие лишения, пробираться по тайге через болота, вплавь одолевая реки, с каждым днем все строже сокращать суточный паек...

Способен ли Димка на такие испытания? Изведать все такое как-то не очень захотелось, и, будь его воля, он решительно скомандовал бы повернуть к поселку. Но ведь неизвестно, найдут ли в таком тумане летчики дорогу назад!

Внезапно яркое солнце полыхнуло в окнах.

Обширное озеро лежало под ними. Вертолет пересекал его, приближаясь к лесу.

Прекрасной показалась эта пестрая земля, близкая и родная, сверкающая под солнцем. Сразу полегчало на сердце.

Вертолет теперь шел уверенно.

Весело гудел мотор. Неторопливо внизу проплывала праздничная тайга.

Среди зелени лесов мелькнула прямая просека. С небольшой высоты хорошо виднелись бревна, лежащие на ней, синел дымок костра.

Вертолет замер в воздухе и начал медленно снижаться. Димке показалось, что они садятся на деревья. Никакой площадки под собой он не видел.

Вертолет коснулся земли и замер.

В окно Димка рассмотрел три деревянных дома, прижавшихся к лесу, несколько палаток и высокую антенну.

Из лесу к вертолету бежали люди.

— Такие вот дела... — неопределенно сказал бородатый командир корабля, проходя мимо Димки, и открыл дверцу.

Димка радостно двинулся вслед за летчиком, готовясь увидеть Сережку и дядю Костю. Кончилось его воздушное путешествие.

Ох, как хорошо очутиться на земле, почувствовать ногами ее твердость и вдохнуть полной грудью нагретый солнцем лесной воздух!

У домов виднелся большой щит со знакомыми словами: «Даешь Ледянку!»

— Ксана! — воскликнул командир корабля и протянул руку молодой женщине.

Как и все остальные, она была в резиновых сапогах, брюках, ватной телогрейке, надетой поверх зеленой шерстяной

кофточки. Лицо загорелое, поэтому особенно светлыми казались ее пушистые волосы и очень яркими синие глаза. Ватная телогрейка не могла скрыть изящества ее фигуры. Почему-то казалось, что она должна быть доброй ко всем женщиной.

— Матюша! — Ксана звонко засмеялась и подошла ближе к летчику, протя-

гивая ему руку. — Вот кто прилетел! Как это хорошо!

— Не ждали?

— Совершенно... Нам же вертолет обещали через неделю. Нет, не ждали, Матюша.

— Сами не думали, что к вам залетим. — Туман, — повел рукой летчик. — Сбились, вот и пришлось изменить курс.

— Спасибо туману!..

— Да? Какое же спасибо! Задания не выполнили... А сколько я вас не видел? Доставили вас сюда в самом начале мая. Помните, как летели? Первым рейсом.

— В конце апреля, — уточнила Ксана. — Майский праздник мы встречали на этой земле.

— Значит, все лето в тайге? Вы же собирались пожить тут только два месяца!

— Увлеклась, — сказала Ксана, словно винясь, и опять звонко засмеялась. — Сама не понимаю, как это случилось.

— Наверное, хватили тут лиха.

— Всякое бывало, — сдержанно сказала Ксана. — Приятно, что теперь самое трудное позади. Поэтому и осталась. Сейчас трассу рубим, поселок начали строить.

— Рады, что кончилось лето?

— Легче сейчас. Комары нас мучили. Ох и настрадались от них.

— Домой скоро?

— Не знаю, — Ксана, улыбаясь, смотрела на летчика. — Правда, не знаю. Может, и на зиму останусь. Теперь это место жалко покидать.

— Ой, Ксана! Вот вы какая! Не хотели в тайгу забираться. После Москвы-то в тайгу!

— Говорю: увлеклась. А кто это с вами? — спросила она о Димке.

Димка стоял в стороне, разглядывая эту веселую красивую женщину, чрезвычайно огорченный тем, что не видно ни Сережки, ни дяди Кости. Да, кажется, он попал в какую-то не очень приятную историю.

— Непланный пассажир. Понимаете, Ксана, хотели доставить его в Кедровку к Константину Ивановичу. Решил молодчик помочь нам дорогу строить. За этим и приехал из степного края на Урал. Да вот куда мы с ним вместо Кедровки залетели.

— Молодец! Здравствуй! — Ксана протянула Димке руку. — Люблю таких решительных! Что ж, воздушные гости, к дому, чаем с брусничным вареньем угощу. Ох и много же ее набрали!

— Нельзя, Ксана, невозможно, — огорченно отказался летчик. — Туман за нами гонится. Надо быстрее сматываться. К вам на всякий случай сели. Сейчас домой. А чайку через недельку выпьем. Какие-нибудь просьбы будут?

— Одна, очень большая.

— Приказывайте.

— У нас тут четверо больных. Заберите их, пожалуйста. Очень выручите.

— Seriously больны?

— Наши ребята не любят хныкать. Очень серьезно больны.

— Больных заберу, — решил командир корабля. — Четверо? Многовато! Ладно, груз у вас на недельку оставлю. А как быть с тобой? — повернулся он к Димке.

В эту минуту и решилась судьба Димки. Впрочем, он и сам принял в этом участие.

— Потом меня заберете, — мрачно сказал Димка. Так он решил не потому, что хотел тут остаться. Его тяготило положение сверхпланового груза. Путаётся между людьми, занятыми большими делами.

Разве мог он сказать другое, сверхплановый груз?

— Мужское решение, — одобрил летчик, не подозревая о чувствах Димки. — Давайте больных!

Из вертолета быстро вынесли ящики и мешки, сложили их тут же, на поляне, и накрыли брезентом. Трое больных сами вошли в машину, а четвертый был так плох, что его принесли на кровати-раскладушке.

Ксана попрощалась со всеми улетающими.

— Не тушуйся, — попытался подбодрить совсем загрустившего Димку командир корабля. — Через недельку заберем тебя отсюда и доставим к Константину Ивановичу. Сегодня же сообщим ему в Кедровку, где ты. Познакомишься у Ксаны с лесной жизнью.

Он повернулся к женщине.

— До скорой встречи! Да?

— Уж постарайтесь, Матюша.

— Что передать Большой земле?

— Живем отлично. Настроение рабочее.

Командир корабля захлопнул за собой дверцу. Открыв верхнее оконце, он оглядел всех на поляне и помахал рукой в перчатке. Зашумел мотор, закрутился большой винт, погнав тугие струи воздуха, и машина легко оторвалась от земли. Она повисла на высоте, словно не хотела расставаться с людьми глухой лесной чащи, и тронулась в обратный путь.

Димка стоял рядом с Ксаной, не успев вытереть слез, выбитых струями воздуха, слушал затихающий, отдающий в сердце гул вертолета, покинувшего его среди незнакомых людей.

— Пойдем, — позвала его Ксана, когда затих шум улетающей машины. — Пойдем. Люди у нас дружные, хорошие. Сам увидишь, они тебе понравятся.

Солнце потускнело, словно на него накинули марлевое полотно. Туман надвинулся и сюда.

Злую же шутку сыграл этот туман с Димкой!

Глава шестая

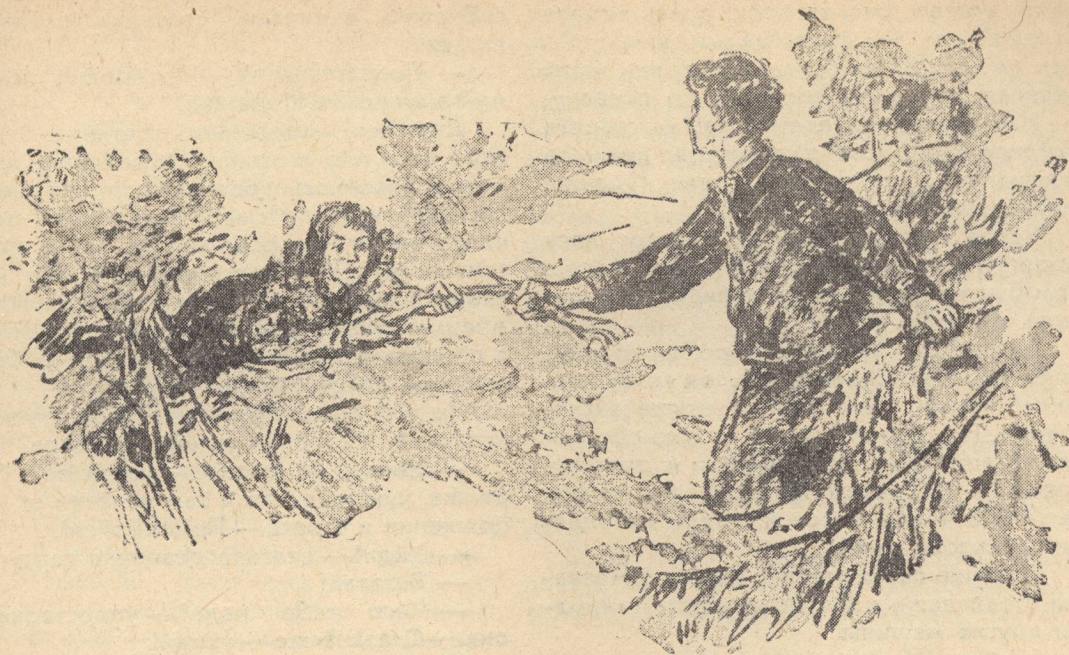
Как тут живут?

Вид сверху может легко ввести в заблуждение. В этом убедился Сережка.

С вертолета поселок строителей Кедровка показался ему маленьким и жалким.

На земле масштаб резко изменился, и все тут Сережка увидел по-другому.

Поселок! Какой же это поселок? Уютный таежный городок! Почти два десятка жилых домов, каждый в несколько квартир, образовали широкую улицу с двумя деревянными тротуарами. В окнах белели занавески и пестрели цветы. На улице росли деревья, пока еще тоненькие, такие слабенькие, что их пришлось привязывать к колышкам. На клумбах грустно поникли головками цветы, опаленные первыми морозами. Сережка успел, пока шагал по улице рядом с Константином Ивановичем, прочитывать несколько вывесок: магазин, столовая, клуб, пекарня, баня, парикмахерская. Все тут есть, что человеку надо. В конце улицы виднелось большое

темное здание, каменное в середине, с двумя деревянными пристроями. Оттуда доносились удары сильного молота, в окнах полыхало пламя.

На красивом щите Сережка увидел уже знакомые четкие слова: «Даешь Ледянку!»

Константин Иванович занимал комнату в одном из многоквартирных домов.

— Располагайся,— сказал Константин Иванович.— Эта кровать будет твоя. Мне нужно на участки, все разговоры давай отложим на вечер. А пока посмотри, как мы тут живем. Деньги есть? Пообедай в столовой. Запирать комнату не нужно: мы тут без замков обходимся.

И ушел торопливо.

Сережка оглянулся. В углу на гвозде висело в брезентовом чехле охотничье ружье, тут же стояли бамбуковые удочки — штук шесть. На одной из стен висел плоский большой лосиный рог с множеством острых отростков, похожий на раскрытую ладонь с растопыренными пальцами. Может быть, этого лося убил сам дядя Костя? Вон и медвежья бурая шкура на полу. Может, и медведя убил дядя Костя? На письменном столе рядом стояли два бронзового цвета бюста — Ленина и Горького, рядом с письменным столом — радиоприемник. Был еще шкаф, заманчиво сверкавший корешками книг.

Сняв сапоги, в носках, Сережка прошелся по медвежьей шкуре. Густой мяг-

кий мех. Он подошел к книжному шкафу. Ключик торчал в замочной скважине. Сережка повернул его и раскрыл дверцы. Сколько книг! Ленин, Горький, Бальзак, Паустовский, Диккенс. Сережка перебирал их одну за другой, потом нехотя закрыл дверцу.

Он посидел возле стола, полистал «Огонек», прочитал рассказ о парне, который в поселке возле Черного моря устроил для маленькой девочки свое море в бочке из-под бензина и назвал его «Алкино море».

Комната Сережке понравилась. Дядя Костя, с которым они успели перебраться всего несколькими незначительными фразами, стал ему ближе. Плохой человек не может жить в комнате, где так много хороших книг. Дяде Косте можно верить.

Хорошо бы им с Димкой поселиться в такой же, как эта, комнате, завести собственные книги, приемник, ружье, удочки да еще бы, вдобавок ко всему, и фотоаппарат.

Сережку поманило на улицу. Он натянул сапоги и вышел на крыльцо.

На месте поселка недавно стояла тайга. Кое-где между домами еще сохранились пеньки. Некоторые были такими большими — с колесо телеги. Густой лес со всех сторон окружал поселок. Такого леса Сережка никогда не видел. И воздух здесь совсем другой, чем в степи, где

почти всегда дует ветерок; здесь воздух недвижимый, насыщенный крепким запахом смолы. Дятел стучал по дереву, и его веселая дробь разносилась по поселку.

Накатанная колесами машин дорога уходила в лес. Сережка постоял немного и зашагал по этой дороге, гадая, куда она может вывести.

Через полчаса пути по тихому лесу дорогу пересек неширокий ручей. Вода в нем была черной, текла лениво, чуть шевеля травинки.

За ручьем, свернув с дороги и поднявшись на холм, Сережка увидел внизу песчаный карьер. Там стояли четыре экскаватора. По крутой дороге весело сбегали самосвалы. Они подкатывали к экскаваторам, и те, грузно поворачиваясь, зачерпывали в ковши песок и щедро наполняли им кузова машин.

Получив свою порцию груза, самосвалы отваливали, и тотчас их места занимали другие машины.

«Скорее! Еще скорее!» — словно подгоняли они друг друга.

Работа шла весело.

— Ох! — вскрикнул кто-то.

В нескольких шагах от себя Сережка увидел девчонку в отчаянном положении.

Она лежала плашмя на земле и цеплялась руками за кусты можжевельника, которые, казалось, сами покорно ползли ей навстречу. Сережка сообразил, что это земля тихонько сдвигалась к откосу и девчонка вот-вот загремит на его глазах с этой высоты в карьер.

Сережка кинулся ей на выручку.

— Не подходи! — злобно вскрикнула девчонка. — Не смей!

Сережка и сам увидел, что если приблизится к девчонке еще хоть на полметра, то не только ей не поможет, но и сам посыплется с ней в котлован.

А земля коварно все ползла и ползла, и девчонка продолжала отчаянно цепляться за кусты.

Что же делать?

Внизу продолжалась та же дружная работа. Люди не видели, что сейчас происходит у них над головами. Да и чем снизу они могли помочь?

Сережка оглянулся вокруг, увидел длинную хворостину и кинул ее девчонке.

— Держись! — и сам уцепился за сosenку.

Девчонка судорожно схватилась за хворостину исцарапанными в кровь руками и какое-то время лежала неподвижно,

собираясь с силами, страшась пошевелиться.

— Подтягивайся! — поторопил почему-то шепотом Сережка.

Девчонка медленно подтянула под себя ногу. Но и этого осторожного движения оказалось достаточно, чтобы земля опять чуточку сместилась. Тогда девчонка, на что-то решившись, резко подтянула вторую ногу, сделала еще несколько энергичных движений, держась обеими руками за хворостину, и, наконец, с помощью Сережки очутилась в безопасном расстройении от обрыва.

На лбу ее и верхней губе выступила испарина. Девчонка тяжело дышала.

— Жизни не жалко! — прошипел Сережка, чувствуя, что и сам вспотел от напряжения и страха. — Поднимайся!

— Уйди! — сказала девчонка сердито.

— Вставай!

— Чего тебе надо? — упорствовала она. — Сказала же — уходи!

Бессознательным движением она поправила юбку, спрятав оголенные до голубых штанишек загорелые тонкие ноги.

— Да вставай же! — разозлился Сережка. — Тоже мне... кривляется!

Девчонка поднялась, отряхнула запачканные землей, в ссадинах, колени и воинственно взглянула на Сережку. Рыжие ее волосы — обстоятельство, весьма задевшее Сережку, — торчали в стороны двумя тугими косичками. Большие зеленые глаза презрительно смотрели на Сережку.

— Ты откуда взялся?

— Тебе что? Скажи спасибо, дура, что тебя увидел. Как загремела бы! Все кости в вермишель.

— Ну и ладно! — Она гордо повела плечами.

— Признайся: здорово испугалась?

— Попробуй — узнаешь, — независимо и без самого малого намека на благодарность ответила она.

— Да ладно тебе, чего сердишься, — осыпая, перешел на миролюбивый тон Сережка. — Со всяким такое может случиться.

— Ты никому не рассказывай, — попросила она.

— Очень нужно. Ябедой не бывал.

— Ты все же скажи: откуда ты взялся? Я тут всех знаю, кто в Кедровке живет.

— Сегодня прилетел. Вертолетом, — похвастал Сережка. — К дяде Косте.

Девчонка ему понравилась. Вон как держится, будто это не она минуту назад цеплялась руками за кусты, а глаза были как у тонущей собаки. Чуть-чуть смущали только рыжие косы.

— А! — удовлетворилась она ответом. — Жить у нас будешь или в гости?

— Не знаю. Вот завтра Димка прилетит...

— А кто такой Димка?

— Дружок мой, вместе приехали. А ты тут живешь, в этой Кедровке?

— Видишь тот экскаватор, — показала она на дальнюю от них машину в карьере. — Там папа и брат работают. Машинами.

— Понятно. А ты чего тут делаешь?

— Живу.

— Просто живешь?

— В техникум поступала, да провалилась, — спокойно призналась девчонка, не придавая, очевидно, особого значения этой неудаче. — В клубной библиотеке работаю.

— Вон что... Тебя как зовут?

— Мальчики должны первыми себя называть.

— Пожалуйста! Сережка.

— А может быть, клипс?

— Чего? Какой клипс?

— Не знаешь? Ну, что в ушах носят.

Сережка расхохотался.

— Да будет тебе подковыривать. Ну, Сергей.

— Тогда меня — Лиза.

— А здорово у вас тут в тайге! Ничего, ничего, только лес — и вдруг дома: целый поселок. Машин сколько!

— Подумаешь, — протянула Лиза. — Совсем маленький поселок. Тут только насыпь делают, а на других участках рельсы кладут. Вот где весело и народу там раза в три больше. А у нас что? Рядовой участок. Даже школы еще нет.

— А по-моему, интересно.

— Что интересно? — вежливо осведомилась Лиза.

— Смотреть, как люди дорогу строят.

— А ты видел, как ее строят?

— Да мы с Димкой только вчера приехали.

— Так ты еще ничего не видел, а говоришь — интересно.

— Увижу.

— Хочешь посмотреть, как у нас кладут насыпь?

— Хочу!

Лиза быстренько пошла по узенькой

тропинке к лесу. В нем было сумрачно и неуютно. По такой тайге напрямик, как в степи, пожалуй не пройдешь. Вековые деревья вымахали вершинами под самое небо. А под ними поднимались ели, которые тоже хотели света и ради этого тянулись в струнку, неряшливые, потеряв хвою на нижних шершавых ветках, обросших лохматыми прядями мха. Попадались болотца, через которые надо, балансируя, перебираться по жердинкам. Пожелтевшие папоротники стояли по пояс Сережке. Тропинка петляла, обходя завалы, стараясь миновать особенно низкие сырые места.

Сережке этот лес показался враждебным к нему, новичку. Ну и пусть!

Лес просветлел, и они вышли на дорогу.

Деревянная эта дорога в таких местах просто выручалочка: она положена на торфяную «подушку» и присыпана сверху

песком. Машины по ней проходили часто. Под их тяжестью дорога тихонько, словно паром на легкой волне, колыхалась и, кажется, даже горестно вздыхала.

— Лиза! — громко позвал молоденький, чернобровый, с маленькими, словно прилепленными, усиками шофер проезжавшей машины. — Брат приехал? — и хлопал себя по голове, намекая на схожесть цвета их волос.

Лиза фыркнула. Сережка искоса посмотрел на нее: не обижается ли? Кажется, нисколько. Молодчага!

— Пойдем, — потянула его за руку Лиза.

Они прошли шагов двести по этой деревянной дороге, лес перед ними раздвинулся в широкую просеку, и Сережка увидел место, где готовили земляное полотно будущей железной дороги.

Широкая насыпь, высотой метров десять, уходила в далекую глубину отливающего бронзой леса. По насыпи двумя непрерывными встречными линиями двигались самосвалы — одни груженные песком, другие налегке. Грузно и важно ползали бульдозеры, разравнивая и расширяя насыпь сверкающими ножами. Двигались катки, уминая тремя литыми толстыми колесами грунт. Вдали шевелился высокий кран. Геодезисты, с теодолитами и пестрыми рейками, что-то измеряли, уточняли.

— Ого! — протянул сдержанно Сережка. — Солидно!

Да что там солидно! Здорово! Очень здорово! У Сережки глаза разбегались. Но ему не хотелось перед этой самонадеянной девчонкой, которая ревниво следила, какое впечатление произвела насыпь на Сережку, показать себя пацаном, готовым на все смотреть разинув рот. Пусть думает, что и не такое ему пришлось видеть на белом свете, и удивить его не так-то просто! Сама же говорила, что их участок маленький и скучный.

«Здорово! — думал про себя Сережка. — Ох и здорово! — других слов у него не находилось. Но и в эти бедные слова он вкладывал весь свой восторг и восхищение. — А какое нам тут дядя Костя может дело найти! Тут же все на машинах...»

Лизу же сдержанность Сережки обидела.

— Наш участок позавчера Красное знамя получил, — хвастливо сказала она. — Константина Ивановича не было — чуть не на самом последнем месте сидели. Он

приехал — по-другому все пошло. Мы теперь за коллектив коммунистического труда боремся.

Сережка словно и не слышал ее.

— Пошли домой? — спросил он небрежно, хотя готов был тут стоять хоть до ночи.

До поселка они дошли молча.

Возле крайнего дома плотный парень, в фуфайке, без шапки, пытался сдвинуть с места большое толстое бревно, пригтовленное под распиловку на дрова.

— Ну-ка, Лиза, помоги, — позвал он.

Она ухватила за тяжелое бревно, но Сережка из рыцарских побуждений отстранил ее.

— Давайте я.

Вдвоем они легко подняли бревно и положили на козелки.

— Спасибо за помощь, — сказал парень, внимательно посмотрев на Сережку и чему-то затаенно улыбку. — Чей будешь?

— Он, Степа, к Константину Ивановичу прилетел. Сегодня, — поторопилась пояснить Лиза.

— Слышал... Насовсем или в гости?

— Кажется, насовсем.

— Очень хорошо.

Голос у Степана был густой, добрый. На непокрытой голове чернели короткие волосы. Двигался он неторопливо, твердо ставя ноги, но все движения были уверенны и точны. Разговаривая, он поудобнее развернул кривоватое бревно в козелках, проверил ногой их устойчивость, позвенел, держа на весу в руке, пилой.

— Вот только не знаю, что буду тут делать, — признался Сережка, сразу проникаясь доверием к Степану.

— Найдется дело, коли есть желание работать, — прогудел Степан и вдруг спросил: — Пилить умеешь?

— Еще бы! — засмеялся Сережка.

— Проверим, — строго сказал Степан. — А ты, Лиза, иди к бабушке, помоги с обедом. Мы тут сами попробуем управиться.

Они взялись за ручки пилы. Сережка потянул первый, и зубья, чуть скользнув, мягко врезались в толстый слой коры. Коричневый опил посыпался с двух сторон бревна струйками. Однако пила у Сережки ходила неровно, дергалась, он очень волновался, относясь к этой работе как к серьезному испытанию его сил. Не хотелось ударить лицом в грязь перед новыми знакомыми — Лизой и Степаном.

Постепенно Сережка справился со своим волнением, перестал без нужды дергать пилу, и она пошла ровнее, вжикая, выбрасывая крупные, словно пшено, пахучие опилки. Когда полотно почти наполовину ушло в древесину, Сережка решил посмотреть на своего напарника и встретил его ответный дружелюбный взгляд. Это окончательно приободрило Сережку, дело у него пошло еще более споро.

«Вжик... вжик... вжик... вжик...» — мягко пела и пела пила и легко, словно сама, ходила и ходила в их руках, все глубже вгрызаясь в бревно. Первый чурбан отвалился, а Сережка ни чуточки не устал, только раздумялся.

— Ты где мою сестру встретил? — спросил Степан.

— А там, возле карьера.

— Удивился я. Смотрю, наша Лиза где-то рыжего, как сама, мальчика отыскала. Вот, думаю, чудеса в решете! Нет у нас таких в Кедровке, с самого начала не было. Откуда взялся?

Степан сказал о своем удивлении с таким добродушием, что Сережку ничуть не задело упоминание о цвете его волос.

Покончив с первым бревном, они взялись за второе, дружно и слитно, чутко чувствуя руку друг друга, повели пилу, и она, пожимая, плавно заходила. Взгляды Степана ободряли Сережку, подзадоривали показать всю свою силу.

Однако после третьего бревна Степан, проведя тыльной стороной руки по лбу, притворно вздохнул:

— Не могу! Перекурить должен. А ты пока остынь.

Сережка заподозрил, что перекур придуман нарочно: Степан щадит его, но возражать не стал — последний распил дался трудно.

Закончив с бревнами, они покололи чурбаки на поленья и сложили их в аккуратную кладку возле крыльца.

— Хватит на пять дней, — довольно сказал Степан. — Спасибо за помощь. Теперь пошли.

— Куда?

— Пообедаешь с нами.

Тот, кому пришлось на пару пилить дрова, должен знать, как даже такая нехитрая, вроде не требующая особого умения и большой выносливости работа сближает. Эти два часа сделали для дружбы Сережки и экскаваторщика Степана больше, чем если бы они рядом прожили два месяца.

Вот почему Сережка не отказался от обеда.

В просторной комнате, застеленной домоткаными дорожками, у стола, накрытого расшитой скатертью, сидела седая бабушка с пухленькими и наливными, как румяные яблочки, щечками. Сложив на коленях маленькие аккуратные руки, она что-то рассказывала Лизе, сокрушенно покачивая головой.

— Чучком-то, чучком-то как чаданет его в чамое плечо! Он и повалилча на чнег... Чейчач, члава богу, поправилча, човчем поправилча,— смешно выговаривала она, приоткрывая стянутые губы.— Чтепа, чейчач обедать будешь? — спросила бабушка.

— Это наша бабученька,— представил, улыбаясь, Степан.— Познакомься, Сережа. Вче мы чильно любим чвою бабученьку.

— Ах, перечмешник, — заулыбалась бабушка.— Чейчач так и надо вчем чкать, почмеяться над бабученькой.

— А это член нашего коллектива Василий Васильевич,— сказал Степан, указывая на серого кота, развалившегося на диване и лениво смотревшего на всех зелеными глазами.— Потянемся, Василий Васильевич? — спросил Степан, подходя к дивану.

Кот неожиданно лег на спину и поднял лапы, как собака. Степан пощекотал его между лап, кот вытянулся, зажмурил глаза и с наслаждением потянулся.

Бабушка и Лиза собирали на стол. Лиза держалась так, как будто Сережки тут и не было. Но все время наблюдала за ним.

— Ну, а теперь кушать, Василий Васильевич,— позвал Степан, и кот независимой походкой направился к своей тарелке у порога. Во все время обеда он ни разу не подошел к столу, не канючил.

Сережка почувствовал себя в этом доме так просто, будто всех знал давным-давно. Ему нравилась и эта бабушка, которая вместо «с» выговаривала «ч»; Лиза с ее тугими рыжими косичками и зелеными глазами; Степан, такой могучий, спокойный и добродушный; этот важнящий кот, которого почтительно величают Василием Васильевичем.

Они заканчивали обед, когда в комнату вошел мужчина — настоящий великан, на голову выше Степана, будто вдвое шире его в плечах, еще более басистый. С ним, неожиданно для себя, Сережка увидел Константина Ивановича. Не нужно

было обладать особой догадливостью, чтобы признать в великане отца Степана и Лизы.

— Вот где ты,— сказал Константин Иванович.— А я тебя по всей Кедровке ищу.

— Он самый? — спросил великан, протягивая Сережке огромную руку.— Смотри-ка, мы его ищем, а он у меня в гостях. Наверное, ты привела? — подмигнул он покрасневшей Лизе.

— Пильщик наш,— пришел на выручку сестре Степан.— Видел, сколько с ним дров наготовили? Здоров на работу.

Втроем они стали обсуждать, что могут тут делать Сережка и Димка. Сережка помалкивал, только слушал. Окончательное решение, однако, отложили до прилета Димки.

Домой Сережка и Константин Иванович возвращались в темноте.

— Наши лучшие экскаваторщики Окатьевы,— сказал на улице Константин Иванович.— Великие мастера, гордость нашего участка. Двадцать лет Иван Степанович на машинах работает. Сына своей профессии обучил. Всем надо у них любви к машине учиться. Хорошая семья! Рабочая! И девчонка хорошая растет. Попало ей недавно. Что придумала! Поехала вроде сдавать экзамены в техникум, да сочинила, что провалилась. Не захотела оставлять одних: бабушку ей жалко.

«И мне правды не сказала», — подумал Сережка.

Лежа в постели, Сережка, поглядывая на писавшего что-то за столом Константина Ивановича, вспоминал прошедший первый большой день в Кедровке. Сколько всего увидел! Вот как живут в Кедровке. Ему представилось, что и собственная его жизнь тут будет необычайной. Напрасно пугал их Кирка. Завтра прилетит Димка. Сережка покажет ему поселок, карьер, земляное полотно, познакомит с Окатьевыми, с дядей Костей.

Утром Сережка вышел на крыльцо и ничего не увидел. Вязкий туман закрыл даже соседний дом.

— Вот беда,— сказал Константин Иванович.— Как сегодня будем работать? А так хорошо наладилось. Этот туман может до полдня продержаться. Тогда раньше вечера Димка к нам не попадет.

Константин Иванович ошибся. Туман продержался весь день. Сережка напрасно проторчал на вертолетной площадке.

Продолжение следует

ГОРЯЧИЙ ОКЕАН

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»!

Я знаю, что многие из вас, а точнее все, живо интересуются новыми открытиями, изобретениями, новыми успехами советской науки и техники. Всем известны наши достижения в завоевании космоса. Но мне бы хотелось привлечь внимание следопытов к такой важнейшей проблеме, как использование термальных вод в народном хозяйстве страны.

В последние годы в Советском Союзе широко разворачиваются научные исследования и поиски новых видов энергии, заложенных в природе, в том числе и горячих подземных вод и пара.

Запасы термальных вод на территории страны огромны, в известном смысле это «горячий океан». Особенно велики они в Западной Сибири, на Камчатке и Курильских островах, в республиках Средней Азии и Закавказья. Температура этих вод в некоторых районах превышает 200 градусов Цельсия, и чем глубже в недра земли, тем она выше.

Сегодня уже ненужно доказывать целесообразность их использования. Все говорит за то, что пришла пора вплот-

ную приступить к решению проблемы. Выполнимо ли это? Безусловно. Если человек сумел проникнуть в космос, то он может и обязан проникнуть в глубь земли.

Тепло термальных вод и перегретого пара пойдет на отопление городов и сел, для выработки дешевой электроэнергии, выращивания овощей и фруктов, особенно в Сибири и на Севере.

Сейчас на Камчатке уже начато строительство первой в нашей стране электростанции, турбины которой будут вращаться от энергии горячих подземных вод. Ведется проектирование второй, более мощной электростанции. Камчатка скоро получит дешевую электроэнергию и тепло.

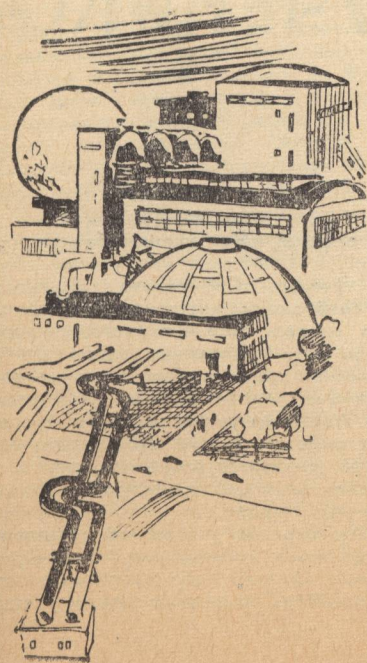
Это только первый шаг. А как изменятся условия жизни в городах и рабочих поселках Сибири и Крайнего Севера в недалеком будущем, когда мы научимся сравнительно легко и просто использовать «горячий океан» для наших нужд!

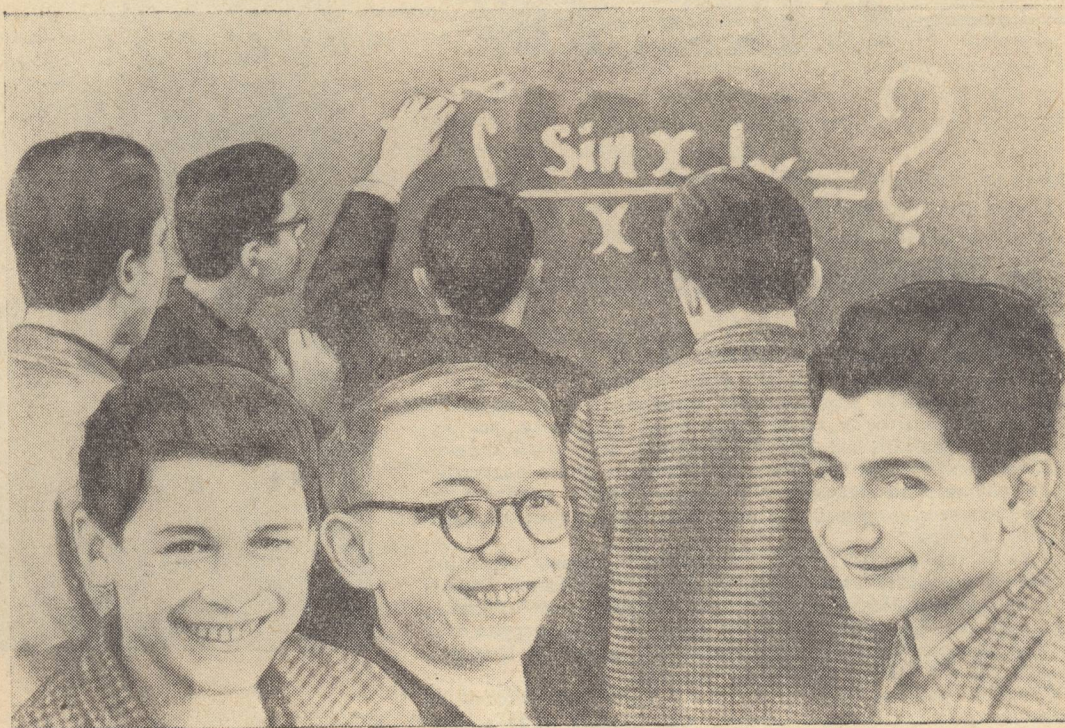
Не сомневаюсь, что среди вас, следопыты, найдутся желающие посвятить жизнь этому интересному делу. А работы — непочатый край. Достаточно сказать, что мы пока еще очень мало знаем о механизме работы вулканов, гейзеров, о происхождении горячих источников в природе. Разгадка основных закономерностей глубинных процессов даст возможность подчинить человеку неиссякаемые могучие силы, скрытые в недрах земли, поможет сохранить ежегодно десятки и сотни миллионов тонн угля и нефти, освободит транспорт от перевозки этих грузов, превратит необжитые, богатые природными ресурсами районы в населенные области с развитой сетью дорог, с большими городами, с развитой промышленностью и культурой.

Хочется пожелать вам, друзья, больших успехов в учебе и труде, поисков и дерзаний!

М. ЛАВРЕНТЬЕВ, академик, председатель
Сибирского отделения АН СССР

НЕТ УЧЕНЫХ БЕЗ УЧЕНИКОВ

Всего пять лет прошло с тех пор, когда в тайге, на берегу теперешнего Обского моря появились первые домики, похожие на охотничьи займки, с необычными обитателями — учеными во главе с академиком Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым. Партия поручила им создать новый научный центр на Востоке страны.

Город науки строился очень быстро. Но еще не были готовы институты, а лаборатории уже продолжали свою работу, начатую где-то в Москве, Ленинграде, Свердловске... Вокруг академиков М. А. Лаврентьева, С. Л. Соболева, члена-корреспондента АН СССР Г. И. Будкера, профессора А. А. Ляпунова начали создаваться целые коллективы, в основном из молодежи. Тогда и прозвучал на всю страну знаменитый

лозунг Академгородка: «Нет ученых без учеников!».

Учениками ученых Сибирского научного центра стали сотрудники институтов, студенты Новосибирского университета — первого университета, где почти нет собственных лабораторий. Почему? Их заменили хорошо оборудованные лаборатории научно-исследовательских институтов Академгородка. После двух-трех лет учебы студенты начинают работать в этих лабораториях и к окончанию вуза становятся опытными, знающими свое дело специалистами, зачастую авторами нескольких научных трудов.

Но на этом сибирские ученые не остановились. По их глубокому убеждению, интерес к математике, химии, физике надо воспитывать со школьной скамьи. Ведь именно в школе учатся

сотни тысяч мальчиков и девочек, способных овладеть знаниями в значительно большем объеме, чем это сейчас дает программа. Переустроить ее — дело, требующее времени, а научную смену нужно готовить сейчас, и притом быстро. И тогда было решено организовать Всесибирскую физико-математическую олимпиаду. Ученые сами составили хитрые, но не очень сложные задачи. Они появились на страницах газет и журналов в 1961 году. Первый тур был заочным. Многих ребят пригласили весной 1962 года в областные центры на второй, уже очный, тур. Здесь они встретились с молодыми учеными, приехавшими сюда из Академгородка. Снова отбор. И вот 250 лучших приглашены в необычную — летнюю физико-математическую школу на Оби.

Навсегда запомнились ребятам лекции М. А. Лаврентьева, С. Л. Соболева, Г. И. Будкера, А. А. Ляпунова, встречи с ними в институтских лабораториях, на чудесном пляже у Обского моря, в тайге у костра. Одни победители третьего тура олимпиады стали учиться в университете, другие — в новом учебном заведении нашей страны — физико-математической школе-интернате. Первые уроки начались в январе 1963 года. Собственно, не уроки, а лекции ведущих ученых, практические занятия в институтах.

Сейчас в школе уже триста ребят. Ежегодные олимпиады готовят новое пополнение, для которого научный поиск должен стать делом всей жизни, а жажда знаний и трудолюбие — главной отличительной чертой характера.

Надо сразу сказать, что наши учащиеся совсем не «вундеркинды». Это обычные советские ребята, каких миллионы, увлеченные математикой, физикой, химией или биологией, готовые много работать, чтобы больше знать и уметь.

Летом прошлого года они сдавали первые экзамены по математике и физике, а потом десять учеников стали участниками научных экспедиций институтов. Одни отправились в Арктику вместе с биологами, изучающими влияние солнечного излучения на живые организмы. Другая группа — на горный Алтай, третья — работала в районе Новосибирска. Вернулись в школу осенью — загорелыми, окрепшими, увлеченными работой и новыми планами на будущее. В этом году ребята опять поедут в экспедиции. Каждый обязательно привезет экспонаты для школьного музея естествознания, который мы создаем. Рассказы об этих путешествиях войдут в наш рукописный литературный альманах.

Любят будущие математики и физики ходить в походы. Между прочим, «заразили» их ученые. Вместе они в субботу отправляются в дорогу. Ночь у костра — с песнями, рассказами, вкусным ужином. А днем — сложный путь по горам, ущельям, тайге.

Особенно увлекательным был поход на прииски. Много интересного узнали ребята о добыче золота. А сами рассказали рабочим о школе, об Академгородке, выступили с импровизированным концертом.

Большие планы у нас на лето. Решили мы превратить свой интернат в настоящий туристско-трудовой лагерь, в базу близких и дальних походов. Кроме того, хотим побывать на III Уральском слете следопытов. Ведь мы тоже следопыты.

Полтора года тому назад на здании на-

шей школы еще висел лозунг: «Досрочно закончим строительство школы». Мы дружно помогали строителям в работе. Каждое воскресное утро после завтрака шли на стройку. И так почти целый год — зимой, весной, летом. А осенью новое огромное здание было готово. Но дружба со строителями не прекратилась. На комсомольском собрании кто-то предложил организовать консультации для рабочих — учащихся вечерних школ. Идея понравилась всем. Теперь каждую неделю проходят занятия по физике, химии, математике.

Строители высоко отзываются о своих консультантах-помощниках. Дружба крепнет.

Еще в летней школе у нас стало традицией устраивать вечера защиты «фантастических проектов». На них ученики выступали с оригинальными предложениями, задачами и решениями, а их оппонентами были ученые. После защиты вручались специальные дипломы. Эта интересная игра была для многих первой пробой на творчество, новизну мыслей. Сейчас «дипломанты» продолжают ее в кружках. Их много: кибернетики, теории множеств, биофизики, радиоэлектроники, дифференциальных уравнений, ракетный. В конце учебного года ребята выступают с докладами, демонстрируют приборы, установки, сконструированные ими. Защита «фантастических проектов» — шаг к будущему научному творчеству.

Есть у нас хорошая традиция — вечера воспоминаний о родном крае.

Началось это как-то в свободный вечер. Уселись в круг в одном из классов и стали вспоминать свой дом, школу, друзей. Говорили о бескрайних степях Украины, Монголии, о горах Алтая и Урала, о гигантах индустрии и могучей Лене, о красоте Севера и ярких красках природы Юга. Ведь к нам прибывают мальчики и девочки из всех уголков Советского Союза: сейчас учатся представители сорока областей и республик нашей страны. Потом собрались еще и еще раз: каждому было о чем вспомнить. Теперь такие вечера проходят и в классах, и в лесу у большого костра дружбы. Они романтичны, они будят в сердцах ребят добрые чувства к Родине, ко всей нашей бескрайней стране.

Скоро из школы выйдут первые выпускники. Они станут студентами университета, сотрудниками институтов — самыми молодыми следопытами науки. А их младших товарищей ждут летом экспедиции на далекий Север, на Дальний Восток, в горы Алтая...

Школа готовится к приему нового пополнения. Уже приходят сотни писем молодых участников III Всесибирской олимпиады. Поиск молодых продолжается. Ведь наука — самая удивительная страна чудес! Но она покоряется только трудолюбивым, способным на подвиг, упорным людям.

И мы будем рады, если кто-то из читателей «Уральского следопыта», прочитав наш рассказ, решит участвовать в олимпиаде, а потом станет учеником нашей школы.

Хотите проверить себя? Посмотрите эти задачи, придуманные ребятами физико-математической школы-интерната Академгородка. Задачи эти опубликованы на следующей странице. Ждем ваших ответов.

СМЕКАЙ-КА!

◦ Привал. Костровой разливает вкусный, наваристый суп. Он не на рыбе, а на солидном куске бараньего мяса, но такой, что пальчики оближешь. Первую поварешку для пробы наливает себе, затем остальным, а последнему — через 5 минут после того, как налил себе. Потом он вспоминает, что суп не посолен, и бежит за солью. Прошло еще 10 минут. Посолив, все взялись за еду. Тогда оказалось, что суп у повара горячее, чем у того, кто получил еду из той же кастрюли последним. Все очень удивились, но один, смекалистый, быстро все объяснил. Почему?

◦ В лесу масса загадок на каждом шагу. Особенно зимой, во время лыжного похода. Во-первых, почему скользят лыжи? Во-вторых, почему лыжи стали плохо скользить после того, как пересекли речку и на скользкую поверхность попала вода? Ведь на Севере ездят на

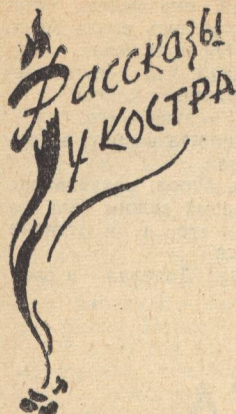
ледовых лыжах и санях. Чем они отличаются от обыкновенных?

◦ Кто знает, почему снежинки плоские?

◦ Как объяснить столбы света сверху и снизу Луны?

◦ Попробуйте разбить любой треугольник на равнобедренные.

◦ Из двух городов, расстояние между которыми 300 километров, навстречу друг другу выехали одновременно велосипедисты со скоростью 60 и 40 километров в час. В момент выезда с носа первого из них слетела муха и со скоростью 75 километров в час полетела навстречу второму. Встретив его, вернулась к первому, затем опять ко второму и так, пока велосипедисты не встретились. Сколько километров пролетела муха?

Сегодня у нашего следопытского костра выступает верхолаз-линейщик Сибэлектромонтажа Леонид Федотов. Несколько лет назад он закончил на Урале, в городе Новая Ляля, ремесленное училище № 20, служил в армии, потом переехал в Новосибирск. Здесь Леонид Федотов трудится с первого дня строительства Академгородка.

НА ВЫСОТЕ

Для кого зима — это белая сказка. А для нас — это минус на термометре, плюс снега и метели. Что бы там ни сулил прогноз, мы все равно целый день на улице. Привыкли, и ничего.

Кто мы? Линейщики. Что делаем? Разное. Ямы бурим, опоры ставим, линии тянем. Проводим свет людям.

Рядом стройка. Экскаваторы ворочают шеями, башенные краны головами крутят, самосвалы с бетоном проносятся. И такие корпуса воздвигают каменщики, что ахнешь!

Горячи и дружны в работе строители! Летом за дело берутся, засучив рукава. Зимой рукава не засучишь, но, тем не менее, дома сдаются один за другим — так что нам, линейщикам, только знай поворачивайся.

Когда осенью троих из бригады взяли в армию, нас осталось всего пятеро.

— Не тужить и носов не вешать! — успокоил бригадир. — Будет пополнение!

И пополнение пришло. Вернее, приехало. Однажды утром, придя на участок, мы увидели четверых пареньков в ремесленных бушлатах. Они сидели у Геннадия Ивановича в прорабской. Каждому не больше семнадцати. Один, Панко Вербов, спокойный темноглазый крепыш, выглядел чуть постарше.

Геннадий Иванович долго осматривал ребят. — В Сибирь, говорите, приехали? И на сколько? На неделю, надолго?

Ребята заулыбались. Повеселел и прораб.

— Бывали у нас «романтики», что и недели не жили. А вы как? — продолжал он.

— Мы насовсем, — ответил за всех Панко.

— Это — дело! Тогда с приездом вас! — и прораб крепко пожал ребятам руки.

В бригаду нам дали троих. На следующий день они получили спецовки, монтажные пояса, когти и поехали с нами на линию: предстояло подвешивать светильники и подключать к домам вводы.

— Высоты не боитесь? — спросил бригадир молодых. — Тогда вот вам по десять светильников на брата — и ползайте крепить. Нуль на светильниках замечен. Его подсоединяйте к нижнему проводу. Фазу — к среднему. Линия еще не включалась, опасаться нечего.

Новички приступили к работе по всем правилам. Еще на земле они пристегнулись цепями, водрузили на плечи светильники и, обнимая опоры, тронулись к проводам. Они поминутно закидывали головы вверх, будто лезли на небо. Взобрлись дружно и благополучно,

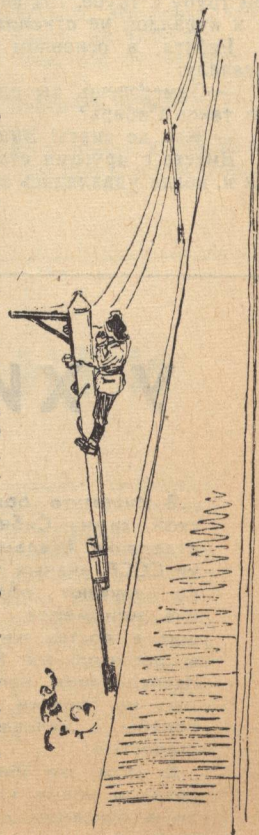
Но главное в работе линейщика — не покорение высоты. Залезть можно и на телевизионную вышку, а вот довериться вверх монтажному поясу и без боязни повиснуть над пустотой — это куда сложнее. На это среди молодых решился только Панко. Мне понравилось, как он смело откинулся на цепь, освобождая руки. Руки на высоте предназначены не держаться, а работать.

Панко не спеша снял рукавицы, положил их на изолятор и достал из кармана ключи. Весело насвистывая, закрепил светильник. Достал монтерский нож, зачистил и подключил провода. Все получилось у него легко и просто. Спустившись, не снимая когтей, Панко перешел ко второй опоре и еще быстрее управился со светильником, а когда друзья его спустились с первых опор, он поднялся уже на третью.

Дал как-то бригадир поручение нам с Панко на двоих. Строители вели закладку крупнопанельных домов, и нашей задачей было дать свет объекту.

Зима. Страшный мороз. Восемнадцатиметровая опора, срошенная из двух обыкновенных, обледенела и гулко вздрагивала под ветром. На самой макушке поскрипывала траверза. Я был за старшего и полез первым, чтобы подняться на опору негнувшийся бронированный кабель и закрепить его.

Панко помогал снизу и, казалось, завидовал мне. Такая уж у него натура. «Не тужи, дружок, хватит и тебе работы!» — подумал я и, чтобы успокоить напарника, крикнул:

— Панко, тебе прожекторы ставить. Подготовляй.

Закрепив воронку, я метр за метром спускался вниз, прибывая скобками упругое тело кабеля. Панко уже ждал своей очереди. Он взбежал на опору, как по лестнице, пристегнулся и начал поднимать прожекторы.

Ветер раскачивал их из стороны в сторону, как огромные маятники. И вот уже два огромных зеркальных глаза наведены на строительную площадку. Сегодня у бетонщиков будет светло.

«В рукавицах — не работа», — решил Панко и положил их на траверзу. Оставалось подключить прожекторы, когда налетевший ветер сбросил ру-

кавицы. Как подбитые птицы, они нелепо закувыркались в воздухе и шлепнулись возле меня. Панко даже не повернулся. Он подключал зажимы. Железо жгло руки. Я знал, что у него онемели пальцы, что он еле удерживает ключи.

— Панко, пошли греться! — звал я его. Пальцы одной руки он держал во рту, а другой работал. Потом руки менял.

Скрипела и покачивалась опора, покачивался наверху Панко. Когда последний зажим был затянут, он спустился. Я ругал его, а он оттирал побелевшие руки и не сердился.

— Ну как я работу брошу? Доделал — и слез. А рукам это закалка..

ЮВЕЛИРНАЯ РАБОТА

Проходные тоннели — длинные бетонные лабиринты. Идут они под землей, а в них трубы проложены. Те самые трубы, что отопляют дома, снабжают их водой — горячей и холодной. Диаметр у труб — человек свободно пролезет. Сваривал их Охтар.

Приехал Охтар Куренбеков из солнечного Ташкента. Был молод, высок, смуглолиц. В движениях ловок и быстр, как джигит. Трубопрокладчикам понравился. Конечно, не за стройную фигуру. Работал он так, что даже опытные сварщики удивлялись. Как пристроит огненным электродом трубу к трубе, так не то что вода не пробьет, ее и кувалдой не отколотишь. Чисто работал.

Ребята, в основном северяне, посмеивались поначалу:

— Замерзнешь ты здесь, Охтар! Не знаешь, что такое Сибирь?

— Как не знать! Знаем, знаем...

Вместе с другими строил Охтар Академгородок и, когда удивлялись его работе, говорил:

— Труба большая, ее варить что! Вот тонкая работа — та трудная. Даже листовое железо варить можно.

— Загибай, да знай меру, — усомнились ребята. — Не может быть!

— Не верим, доказать надо? — сверкнул глазами Охтар. — Пожалуйста.

Под трубой валялась железная банка из-под гудрона. Охтар положил ее на заземленную трубу и ровно, словно циркулем, провел по ржавому дну держателем. Дно тут же выпало. Расплавленная капля скатилась на землю и застыла дробинкой.

Охтар приложил дно на прежнее место и осторожно, как ювелир, повел по окружности электродом, за которым тянулась золотая ниточка шва. В банку почерпнули воды — ни капли не просочилось наружу.

— Теперь верим? — гордо посмотрел на нас Охтар.

Теперь мы верили, что он сварщик-ювелир.

У ХИМИКОВ СИБИРИ

В Институте органической химии Сибирского отделения Академии наук СССР ученые успешно изучают образование мономеров, входящих в состав животных и растительных белков. Исследования направлены на поиски путей борьбы с человеческой старостью.

В этом же институте созданы новые красители, в основном для кап-

рона и ацетатного шелка. Сейчас они проходят производственные испытания.

Получен краситель для полиэтилена, который не будет выцветать даже на самом ярком солнце.

В Красноярском институте леса и древесины разработан метод химической переработки древесины листвен-

ницы. Для нужд сельского хозяйства из нее будут изготавливать различные кормовые продукты и, кроме этого, целлюлозу.

Ученые подсчитали, что для сельского хозяйства Сибири и Дальнего Востока требуется ежегодно 17 миллионов тонн минеральных удобрений.

ДРУГ МОЙ ВОВКА

Для вас Мошково — просто районный центр. Одна из железнодорожных станций. А для Вовки Коломейца Мошково — родина. Там прошли его детство и юность. Оттуда ушел и не вернулся с войны отец. На одной из мошковских улиц стоит и сейчас небольшой деревянный дом. Живет в нем старенькая, рано поседевшая русская женщина — мать Вовки. Потому и дорого для Вовки Мошково.

В один год мы приехали с ним строить Академгородок, в одной комнате жили два года, и если я называю его Вовкой, то он вполне разрешает мне это.

Кто имеет права шофера, поступает не иначе как в УМ. Есть такое Управление механизации. Там стал работать и Вовка. Машин свободных не было, и пришлось ему стать подменным. Уходит в отпуск шофер — Вовка на его автокране. Уходит другой — Вовка подменяет. Техника не должна простаивать. Она очень нужна стройке.

Однажды, вернувшись с работы, Вовка сказал:

— Автопогрузчик дают. Садиться на него или нет? Ни разу на нем не ездывал. Конечно, это не кран. И скорость у него не та, и маневренность. Но и на таких каракатицах работают люди! И неплохо.

Так и сказал — «каракатицах».

А наутро встал рано. Первым пришел в автопарк. И давай объезжать автопогрузчик — принаравливать его к себе и самому принаравливать.

Пришли шоферы. Капотами загромыхали. Заводить машины начали. Но не враз-то заведешь их зимой! От холода моторы заиндевели. А у Вовки автопогрузчик на ходу. И упрашивать его не надо. Одну машину подцепил, проволоку метров тридцать. Вторую. Глядишь, и затарахтели. Поблагодарили его шоферы и разъехались по объектам.

Весь день провозился Вовка с автопогрузчиком. Мотор изучал, гидравлику испытывал.

— Хорош ли конь? — спросил Коломейца начальник.

— Пока ходит, а дальше увидим.

Автопогрузчик был нарасхват. Укладывал бетонные плиты и трубы теплотрасс, грузил на машины доски и брусья. И какие только не перевозил грузы!

Привык к нему Вовка. А привычка — большое дело.

По воскресеньям ездил Вовка в Мошково к матери. Денег ей отвезет, по хозяйству поможет, Из дому всегда пирогов привозил или какого-нибудь варенья банку.

— Угощайтесь, это вам матушка послала.

Помнится, купил он перед получкой костюм, и денег у него осталось рублей семь, не больше. Работал он в тот день где-то поблизости, и на обед приехал в общежитие.

Поел колбасы, выпил банку воды с сахаром и, расстелив на полу ватник, прилег покурить. В это время в комнату шагнул мужчина.

— Друг, выручи, — сказал он Вовке. — В магазин шифоньеры привезли, а у меня трех рублей не хватает. Да и за доставку рубля два надо. Одолжи рублей пять, если можешь. Вечером верну.

Вовка, не говоря ни слова, собрал по карманам измятые рубли и протянул их незнакомцу. Только садясь в автопогрузчик, вспомнил, что не спросил у человека ни имени, ни адреса.

Вечером, узнав об этом, мы посмеялись над Вовкой.

— А почему бы не поверить человеку? — сказал он и ушел умываться.

Когда Вовка был уже в школе, к нам неожиданно вошел мужчина. Поздоровался и положил на стол деньги.

У ХИМИКОВ СИБИРИ

В содружестве с геологами сотрудники лаборатории солей химико-металлургического института, которой руководит доктор химических наук Ю. П. Никольская, провели исследования месторождения калия в Канско-Тасевском районе Красноярского края. На юге края впервые найдены богатые фосфориты. Сейчас в лаборатории

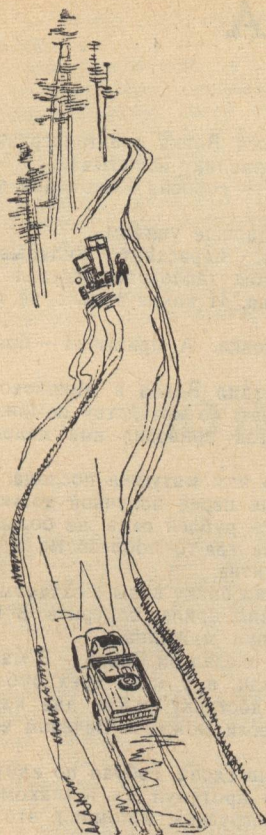
создана специальная научно-исследовательская группа. Она разрабатывает точные методы разведки фосфоритов в Сибири.

* * *

В лаборатории силикатов химико-металлургического института недавно получили огнеупоры из полукислых глин (глины с большим

содержанием кварцевого песка) — очень дешевого материала.

Подсчитано, что если ими заменить специальные глины, которые привозятся в Сибирь из других районов страны, то на выпуске 77 тысяч тонн огнеупоров будет сэкономлено 220 тысяч рублей.

— Выручил меня ваш товарищ сегодня. Вотему долг и спасибо.

Зря мы, оказывается, смеялись...

С работы Вовка приходил в одно время, часу в шестом. Переодевался и бежал на занятия. Но однажды заждались мы его. Десятый час, а Вовки нет.

С шоферами это случается: застрянет где-нибудь машина, да так, что и не выбраться. И загорай, жди помощи.

С Вовкой произошло то же. Ехал он с теплотрассы. Свернул на обочину, уступая дорогу встречной машине, и забуксовал. Забуксовать на автопогрузчике проще простого, а выбраться — черта с два! Тяжел он. Ему раскачку, а он глубже зарывается.

Долго мучился Вовка. Вышел на дорогу. Видит, машина из Бердска идет. Проголосовал. Помоги, мол, друг, дерни, не ночевать же тут. Шофер даже не притормозил. Сплюнул Вовка и пошел обратно. Снова «свиристствовал» за баранкой да поглядывал на часы.

Тогда скинул Вовка с себя ватник и бросил его под колеса. «Не подведи, каракатица!»

И каракатица не подвела.

Отъехал он больше километра и увидел впереди силуэт машины. Человек рванулся с подножки и поднял руку. Вовка остановился.

— Браток, разреши бензину с ведерко! Не дотянул, а ехать еще ехать...

Вовка по кузову узнал проскочившую мимо него машину и тронул рычаг скорости. Шофер опустил голову. Звякнуло о крыло ведро.

— Ладно, набирай. Побыстрей только!

В школу Вовка, конечно, опоздал. И в первый раз пришел домой не в духе.

Прошло три года. Вовка стал шофером второго класса. А еще получил аттестат зрелости. И хотя мы живем теперь не вместе, так как шоферит он уже не на автопогрузчике, а на кране, все равно Вовка остался моим лучшим другом.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СЛЕДОПЫТСКИЙ

При нашем журнале создан общественный следопытский совет, объединяющий бывалых людей, заядлых путешественников. Это мастера спорта по туризму: Е. Масленников, В. Карелин, П. Истомин, краеведы-энтузиасты: Р. Рубель, В. Головкин, художник А. Казанцев.

У совета большие планы: организация массового похода по новостройкам химии, прокладка и описание новых маршрутов, шефство над школьными отрядами, практическая помощь общественным и научным организациям в их следопытской работе.

В этом номере — слово Павлу Игнатьевичу Истому, заместителю председателя Свердловского областного совета по туризму.

По дорогам химии

Летом в походы и экспедиции по Уралу и другим районам страны отправились 200 тысяч свердловских туристов. Они побывают на предприятиях большой химии,

познакомятся с заводской технологией, выступят перед рабочими с концертами, лекциями. Некоторые отряды будут в сельских районах, примут участие в полевых работах.

У многих туристских клубов есть свои подшефные районы: у Верх-Исетского завода — Тугулымский, у уралмашевцев — Красноуфимский.

Лучшие отряды осенью получат почетные выпелы.

Зовут

дороги дальние

Третий год в различные районы далекой Камчатки совершают путешествия свердловские следопыты.

Так, из второй экспедиции в этот интересный край вернулся Д. Шляпников. По заданию филиала Академии наук СССР он с группой туристов совершил поход в район Срединного хребта и исследовал вулкан Хувхотун.

Более двадцати дней работали свердловские гляциологи под руководством Ю. Гоголева на Памиро-Алае. Они собрали ценные материалы по образованию и движению лед-

ДИКОВИНЫ ХИМИИ

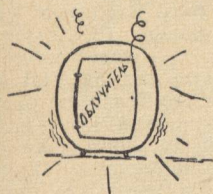
ВОДА И РАДИАЦИЯ

Случилось это шестнадцать лет назад, вскоре после пуска первых мощных ядерных реакторов. Для отвода избыточного тепла использовалась вода, но она облучилась гамма-лучами, бета-лучами, нейтронами. И вот результат: в ней быстро стал накапливаться взрывоопасный гремучий газ, разрушалось металлическое оборудование, с которым соприкасалась вода.

Химики занялись изучением этого явления. Выяснилось, что от избытка энергии молекулы облучаемой воды как бы раскалываются, образуя мимолетные частицы, живущие тысячные и миллионные доли секунды, но зато очень активные. Эти-то частицы и оказались зачинщиками множества перекрещивающихся реакций, дающих водород, кислород, перекись водорода...

Но выяснилось также, что все это происходит в недостаточно чистой воде с различными примесями. Если же взять очень чистую воду, то в ней не появятся ни водород, ни кислород, ни другие элементы или соединения. И тогда мимолетные частицы вновь образуют одну воду. Круг замыкается от воды к воде.

Химики рассудили, что если при облучении недостаточно чистой воды радиация вредна, то не может ли она быть полезной в других случаях? И стали изучать химическое действие излучений высокой энергии на различные материалы. Так родилась радиационная химия.

ника Глаголева, исследовали Зеравшанский ледник.

Третий раз провел экспедицию в район Чаткальского хребта на Западном Тянь-Шане мастер спорта В. Карелин. Следопыты выполняли трудную задачу — искали в неисследованном районе перевалы, через которые можно было бы перегнать в Чаткальскую долину отары овец и табуны лошадей. До сих пор существовала только одна тропа в верховье Чаткала, известная пастухам, и то в обход за 200 километров. Уральцы нашли три доступных для перехода перевала.

Много пещер на Урале обследовали спелеологи. Этим летом они выехали на Южный Урал в малоизученный пещерный район на реках Белой и Юрюзани.

Мы победители

Два года назад между Свердловским и Ленинградским областными советами по туризму началось

соревнование за развитие массового туризма.

Недавно подвели итоги. Первое место присуждено Свердловской области. В ближайшие годы решено организовать 40 туристских клубов, 1000 секций, 120 пунктов проката туристского снаряжения. Все это позволит 500 тысячам туристов отправиться в путешествие по родному краю.

Имена героев бессмертны

Сорок пятую годовщину освобождения Урала от Колчака туристы области решили отметить восстановлением памятников героям гражданской войны: старые обветшалые деревянные заменяются гранитными и мраморными обелисками, на которых написаны имена борцов за Со-

ветскую власть. Первый новый памятник, около дороги на скалы Семь Братьев, поставили следопыты завода торгового машиностроения.

Туристские путеводители

Средне-Уральское книжное издательство подготовило к выпуску книгу «По Уралу» (путеводитель для туристов). В ней дано описание маршрутов разной категории трудности.

Школьники написали свой «Путеводитель по Свердловской области». Эта книга — итог многолетних экспедиций.

Над серией книг «Туризм и краеведение» работают мастера спорта П. Бартоломей, М. Аксельрод, турист-энтузиаст Н. Трубина.

УРАЛ СПОРТИВНЫЙ

Гордятся уральцы своими земляками заслуженными мастерами спорта, чемпионами СССР, Европы, Мира и Олимпийских игр.

Лидия Скобликова... Еще 4 года назад в далеком Скво-Велли на VIII зимних Олимпийских играх она дважды была удостоена звания Олимпийской чемпионки. А совсем недавно, на IX Олимпийских играх, Лидия Скобликова завоевала 4 золотых медали.

Забеги на 3000 метров были особенно трудны. Внезапно отказали холодильные установки стадиона. На льду появились лужи. Но надо бежать! Надо победить во что бы то ни стало. И Лида бежала. И вот финиш! Лучшее время дня! Еще одна 4-я золотая Олимпийская медаль! Четыре золотых медали — из четырех!

«Королева коньков», «Уральская молния», — так называют Лидию Павловну Скобликову спортсмены всего мира.

* * *

...1964 год. Свердловск. Аэропорт Кольцово. Громом аплодисментов встретили присутствующие трижды Олимпийскую чемпионку, чемпионку мира 1964 года Клавдию Боярских и ее наставника заслуженного тренера СССР В. И. Уженцева. Крепкие рукопожатия, поцелуи, поздравления, цветы.

Три победы на Олимпийских играх!

А путь к ним был труден и долг.

Позади первенство города Свердловска, первенство страны среди юниоров, участие в международных товарищеских встречах, личное первенство СССР и первая золотая медаль чемпионки страны — право на поездку в Инсбрук.

* * *

...«Выступает заслуженный мастер спорта СССР Лилия Назмутдинова!».

На ковер выходит изящная черноволосая девушка.

И — гром аплодисментов. Зрители приветствуют замечательную спортсменку, двухкратную чемпионку Советского Союза по художественной гимнастике Лилию Назмутдинову.

Лиле первой в нашей стране присвоили звание мастера спорта по художественной гимнастике, первой получила она и звание заслуженного мастера спорта.

* * *

...Финал первенства СССР по мотогонкам на льду на новом ленинградском стадионе. Стартуют великолепные асы Фарит Шайнуров, Юрий Дудорин, Борис Самородов. Все они давно выступают в соревнованиях, и состязаться с ними нелегко. Но Габурахман Кадыров смело бросает вызов соперникам. Его тяжелый мотоцикл стремительно летит вперед, завоевывая одно очко за другим. Соревнования 1964 года закончены. Разыграны все личные места, а чемпион не выявлен: равное количество очков набрали Габурахман Кадыров и Вячеслав Дубинин. Так появился

еще один чемпионский заезд. Габурахман победил в этом заезде и стал чемпионом Советского Союза.

А через несколько дней — первенство Европы. На ледяную дорожку выходят признанные асы из Швеции, Финляндии, Чехословакии.

И вновь победил Габурахман Кадыров, 22-летний спортсмен из Уфы. Он стал чемпионом Европы.

* * *

Биатлон, или современное зимнее двоеборье, — это 20-километровая гонка на лыжах со стрельбой по мишеням. В 1959 году Владимир Меланин в составе сборной команды СССР выехал на чемпионат мира в Италию и возвратился домой чемпионом мира. А через год на VIII зимних Олимпийских играх в Скво-Велли его постигла неудача. Первый Олимпийский старт принес три промаха, это 6 штрафных минут — 4-е личное место. Да, труден путь на вершину Олимпа, не каждому удается ее достигнуть с первого раза. Понадобилось 4 года упорных тренировок, чтобы двоеборец с Урала завоевал золотую Олимпийскую медаль.

Финская газета «Суомен Урхейлулехти» писала в дни Олимпиады:

«Меланин пробежал в гонке как Хакуллинян (неоднократный чемпион мира и Олимпийский чемпион по лыжным гонкам), а стрелял так, как стрелял бы чемпион мира по стрельбе. Можно лишь задать вопрос, как написать имена Хакуллинян и Олонен (один из сильнейших стрелков мира) одним словом. Ответ был бы: «Меланин».

* * *

Парню предложили выступать на соревнованиях по штанге. Вес у него был подходящим — 83 кг, а в команде не хватало «полутяжа», — так называют атлетов полутяжелого веса (82,5–90 кг). И вот первый результат — 280 кг, норма III разряда. Было это в 1954 году.

Сейчас Роберт Шейерман — почетный мастер спорта, чемпион и рекордсмен СССР.

Трудный и длительный путь прошел он от «новичка» до мастера спорта.

В 1959 году поступил в Свердловский техникум физической культуры. Здесь, кроме штанги, приходилось заниматься гимнастикой, легкой атлетикой, спортивными играми, лыжным спортом.

Время летит быстро. Уже выиграно звание чемпиона Спартакиады народов РСФСР, показан высокий результат в троеборье — 475 кг на финале Спартакиады народов СССР, а заветная мечта еще не осуществилась: надо набрать в сумме 500 кг. Недавно в Киеве Роберт был близок к этому весу — 495 кг. Разрыв сократился, но ликвидировать его помогут лишь упорные тренировки. И Роберт Шейерман готовится к тому, чтобы завоевать победу.

Мы коротко рассказали лишь о немногих. А у нас на Урале тысячи замечательных спортсменов, которые создают и умножают его спортивную славу.

Г. КУЗНЕЦОВ.

ЛИДИЯ СКОБЛИКОВА
шестикратная
олимпийская чемпионка
и чемпионка мира 1964 г.

КЛАВДИЯ БОЯРСКИХ

трехкратная

олимпийская чемпионка

и чемпионка мира 1964 г.

РОБЕРТ ШЕЙЕРМАН
ЧЕМПИОН
III ЛЕТНЕЙ СПАРТА-
КИАДЫ НАРОДОВ СССР

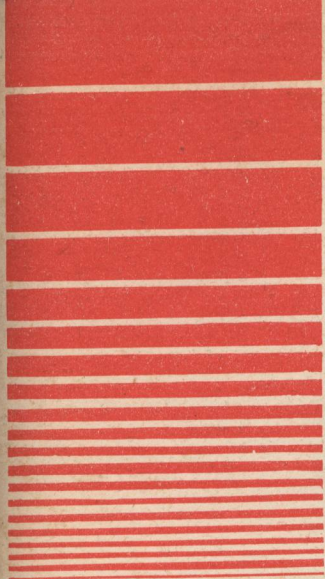

ЛИЛИЯ НАЗМУТДИНОВА
ЧЕМПИОНКА СССР

ГАЙНАН САЙДХУЖИН — ЧЕМПИОН СССР.

ГАБДРАХМАН КАДЫРОВ — ЧЕМПИОН СССР
И ЕВРОПЫ.

ВЛАДИМИР МЕЛАНИН — ЧЕМПИОН ОЛИМПИЙСКИХ ИГР 1964 ГОДА
И ТРЕХКРАТНЫЙ ЧЕМПИОН МИРА

ЮРИЙ ЦУРАНОВ — ЧЕМПИОН III ЛЕТНЕЙ
СПАРТАКИАДЫ НАРОДОВ СССР

Повесть

Леонид ОБУХОВ

Рисунки Ю. Ефимова

Витька был замечательный парень, поверьте в этом мне, старому морскому капитану. Да что там говорить, давайте я лучше расскажу о нем. Знаете, как он обхитрил деда Тарсиса?

Началось все с пустяка. Старый грек Тарсис, у которого я снимал комнату, ставил вокруг дома и сада небольшой заборчик, чтобы козы не портили деревья. Витька посмотрел на это и сказал греку:

— Зря вы, дедушка, доски переводите... Наших мальчишек никакой забор не удержит.

Грек засмеялся и, не думая, что в лице Витьки оскорбляет своим недоверием всех керченских пацанов, прошепелявил:

— Ты, малшик, фастаешь, та!

Мой хозяин поправил на лысой, как билиардный шар, голове широкополую соломенную шляпу, покрутил толстыми, будто сосиски, пальцами пробитые сединой черные усы, почесал красноватый пористый нос и, хлопнув себя по солидному животу, опять засмеялся:

— Фастаешь, шнашится...

— Нет, дедушка Тарсис, не хвастаю.

— Пошифем, уфитим,— философски изрек грек и отгрохал высокий, будто стена, заборище. Я понял: Витька бросил старому греку вызов, и тот принял его. Война началась.

Мой хозяин недавно купил в Керчи дом и не знал еще Витьку. Что? И вы не слышали о нем?! Быть того не может! Это говорит лишь о том, что вы не из нашего города. В Керчи Витьку все знали. По крайней мере, на нашей улице, что, будто ремень, опоясала подножие Митридата. Лучше Витьки никто не стрелял из рогатки и не умел ловить прожорливых бычков. Я уже не говорю, что нырял он и плавал, как дельфин, и был капитаном школьной футбольной команды, а это ведь тоже что-нибудь значит!

Какой он? Ну, какой... Ростом чуть больше метра, круглолицый. На носу веснушки. Часто под серыми глазами синяки. Причем носил он их с гордостью, будто медали за отличие. В первом классе заступился Витька за соседку, и поколотили его мальчишки изрядно. Потом с за-

водской улицы пацаны привязали собаке к хвосту банку. Витька заступился за барбоса и вновь был побит. Тогда он попросил отца научить его боксировать. Не любил Витька драк, но и не терпел, когда нападали на слабых, и всегда заступался. Правда, драка есть драка, доставалось и Витьке, но он каждый раз докладывал матери, за кого заступился и за кого получил очередной синяк. И мать, вздохнув, говорила:

— Ты у меня молодец... Ничего, что побили.

Что еще добавить? Был Витька худой, загорелый, как и все керченские ребята. Руки в ссадинах и порезах от лесок и крючков. Ходил целое лето в трусах. Да, чуть не забыл одну очень важную примету: чуб у Витьки летом был соломенный — так он выгорал здорово.

Ну, вот. Теперь-то вы его уже ни с кем не спутали бы.

Забыл сказать, что мы с Витькой были соседями и подружились. Я тогда штурманом на старом пароходе ходил из Керчи в Одессу и Батуми. Мне исполнилось сорок, но я был здоров, и все мне нравилось: чистое безоблачное небо, синева морской волны, каменистое побережье Керченского пролива, маленький дом грека у подножия Митридата и запах цветущего сада, загорелый Витька и неуклюжий лохматый пес моего хозяина, который за все время, что я жил в Керчи, ни разу не залаял. Он был ленив необычайно и добродушен до смешного. Даже курица, клюнувшая его в нос, не слышала в ответ рычания. Пес открывал глаза, долго смотрел на нее и, похлопав длинными ушами, отворачивался.

Да, все мне нравилось. Видно, потому, что был не стар, силен и крепко любил жизнь. С Витькой мы проводили почти все мое свободное время. Бывало, вернусь из рейса, и он первым в гости явится. Расскажет мне, где лучше берет бычок и на какую наживку, кто из мальчишек купил новую снасть для рыбалки, у кого появилась «посуда». А я ему — где был и что видел.

Старый грек это знал. Теперь, поставив за-

бор, он открывал калитку и караулил, чтобы узнать, как же Витька попадет ко мне. Стоило деду Тарсису отвернуть свой горбатый нос лишь на мгновение от забора, как мальчишеский белесый чуб и до черноты загорелая спина уже мелькали между деревьями сада и Витька прыгивал с подоконника в комнату.

— Явился, пробравшись мимо засады противника,— рапортовал он звонким голосом.

Потом ложился животом на подоконник, высовывался из окна и тихим, деланно сонным голосом говорил, обращаясь к греку:

— Доброе утро, дедушка... Кого вы там рассматриваете, а?

Старик вертел лысой головой и, наконец поняв, что голос слышится сзади, поворачивался, минуту молча рассматривал Витьку, озабоченно покручивая усы. Словно не веря глазам, подходил к окну и, подергав парнишку за чуб, говорил:

— Мальшишка, снофа профотил старофа тета са нос...

Он срывал самое спелое и крупное яблоко и давал его Витьке в награду за находчивость.

Я понимал, что дело здесь в чисто спортивном интересе. Ни один из мальчишек не мог похвастаться, что ему удалось незаметно проникнуть в сад старого грека. Честь керченских пацанов была взята под сомнение и висела на злополучном заборе. Но Витька один за всю ватагу, буквально на глазах у деда преодолевал эту стену и сводил к нулю затею грека.

Он не рвал яблок. Не таскал груш, хотя они были очень сладкие и прямо таяли во рту. Витька не стучался в калитку, а проникал в сад одному ему известными путями просто потому, что не любил заборов и старался доказать, что никому они не нужны.

Дед Тарсис подозревал, что Витька перебирается через забор с помощью лестницы. Он протянул над забором тонкую проволоку с колокольчиками, какие рыбаки вешают на удочки-донки, чтобы слышать поклевку.

В этот день Витька должен был прийти ко мне утром—мы собирались с ним ловить бычков.

Мой хозяин, сдвинув на затылок соломенную шляпу, сидел на веранде. Посмеиваясь, гладил свою широкую, заросшую черной шерстью грудь и то и дело смотрел на «звенящий» забор, думая, что это попался Витька. Нет, звонили колокольчики потому, что на проволоку садились ласточки и воробьи.

Взошло солнце. Прогудел в порту уходящий в рейс пассажирский теплоход. Маленькая соседка Наташа протопала по дорожке, прокричав: «Дедуська, хорошее утро... Я ухожу в детсад... До свиданья».

Старик поздоровался, вынес ей заранее приготовленную корзинку с фруктами. Все было, как обычно, только Витька не появлялся. Я подумал, что мой друг проигрывает в этом безмолвном поединке. Мне стало жаль и его, и несостоявшуюся рыбалку. Ведь я знал, что гордый Витька не постучит в калитку.

А колокольчики звонили и звонили не переставая. Дед Тарсис сначала пугал птиц, бросая в них камешки. Потом плюнул и, сев на веранде, принялся набивать трубку. Я сложил вытасенные из сарая удочки, готовясь водворить их обратно.

— Доброе утро, дедушка...

Голос Витьки, сонный, нарочито спокойный, словно ничего и не произошло, послышался

сзади меня. Я мгновенно обернулся. В своих неизменных черных трусах с карманами спереди и сзади, набитыми всякой всячиной, загорелый, как негритеенок из Анголы, стоял Витька перед верандой и, поплевав на ладонь, приглаживал непокорный чуб.

— Что вы там рассматриваете?— говорил Витька.— Знаете, как здорово спится под звон этих колокольчиков. Ну прямо еле проснулся,— и он, будто действительно только встал, протер блестящие от смеха лукавые глаза.

Старый грек глянул на мальчишку так, словно тот свалился с неба. Потом посмотрел на забор, не понимая, почему подвела его сигнализация. Но там было все в порядке: садились и взлетали быстрокрылые ласточки и драчливые воробьи, беспрестанно звонили колокольчики.

— Дедушка, папа пришел из рейса. Послал вам коробку трубочного табаку... Возьмите, пожалуйста.

Витька передал старику табак и, глянув на поющий забор, сказал:

— Ох, дедушка Тарсис, до чего же красиво звонят... Я проснулся и слушал, слушал...

— Опять опфел тета,— засмеялся грек и, повернувшись ко мне, попросил: — Тай малшишке полшоое яблоко.

Я сорвал Витьке самое большое и красивое яблоко, и мы отправились на рыбалку.

И не думали мы гадали мы с Витькой, что в этот тихий после свирепого шторма день найдем шлюпку. Она лежала на берегу Керченского пролива и была так истерзана и побита, что даже море побрезговало ею и выкинуло на песок. Витька обошел лодку, зачем-то постучал по раскохшемуся днищу кулаком и презрительно бросил сквозь зубы:

— Ка-ло-ша...

— Да, старовата малость посуда,— подтвердил я.— А видишь надпись?

— «Ураган»,— прочитал Витька еле приметные буквы.— Это же тот самый, что стоял недавно на рейде! Знатный рыбаки!

— Тот самый... Ну что ж, пошли.

Мы ушли.

Бычки в тот день клевали плохо. Я лежал на камне, смотрел на пролив, сверкавший под солнцем, как турецкий ятаган, и думал, куда пойти завтра удить. Рядом, нахмутив белесые брови, сидел Витька. Поплавок его удочки уже давно нырнул под воду, но Витька не замечал этого: он о чем-то глубоко задумался. Мне уже тогда показалось, что виновна в этом наша находка.

Поймав, как сказал мой напарник, «кошачью радость» — десяток мелочи, мы возвращались домой. Дорогой было бы ближе, но Витька пошел берегом. В общем, мы снова пришли к разбитой шлюпке.

— А у нас даже завалающей нет,— задумчиво произнес Витька.— С берега — это разве рыбалка? Пойти бы к Карантинному мысу или к Церковной банке... Да прямо с борта лодки — раз удочки! Вот это да!..

— Так ее же нет...

Витька подергал веснушчатым носом и, смущенно посмотрев на меня, тихо сказал:

— А если...

— Ну что ты, брат,— отбивался я, уже зная, что отремонтировать «старую калошу» мы будем.

— Да еще сшить парус, ух!..

— Это же просто рухлядь...

— И покрасить шаровой краской,— говорил Витька, словно мы уже отремонтировали то, что

называлось шлюпкой.— Вот эту доску надо заметить. Тут можно прибить жестяную латку... Знаешь, чтобы не протекала вода, мы под жесть подложим лоскут брезента, намазанный суриком. Да, а что бы здесь придумать? У папы на пароходе есть сухие доски. Я попрошу две у боцмана. Как раз хватит заделать дыру...

Я понял: из развалины надо делать шлюпку. И, обессилев от этой мысли, опустился на песок. Витька же осматривал «посуду» и с каждой минутой находил в ней новые достоинства.

— Смотри-ка, какой у нее крепкий транец... И баки воздушные все целы. Вот замечательно! Она же непотопляемая... И киль даже не поцарапан.

Чем больше восхищался Витька, тем больше мрачнел я, хотя меня еще не покидала надежда отговорить мальчишку от сомнительной затеи. Но Витька загорелся идеей. Он уже видел, как мы, гордые и счастливые, мчимся под парусом на своей шлюпке, на зависть всем пацанам, и ветер странствий, ветер мальчишечьей фантазии будоражил Виткину душу. Этот злодей шторм, выбросивший на берег ненужную ему игрушку, подстроил мне изрядную каверзу.

Но я не нытик и никогда не был пессимистом. А потому, внимательно осмотрев «шлюпку», я возрадовался, что море не выкинуло на берег списанный на слом крейсер. Его бы еще труднее было восстановить.

Две недели мы не знали покоя и редко ночевали дома. Дыры латались железом, досками, фанерой. На третью неделю мы проконопатили шлюпку и выкрасили в шаровый цвет. Из двух старых диванных чехлов сшили парус, а из толстой жерди, которую принес дед Тарсис, выстругали мачту.

Три дня мы спорили, как назвать парусник. Каждые пять минут Витька придумывал новое название и горячо отстаивал его. В благодарность за жердь для мачты было разрешено участвовать в этом споре и греку. Предложения росли, как снежный ком. Уже было пятьдесят три Виткиных, двенадцать моих и три — старого грека. В конце концов мы решили все названия написать на одинаковых листочках, бросить их в соломенную шляпу моего хозяина и пусть он вытащит один листок. Что будет, то и будет!

Три минуты писал названия дед Тарсис, десять — я и час — Витька.

Потом мы забрались в отмеченную новыми латками и старыми пробоинами шлюпку, сели на банки¹ и, скрутив, высыпали все листки в шляпу. Возле бортов о чем-то шептались мелкие гребешки зыби, сверкал солнцем пролив, по бухте, сильно дымя, тяжело шел большой, осевший в воде по ватерлинию, пароход «Ижора». Накрепясь на левый борт, белокрылой чайкой скользила возле Карантинного мыса яхта. Пахло свежей краской, гниющими водорослями, растворенной солью, замшелыми сваями пирса, смолой и рыбой. Мы притихли, вбирая в себя все краски и запахи любимой бухты, а дед Тарсис, широко улыбаясь, шепелявя, проговорил:

— Та шифо-ш красифол!

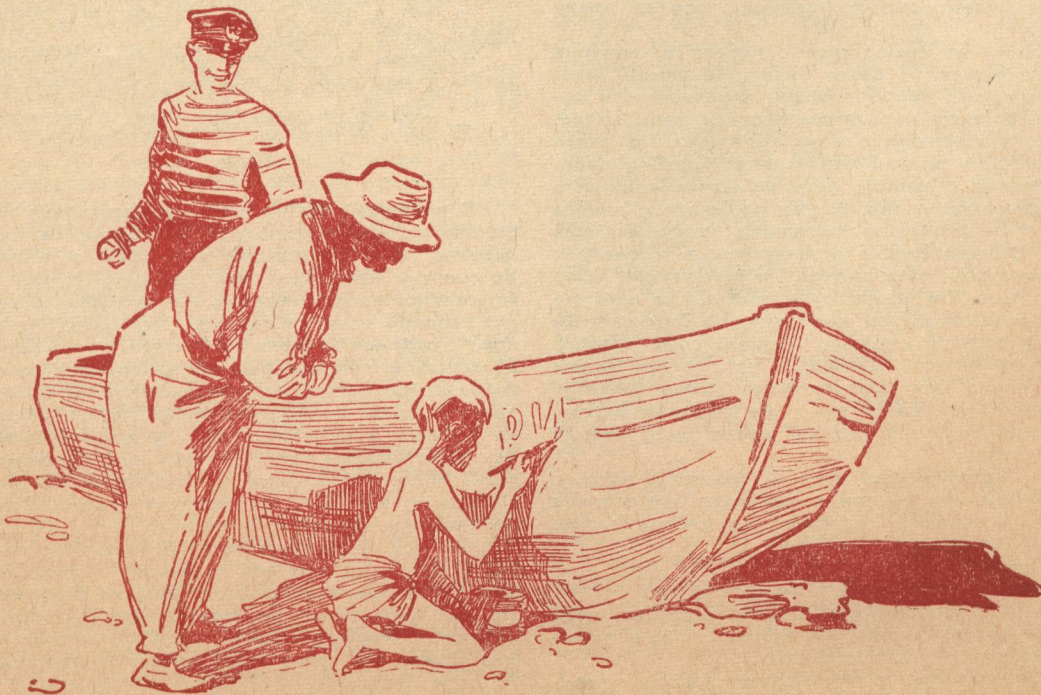
— Ладно, давайте тянуть,— сказал Витька.— У нас всегда красиво.

Трижды старик запускал руку в шляпу и не брал листок. Витька, наконец, не выдержал:

— Да тащите же, дедушка, тащите!

— Ну, шож,— произнес дед и вытянул листок.

¹ Банки — скамейки.

Пропали и Витькины, и мои труды. Старый грек вытянул бумажку с названием, которое предложил сам. Через десять минут Витька вывел белой краской четыре буквы: «Крит».

Вот так и появилась у нас своя «посуда», которой суждено было сыграть в жизни Витьки свою героическую роль...

* * *

Хотя Витька и дед Тарсис подружились за время ремонта «Крита», все же безмолвный поединок между ними продолжался. Я не оговорился, что поединок безмолвный, нет. С тех пор, как грек поставил забор, между Витькой и стариком не было разговора на эту тему. Все делалось молча: дед старался поймать Витьку, а тот всячески стремился доказать греку бесполезность изгороди. Просто мальчишка делал вид, что никакого препятствия не существует и принципиально не ходил даже в раскрытую калитку.

Но вскоре грек додумался, где и как перебирается Витька в сад. Рядом с забором росли два старых ореховых дерева. Широко раскинули они свои кроны. Издали деревья казались огромными зелеными шапками. Большие ветки их покачивались и по ту сторону забора, уже в саду старого грека. Вот Витька и пользовался этим.

* * *

Положение казалось катастрофическим: когда Витька вскарабкался на орех, то внизу увидел деда Тарсиса. Он сидел под яблоней, подложив под себя ноги, и безмятежно сосал трубку.

— Шо, малшик, смотришь? — полюбостовал старый грек, обрадовавшись, что наконец-то поймал Витьку. Радость эта была явственно написана на лице старика.

— Да вот смотрю, дедушка, все ли орехи поспели.

Витька не спеша слез с дерева и, понутив голову, пошел на берег бухты. По улицам мчались лошади, впряженные в повозки. В порту пролязгала якорная цепь, видно, только что пришел с моря транспорт. По аллее набережной бегали спортсмены. Какой-то паренек прыгал с шестом. Он, как мячик, взлетал в воздух метра на три. Вот он разбежался, оперся о шест и буквально перелетел через высокий куст. Обычно Витька останавливался и смотрел на тренировку спортсменов. Но сегодня ему было не до того. Он не находил выхода. Не идти же ему через открытую калитку деда Тарсиса?! Он шел и слышал ехидный, веселый смех старого грека: «Фастаешь, малшик...» Нет, не мог Витька идти через эту противную открытую калитку!

Так я и ушел в рейс, не повидав Витьку. А когда вернулся недели через две, старый грек сказал:

— Малышку не жти,— и рассказал почему.

Утром мы сидели с хозяином на веранде и пили чай, когда раздался спокойный голос:

— Доброе утро, дедушка...

Грек аж подскочил.

— С терефа скок? Сожняйся, Фитя.

— Что вы, дедушка! С какого дерева, куда скок? Просто я шел и... пришел. Ой, я забыл новые крючки! Сейчас сбегаю...

Витька оперся о перекладину забора и перемахнул через него. Старый грек, ошарашенный внезапным появлением Витьки и его исчезнове-

нием, минуты две стоял, будто изваяние. Потом засмеялся и побежал под орех. Он сел возле яблони и, закутив трубку, не спускал глаз с деревьев, ожидая что сейчас-то он поймает этого гордеца. И вдруг:

— Дедушка, что вы там рассматриваете?

Трубка выпала из руки старого грека — столь неожиданным было появление мальчишки. Теперь он стоял в южной стороне сада, и это совершенно сбивало с толку деда Тарсиса: ведь там не то что деревьев, даже кустов не росло со стороны улицы!

В тот день Витька одержал над старым греком полную и чистейшую победу. Раз пять он уходил от меня, предупреждая хозяина, что сейчас вернется. Тот караулил его и все же ничего не мог поделать. Витька появлялся внезапно и совсем не там, где его ожидал грек. Любопытный старик мучился, что не может даже предположить, где и как мальчишка проходит. Это было выше его сил. Он долго крепился и, наконец, не выдержал:

— Стаюсь,— поднял он руки и подошел к Витьке.— Тфоя фсяла. Скажи только, где переласишь сапор?

— В любом месте,— самодовольно ответил мальчишка, не скрывая радости от своей победы.

— Тогда перелесь тут,— показал дед Тарсис на южную часть забора.

— Пожалуйста, — благосклонно согласился Витька и вышел на улицу.

Витька ушел, а мы с греком во все глаза уставились на забор. Скажу вам, что и мне было интересно, как это Витьке удастся незаметно перебраться. И что мы увидели? А только то, что над забором взлетел Витька, словно его выстрелили из лука, и, согнув ноги, мягко приземлился в саду. Он весь сиял от удовольствия и, смеясь, громко сказал:

— Вот и все. Обычный прыжок с шестом.

— Фот и фсе! Опфел старофа тета, опфел! Упрать сапор к шертам!

— Зачем же убирать,— милостиво снизошел Витька к разговору о заборе.— Пусть стоит. Все от коз защиты.

— Фот, фот, прафильно, Фитя. Только от кос...

* * *

В недобрый 1941 год Витька перешел в шестой класс и был свободен до осени. А наш пароход стал на ремонт, и я ушел в отпуск. Времени у нас было хоть отбавляй. Но мы не жаловались на его излишек. Каждый день с утра до поздней ночи находилась уйма дел. Мы заново отремонтировали и покрасили «Крит», оснастили его новым бегучим такелажем, сделали запасную мачту, достали шлюпочный компас. Часто с целой ватагой Витькиных друзей ходили на рыбалку и приносили добычу добродушному псу деда Тарсиса. Он с величайшим удовольствием поглощал несметное количество бычков. По-моему, это было единственное время, когда он немного оживлялся и не спал.

Вот уж когда досталось «Криту»! Неделями мы бродили на нем по Азовскому морю, каждый раз уходя все дальше и дальше от берега. Не раз прихватывал нас свежий ветер, но «Крит» вел себя как настоящий морячина, и благополучно выносил своих неугомонных путешественников к берегу.

Я не люблю изношенных вещей. Точно так же отношусь к старым, избитым посудинам,

если только не плавал на них сам. Они вызывают у меня досаду, удивление и какую-то скорбь. Я не знаю, почему так происходит, но именно эти чувства вызывают у меня и старый костюм, висящий в скупочном магазине, и старый пароход, стоящий на рейде в каком-либо порту, и дряхлая лодка, которая болтается на привязи, всеми забытая и брошенная. Неодобрительно я относился сначала и к нашему «Криту». Он будил во мне давние воспоминания о североморских ладьях, которые я видел возле Архангельска. Они валялись на берегу, обросшие мхом, покрытые илом. От них пахло полусгнившим деревом, ворванью, тиной и смолой. Кто плавал на них? Какая судьба была у этих суденышек? Принесли ли они счастье хозяину или оставили его где-нибудь в зеленых холодных волнах, а сами добрались до этого неуютного берега, чтобы окончить здесь свой жизненный путь? Кто знает это, кто может рассказать о том, что видели их дырявые борта, что слышали поломанные мачты и рей?

Я не знаю почему, но когда, возвращаясь из рейса, видел «Крит», то постоянно с какой-то назойливой настойчивостью вставало передо мной еще одно видение давних лет: север, штормовой ветер, неуютный обледеневший берег и одинокая, измочаленная штормом лодка с двумя замерзшими, превратившимися в ледяные сосульки людьми. Их предала, подвела старая посудина. Никто из нас так и не мог узнать судьбу этой лодки и людей. Море не выдало тайну. Только по светлым волосам да одежде мы догадывались, что это норвежцы. Попытки разыскать потерпевшее судно, выяснить его судьбу — когда и где оно затонуло, остался ли кто жив — не удались.

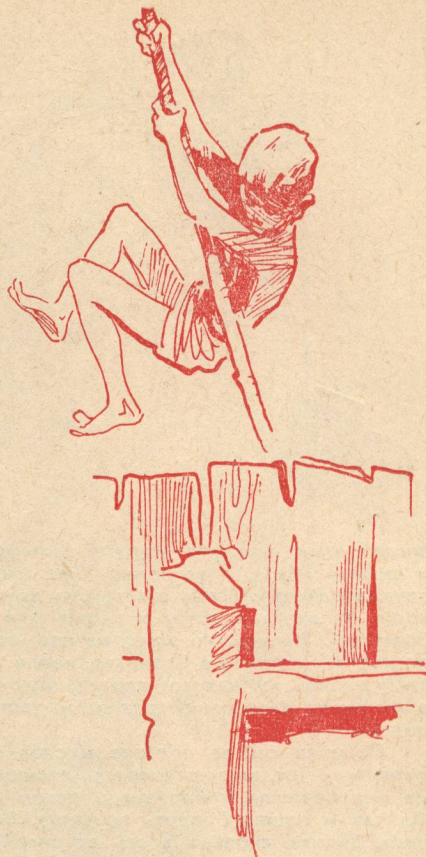
«Крит», «Крит»! Если честно сказать, я боялся на нем выходить даже в пролив, не говоря о море. Если же выходил, то обязательно брал для Витьки спасательный нагрудник, а для себя — пояс. Простой и широкий надувной резиновый пояс. Его подарил мне в первые годы плавания на Севере норвежский моряк. Очень практичная и удобная штука. Я говорю это потому, что трижды судьба заставила меня испытать его, и он выдержал экзамен, сохранив мне жизнь.

Но мало-помалу я убеждался, что «Крит» не так уж стар и ненадежен. А когда дважды попал в шторм и «Крит» отлично показал себя, я поверил в него. Теперь он не вызывал у меня недобрых воспоминаний и не казался таким неказистым, как в первые дни. Наоборот, постепенно он стал мне даже нравиться.

Мы уже не боялись бродить на нем, где нам заблагорассудится. Витька был неумом в плавании. Целыми днями он возился на шлюпке. Его все интересовало, и он за все брался. Ладони покрылись твердыми, как металл, мозолями. Налились силой руки. Зоркими стали чуть прищуренные серые глаза. Он познал всю розу ветров, научился обуздывать, использовать их силу и управлять «Критом» в любую, даже очень свежую погоду.

Как заправский штурман, он по звездам искал и находил в море дорогу. Учил я его пользоваться шлюпочным компасом, читать карту и ловить парусом малейшее дуновение ветра...

Мы расстались с Витькой в первый же день войны. Я ушел служить на боевой корабль, и мой путь пролегли далеко от Керчи. Я оборонял Одессу, дрался под Николаевом, отходил от

Очакова, защищал Херсон, потом насмерть стоял с матросами под Севастополем. О Витьке я ничего не знал. Ведь Керчь была у фашистов.

Но вот принял я морской охотник и пришел на нем в Тамань. Был декабрь. Часто бушевали штормы, стояли холода, а на душе было и того противнее. Подолгу смотрел я на высокий туманный крымский берег и от тоски не находил себе места. Вы когда-нибудь теряли друзей? Если теряли, то вы поймете меня. Я терял их в войну много и часто и на всю жизнь понял тогда, что нет большей горечи, чем потеря друга. А ведь Керчь была для меня другом, и там был Витька, которого теперь я считал сыном. Потому мне так было тоскливо, скучно, одиноко на таманском берегу. Встреченный знакомый моряк рассказал, что Витька остался один: отец его погиб на корабле, а мать убило в доме во время бомбежки. Где Витька, и что с ним, этот моряк не знал.

Как и что произошло с Витькой в захваченной Керчи, узнал я позже. Но чтобы не мучить вас, расскажу сейчас же, не откладывая в долгий ящик. Вот только закурю трубку...

Что, понравилась? Э, трубка эта, друзья мои, особая! И курю я ее всего неделю. Вырезал ее из корня вишневого дерева капитан одесского буксира, мой старый и добрый приятель. Знатная получилась трубка. Видно, хороша была вишня и добрый был у нее корень жизни. Обкурил ее хозяин лучшими сортами кепстэна и подарил

английскому капитану — другу своему. Подарил и сказал: «Кури, а встретишь настоящего человека, отдай ему. Пусть эта трубка дружбы переходит от друга к другу и ширит круг морского братства». Англичанин завел на нее что-то вроде паспорта — написал в блокноте, кем и когда сделана трубка, из какого дерева. Крупными буквами вывел завещание хозяина и поставил свою подпись.

Покурил он ее полтора месяца и передал датчанину. Тот, в свою очередь, японцу. От японца она перешла к норвежцу, потом к китайцу. Да так и пошла бродить по свету. Вот ее паспорт. Видите, сколько здесь росписей! Тридцать страниц фамилий ее владельцев. Она была за эти десять лет у четырехсот моряков. Вот, смотрите, роспись финна, эта — бельгийца, а тут кто-то вместо подписи оставил отпечаток своего пальца. А здесь, видите, в течение десяти дней двадцать подписей и пометка, что это расписались курившие ее в одном рейсе моряки с американского парохода «Хук».

Одни курили ее месяц-два, другие лишь день и отдавали встреченному другу. Она совершила уже несколько кругосветных путешествий и вновь вернулась на родину, в Советский Союз. Мне передал ее штурман с итальянского парохода. Э, да вы, я вижу, не прочь бы получить трубочку! Увольте от такой передачи: вам еще рано думать о куреве. Я отдам ее капитану с французского. Вон с того, видите, стоит на рейде?

Ну что ж, трубка дружбы дымит, биография ее вам известна, и давайте вернемся к Витькиной истории... Когда погибли у него родные, взял Витьку к себе дед Тарсис.

Город был сильно разбит. Улицы обезлюдели. Многие уехали, а кто остался, старался не показываться лишним раз на глаза немцам. Витька же часто ходил по городу. Он искал школьных друзей и заодно выполнял просьбу старого грека — смотрел и запоминал, где расположены фашистские части, где стоят пушки, а вечером рассказывал деду Тарсису, и тот сразу исчезал. Приходил усталый, но веселый и всегда говорил одно и то же:

— Потощи, Фитя, немношко. Уфитишь, как немес пешать путет.

Догадывался Витька, что грек связан с партизанами, но никогда ни о чем не расспрашивал его: все равно ведь не скажет. Если на дорогах подрывались на минах фрицы, если вдруг в порту грохотали взрывы и гас свет в окнах полицейского управления, Витька знал, что «работают его мины». Ведь он нашел их еще в тот день, когда советские войска оставляли город.

Витька тогда задумал спрятать «Крит». Просто так, безо всякой цели, лишь бы он не достался гитлеровцам. Долго искал, где бы поставить шлюпку, и, наконец, нашел.

Возле берега лежал разбомбленный транспорт. Весь нос его был в воде, а корма погрузилась лишь метра на два, зияя огромной пробоиной в правом борту. Черной пастью поднималась она над водой. И Витька решился. Он загнал шлюпку в эту пробоину и увидел просторный кормовой трюм. Правда, увидеть его можно было только после того, как присмотришься, потому что все углы тонули в темноте — настолько он был огромен. Трюм наполовину был затоплен, а по углам виднелись какие-то ящики. Некоторые были над водой, а большинство в воде. Витька провел «Крит» в самый дальний от пробоины темный угол и проволокой привязал его там.

Потом, как и всякий любопытный мальчишка, он решил исследовать убежище «Крита». Разделся и поплыл в противоположный угол. Наткнувшись на ящики, взобрался на них. Вокруг него в воде, под ногами, прямо перед ним, по бокам были ящики. Витька отодрал с одного доску и увидел противотанковые мины. Он узнал их потому, что видел раньше. Они были тяжелые и с виду совсем не страшные. В следующем ящике оказались маленькие противопехотные мины. Рядом сквозь разбитые доски просматривались пулеметные ленты, винтовочные патроны, гранаты. А ящик, который он поднял из воды, был забит мясными консервами.

Это была неожиданная находка. Витька сначала растерялся. «Что делать, кому сказать об этом. Ведь войска уходят...». Вернувшись домой, мальчишка принес с собой несколько банок мясных консервов и все рассказал старому греку. Тот подергал пышные усы, почесал лысину и куда-то ушел, предупредив Витьку, чтобы он никому ни о чем не говорил.

Уже поздно ночью, когда Витька спал, его разбудили. В комнате стояли незнакомые парни. Лишь одного Витька знал: это был крановщик из порта. Совсем недавно он с Витькой ходил на «Крите» к Карантинному мысу ловить бычков.

— Дядя Костя! — бросился Витька к знакомому портовику.

— Тише, парень, тише. Одевайся-ка быстрее, да пойдем посмотрим, что ты там нашел, — отвел Костя.

Вскоре они осторожно пробрались в залитый водой трюм. А через несколько минут до отказа нагруженный «Крит» увозил с этого склада боеприпасы. Трудная это была ночь для Витьки. Много раз водил он «Крит», нагруженный ящиками, а в это время другая группа людей выгружала боеприпасы на берег, откуда их увозили на старой, полуразбитой полупортке за город. Вокруг грохотали артиллерийские залпы, на окраине слышался треск пулеметов и глухие хлопки гранат. Мимо полузатопленного теплохода уходили из бухты последние корабли.

Керчь оставалась одна, без своих защитников. Город тонул в сумраке ночи, лишь в районе завода имени Войкова полыхал огромный пожар, бросая на бухту багровые блики. Витьке было и жутко и тоскливо.

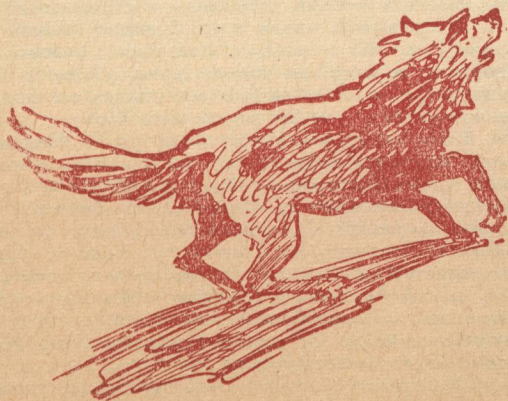
На следующий день Витька видел первого фашиста. На вид он был совсем не страшен. Он шел по улице, набросив на плечи мышиного цвета шинель, что-то мурлыкал себе под нос и, поднося ко рту губную гармошку, наигрывал мелодию, очень похожую на мотив песни «Выходила на берег Катюша». У него было полное лицо, русые волосы и до смешного длинные ноги, обутые в сапоги с широкими и очень короткими голенищами.

Витька смотрел на него сквозь щель в заборе. Смотрел и удивлялся: чего же тут бояться, неужели этого нескладного солдата, который и идет-то без оружия? А к вечеру столкнулся Витька с суровой действительностью.

Они сидели с дедом на веранде и по старой привычке пили чай. В калитку кто-то постучал и на чистом русском языке потребовал открыть. И вдруг произошло совершенно необычное: самый добродушный из всех псов, которые когда-либо жили на свете, барбос старого грека зарычал. Зарычал и вскочил на ноги. Встали из-за стола дед и Витька. Взволнованные необычным поведением собаки, подошли к калитке.

Но, видимо, тот, кто пришел, не был терпелив. Дед Тарсис не успел открыть, как калитка распахнулась под сильным ударом приклада. Во двор вошли два высоких немца с автоматами. За ними, не спеша, настороженно поглядывая по сторонам, шагнули полицейские. Старый пес как-то неуклюже и неумело бросился вперед, громко рыча. Раздался резкий выстрел из автомата, и собака растянулась на земле. Это была первая настоящая встреча Витьки с фашистами. Они перерыли все вверх дном в доме, сарае, во дворе и ушли, забрав все ценные вещи деда. Витька же лишился шлюпочного компаса с «Крита».

Потянулись нудные бесцветные дни. На улицах часто слышались выстрелы, над городом почти все время гудели самолеты, изредка с таманского берега была по Керчи советская артиллерия. На заборах появлялись приказы, которые заканчивались словом «расстрел», и все реже встречались люди на улицах. На каждом шагу полицейские. Они требовали пропуск, чуть только над городом спускались сумерки. Даже базар, на который Витька обычно любил ходить, чтобы посмотреть, как всеми красками радуги

переливаются рыбы, солнечные арбузы и помидоры, теперь не шумел. Если и продавали что-либо, то из-под полы, иначе фашисты просто отбирали. Видно, не жирно жилось захватчикам, если прибегали они к такому способу заготовки продуктов.

За эти дни старый грек и Витька еще больше сблизились. Теперь уже зачастую вместо деда Тарсиса ходил на встречу с партизанами Витька. Ему было легче пройти.

Однажды во время очередного свидания с партизанским связным его попросили привести старого грека. Ночью Витька пришел вместе с дедом. И здесь он узнал, что партизаны взяли очень важного «языка», и нужно было срочно доставить его на Большую землю. Она была рядом — через пролив, на таманском берегу. Но

как это сделать, если ни переправ, ни катеров, ни шлюпок нет. Тогда вспомнили о дед Тарсисе, Витьке и их «Крите». Через сутки, глубокой ночью, партизаны положили в «Крит» связанного полковника немецкой армии.

На подготовку к походу у старого грека и Витьки была лишь одна ночь. Прежде всего нужно было что-то придумать, чтобы незаметно проскочить мимо катеров, дежуривших возле Карантинного мыса. Дед предложил выкрасить парус в черный цвет — меньше будет заметно.

Ночью Витька с дедом красили парус. Они заложили его в котел и высыпали в воду порошки. Грек утверждал, что ими когда-то красил свои шаровары. Но через час, когда парус извлекли из котла, он был багряным, словно впитал в себя всю кровь, что пролилась за эти дни на улицах Керчи.

Перекрашивать было некогда. Так «Крит» и вышел в свой необычный рейс под багряным парусом.

Как эстафету гриновских романтиков с их «Алыми парусами» поднял багряный парус наш «Крит».

* * *

Для экипажа нашего катера это была обычная ночь — сумбурно-беспокойная ночь дозора, когда каждый луч прожектора, каждая вспышка ракеты или залп береговой батареи словно вышвыривали всех из кубриков на палубу. «Охотник» болтался в передовом дозоре, охраняя таманский берег от внезапной высадки противника. Я стоял на мостике уже шестой час подряд. Устал, насквозь промок и замерз. Хотелось выпить чашку горячего чаю и переодеться в сухое, чтобы немного согреться. Я уже шагнул с мостика, когда в районе Церковной банки, что находится как раз против выхода из Керченской бухты, услышал и в ту же секунду увидел пулеметные трассирующие очереди. Немцы били по невидимому для нас предмету. Били яростно из пушек и пулеметов. Причем по движению трасс и смещению катеров я понял, что они ведут

огонь на ходу. Там был кто-то из наших! В противном случае зачем бы они стреляли?

Какое-то предчувствие заставило меня взяться за рукоятки телеграфа и бросить катер навстречу огню. Рыча моторами, «Охотник» летел, разбрасывая по бортам пенные усы воды. Комендоры и пулеметчики, сигнальщик и рулевой стояли по местам, зорко вглядываясь в темноту ночи. И вдруг прямо по носу «Охотника» мы увидели в свете скрещенных лучей прожекторов красный, как кровь, парус. По его движению, резким наклонам и рывкам можно было понять, что шлюпка идет на сумасшедших виражах, что тот, кто держит в руках ее руль, решил поспорить со смертью.

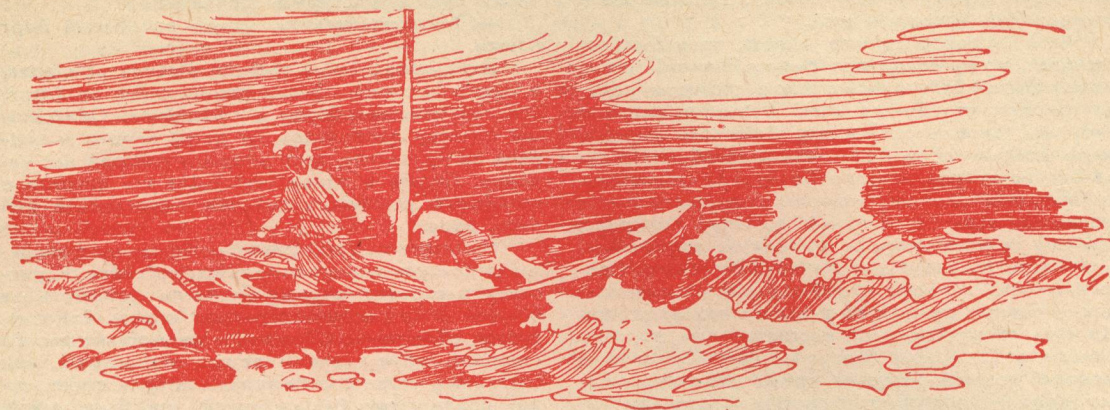
Мы ввязались в бой. Пушки и пулеметы нашего катера заговорили в ночи, а когда следующий луч немецкого прожектора поймал шлюпку, я узнал в ней «Крит».

Трудно сейчас рассказать все, что я чувствовал тогда. Я знал твердо, что на этой шлюпке может идти только один человек — Витька. Когда последний раз громыхнул залп с немецких катеров и ночь скрыла парус «Крита», я взглянул на свои штурманские часы. Они говорили, что бой длился пятнадцать минут. Мне же эти минуты казались часами, длинными и страшными.

Не думайте, что я трус. Я видел смерть не один раз. Мы знакомы с ней очень близко и с первого дня войны ходили рука об руку. Она караулила меня в любые минуты суток. Боялся я не за себя, а за Витьку, за наш «Крит».

В эту ночь Витька превзошел себя. Внужданный шкотом, зажатым крепкой рукой, «Крит», наш старый дружище «Крит», птицей летел по штормовому проливу. Уверен, что даже в годы своей молодости никогда не ходил он так. «Крит» бросался из стороны в сторону, будто норовистый конь, резко кренился то на левый, то на правый борт так, что черпал воду. Временами казалось, что багряный парус его цепляет за верхушки волн. От одного взгляда на его лавирование кружилась голова.

В бешеной пляске огней орудийных залпов,

в транслирующих строчках пулеметов, вспышках ракет и в резких лезвиях прожекторных лучей парус нашего «Крита» бился флагом революции, вобравшим в себя алые зори надежд человечества и кровь борцов за свободу. Он казался мне провозвестником мести и справедливости. Весь в рваных пробоинах от пуль и осколков, он буквально горел в лучах прожекторов, а под ним сидел отважный кормчий. Я смотрел на него и видел Витьку не мальчишкой, а воином. Воином с мужественным сердцем и твердой рукой. В мгновенных поворотах «Крита» были моряцкая лихость, отвага юности, упоение борьбой и точный, хотя и чрезвычайно дерзкий расчет. Все это слилось воедино и родило неповторимую красоту мужества, красоту подвига.

Витька, милый мой друг Витька! Значит, не зря учил я тебя. Ты сдал сегодня, дорогой мальчишка, экзамен на моряцкую зрелость, экзамен на мужество...

* * *

Нам не повезло с Витькой. Военная недобрая судьба раскидала нас в разные стороны. Через несколько дней после того как Витька с дедом Тарсисом доставили в Тамань, в штаб советских войск, немецкого оберста, меня отозвали на главную базу. Витька же со старым греком и двумя разведчиками на борту «Крита» уходил в Керчь.

Больше я Витьку не видел. В конце войны мне удалось побывать в Керчи. Из нее только что вышли фашисты. Город лежал в развалинах, а на месте Витькиного дома виднелась воронка от бомбы, упавшей сюда в первые дни войны. Я постоял возле нее, как возле старой заросшей могилы, где похоронена моя юность.

Я искал Витьку и грека. Искал тщательно и долго. Даже комендант Керчи, полковник, которого я знал до войны молодым лейтенантом, помогал мне в этом. В тот день, когда мне нужно было уезжать, в комендатуру пришел один из партизан, воевавших в керченских каменоломнях. Он рассказал, что Витька вместе с дедом Тарсисом прикрывал отход партизанского отряда. Говорят, что там он и погиб. То, что убит был в этом бою старый грек, не вызывало сомнений. Фашисты

уже мертвого повесили его возле Митридата с дощечкой, на которой было написано: «партизан».

О Витьке же подробностей никто не знал. В отряде он больше не появлялся, хотя и немцы не сообщали в своих приказах о поимке молодого партизана. Ходил слух, что один из гестаповских офицеров рассказывал, как долго отстреливался окруженный возле катакомб белообрый мальчишка. Но никто не мог сказать уверенно, что Витька погиб, как не мог сообщить и того, что он жив.

Попрощавшись с друзьями и поблагодарив коменданта за помощь, я уходил из Керчи на первом транспорте. И там, на борту этого доживающего свой век парохода, услышал еще раз имя Витьки. О нем говорил армейский майор, принимавший участие в штурме Керчи:

— Досталось по завязку... Бьет, проклятый, в упор, а города не знаем... Вот тут и помог нам мальчишка местный. Незавидный такой, щупленький... Знаю, что Витькой звать. Он во время переправы тоже здорово помогал матросам. Говорят, у него лодка с красным парусом была, он на ней десантников на берег свозил с катеров, которые возле мели стали... Бедовый парень. Я ему браунинг свой подарил, потому как лезет, чертенок, вперед, а без всякого оружия...

Я вцепился в майора, как клещ. Я мучил его весь рейс, пытаюсь узнать, где Витька. Майору надоели мои расспросы, и он односложно отвечал:

— Говорю же вам, не знаю, что с парнем... Не видел я его после боя. Вестовой говорил, что ушел он с матросами...

Шла война. По всем дорогам, что вели к Берлину, искал я Витьку. Искал и не находил, хотя часто слышал рассказы о мальчишках, что помогали войскам. Среди различных имен мелькало имя Витьки. Был ли это он, или другие отчаянные парни, кто знает... Только скажу вам по совести: я все время ждал, что вот-вот услышу рассказ о моем друге, узнаю, где он и что с ним.

Да нет, не довелось ни услышать, ни узнать. Канул Витька в мире больших дорог, в мире великих событий, что пламенем обожгли землю.

Теперь вот плаваю. Брожу по морям и океанам мира. Брожу и ищу Витьку. Должен же я когда-нибудь встретить его!..

Что? Вы говорите, что, может, прав был тот партизан, когда говорил о смерти Витьки? Что ж, может быть. Только я не верю этому, и сердце говорит, что Витька жив. А что не встретились мы, вполне объяснимо. Слишком много в мире добрых дорог, слишком много дел ждут человеческих рук, и мало ли где на земле мог замешкаться Витька, помогая людям строить жизнь. Он ведь беспокойный, до всего ему дело, все ему хочется знать, и за всех он заступается.

Много легенд ходит по нашей планете. Среди них есть легенды и о Витьке. В разных концах, в разных странах по-разному называют его. Но суть легенд одна. Я расскажу вам то, что слышал в Северном Вьетнаме. Рассказывал мне местный лоцман, будто во время революции мимо вражеских постов от партизан к отрядам народной армии часто ходила морем шлюпка под красным парусом. Старая, латаная шлюпка была неуловимой, потому что правил ею находчивый и дерзкий кормчий. Был он совсем мальчишкой с выгоревшим чубом, худеньким загорелым телом и лукавыми глазами.

Любили его партизаны и берегли. И пули не трогали мальчонку, будто боялись унести вместе с его жизнью свет дня, лучи солнца, саму жизнь... Был он для партизан собственной легендой, написанной жизнью, и ходил он под собственным флагом — багряным парусом.

Как наступило затишье и пришла на вьетнамскую землю свобода, исчез мальчонка. В народе говорят, что уплыл он на своей утлой посудине к берегам черной Африки, чтобы помочь людям в битве за светлый день. Есть даже очевидцы, утверждавшие, что будто видели его там. А куда дальше подался — то одному ветру известно...

Слушал я вьетнамского лоцмана и действительно думал о Витьке: уж не он ли с «Критом» здесь объявился? Хотя и понимаю, что не может того быть, что свой, видно, Витька у вьетнамцев, а все-таки вздрагивает сердце, словно и впрямь добрую весточку о нем услышал, на его след напал.

Была у меня еще одна встреча. Шли мы из-за границы в Новороссийск, и захватила нас в Черном море дьявольская погодка. Ночь, скажу вам, была не из приятных. Небо в тучах, над морем, будто изломанные огненные стрелы, сверкают молнии, грохают пушечные залпы грома, и волны свирепо кладут судно с борта на борт. Не привыкать морякам к такой погоде. И страшнее видеть приходилось. Да вот беда, на палубе начал «ходить» в ящиках негабаритный груз — огромные станки. Они грозили разнести все. А тут, как на зло, правый главный двигатель забарахлил. Еле выгребая против волны, пытались мы закрепить ящики и отремонтировать двигатель.

Стою на мостике, лихорадочно думаю, ищу, как бы укротить побыстрее «взбесившиеся» станки, и вдруг слышу, матрос докладывает:

— Справа по борту, тридцать градусов, шлюпка.

Вот этого, думаю, только еще не хватало нам для полного счастья.

— Включить прожектор! — командует штурман.

Осветили прожектором, и екнуло у меня сердце: почудилось, будто «Крит» это болтается в штормовом море, и Витька на корме сидит...

Да, тяжеленько пришлось. Стал я разворачивать судно, а штурман докладывает:

— Товарищ капитан, ящики на правый борт пошли.

Эх, думаю, так не годится. Потопишь, старик, и судно и станки. Скомандовал «лево на борт». Вот так полный оборот и совершили. Прикрыли мы шлюпку теплоходом от ветра и волн и подняли ее на палубу, хотя шторм и швырял нас изрядно. Позже я узнал, что была эта шлюпка с погибшего рыбацкого сейнера и спаслись в ней лишь двое.

Ну, так вот. Подобрали мы шлюпку с людьми и двинули помаленьку в Новороссийск. К расцвету механики отремонтировали двигатель, а боцман с матросами закрепили станки. Вдохнули все облегченно. Оставил я на мостике своего старшего помощника и пошел посмотреть, как спасенных устроили. Зашел в каюту и ахнул: сидит возле стола Витька, такой, как был: худой, загорелый, белобрысый... Бросился я к нему:

— Витька, — говорю, — Витька!

А пожилой рыбак спрашивает:

— Откуда вы, капитан, моего сына знаете? Вроде бы не приходилось встречаться раньше...

Присмотрелся я и отвечаю:

— Извините. Ошибся.

Вот до чего похож, значит, на моего друга мальчонка, да и звали его так же. Промашку я, конечно, допустил: забыл, что с тех пор, как видел Витьку, прошло больше двадцати лет... Сам знаю, что странно это, но вижу Витьку таким, каким он был в те далекие годы. Представить его взрослым как-то, понимаете, не могу. Фантазии, что ли, не хватает...

* * *

В море у меня есть время для воспоминаний, и часто я перебираю в памяти год за годом. Может, и верно, что старость живет прошлым. А разве я так стар? Видно, стар, коль все вспоминаю. Что ж, мне не на что обижаться. Я славно пожил. В старых лаптях и рваном пиджакишке ходил в комсомольском батальоне в двадцатом году против беляков воевать. Раз попал в разведку в их руки. Пороли шомполами так, что и сейчас на непогоду спина зудит. Сделали из меня котлету и бросили: пусть, мол, красная сволочь помучается, пока богу душу отдаст. А я выжил. Уж больно зол был, потому и выжил. Как поднялся немного на ноги, вернулся в свой батальон. Потом случайно попал в Мурманск. Увидел море, да так вот с ним и прожил всю жизнь. Видно, такая у меня судьба. Бродил по морям и учился. Перед войной диплом штурманский получил, и послали меня на Черное море в Керчь, где и подружился с Витькой...

В войну с фашистами от первого до последнего дня дрался. Э-э, нет, неплохо прожил, неплохо. Покой что? Затянет тебя тиной, припорошит песочком, как старую лодку на берегу, подзарастешь жирком, обзаведешься всяческой рухлядью и забудешь, как туго это счастье доставалось людям.

А годы, как волны, проходят, чтобы уже не вернуться. И, вспоминая Витьку, вижу, что остался он в моей жизни глубокий след.

Витьке и войне обязан я тем, что понял величайшую истину: если ты человеком себя считаешь, то обязан жить, работать, творить и любить за двоих — за себя и за того, кто торпеду, посланную в твой корабль, своим кораблем оста-

новил и своею жизнью, кто в атаке прикрыв твою грудь от вражьего штыка своею грудью, кто не дожид до победы и о ком, может быть, теперь даже некому вспомнить на нашей планете. Люби за него страну, как он ее любил, заботься о ней, как заботился он, жизни своей для нее не жалеи, как он ее не жалел!

* * *

Я говорил уже, что не верю в Витькину смерть. Выжил же я, хотя смерть и летала вокруг несколько лет. Может, сердце устало от многих смертей и отказывается понимать их, а может, потому, что не было у меня своей семьи и стал мне Витька дорожее всех на свете? Откуда я знаю... И разве не все равно, почему я не верю? Не верю — и все. Этому так же трудно найти объяснение, как внезапно налетающему шквалу или атаке меч-рыбы на корабль.

Нет, не верю и потому иду все время своего друга. Волнуюсь, когда встречаю в море шлюпку, и не отрываю бинокля от глаз до тех пор, пока не буду твердо убежден, что это не «Крит». Когда бываю в Керчи, иду к Митридату, на нашу улицу. Может, там меня ждет Витька?

Доводилось ли вам ходить по городу, с которым в жизни связаны самые лучшие воспоминания? Как ни странно, а жизнь всегда подмешивает к радости горечь. Я понял это в Керчи. Здесь каждая улица рассказывала мне о светлых

и тихих предвоенных днях, а разбитые дома, сожженные сады повествовали о горе, напоминали о потерях и бесплодных поисках....

Сад деда Тарсиса зарос зеленой-зеленой травой. Только возле деревьев земля перекопана и кто-то подсадил молодые вишни, яблони, груши. Посадил вместо старых, уже отживших свое. И цветут они, как и раньше цвели деревья старого грека. В его доме живут незнакомые люди. На подоконнике моей комнаты стоит чудесная роза и лежит рогатка из красной резины. Видно, в доме живет мальчонка.

На месте Витькиного дома построен новый. Старое перемешалось с новым так, что трудно уже различить. Но порой мне даже кажется, что все здесь так, как и было, и даже древние орехи так же качают своими широкими кронами. Только Витьки все нет и нет.

Не приходил еще он сюда, но знаю, что вернется. Не ведаю, когда, но верю, что однажды, солнечным ясным утром, в Керченскую бухту после долгих скитаний войдет наш «Крит».

Туго набитый ветром будет гордо пламенеть над Витькиной головой алый парус, как пламенил когда-то овеванный пороховым дымом красный флаг над головами мятежных матросов с броненосца «Потемкин» и крейсера «Очаков» — багряный флаг революции, флаг нашей Отчизны!

Если же вам повезет, ребята, и вы встретите Витьку раньше, чем я, скажите, что старый капитан ищет его. Очень прошу вас...

ДИКОВИНЫ ХИМИИ

АЛМАЗ-ПОЛУПРОВОДНИК

Обычный драгоценный камень алмаз — хороший изолятор тока. Но если положить его на некоторое время в ядерный реактор, он меняет окраску: первоначально бесцветный или желтый становится зеленым или голубым. Но и это не все. Облучаемый алмаз светится, причем так, что каждая ядерная частица вызывает мгновенную вспышку холодного синего свечения. Это свойство используется на практике в приборах — ядерных счетчиках.

ПОЛИМЕРЫ-ГИБРИДЫ

Мичурин скрестил вишню с черемухой. Он получил новую разновидность дерева, столь же большого и плодоносящего, как черемуха, и близкого к вишне по величине и вкусу ягод.

Подобные цели преследуют химики, «прививая» одни полимеры к другим, подвергая смеси мономеров или полимеров радиоактивному облучению. Получается материал, сочетающий ценные свойства «родителей».

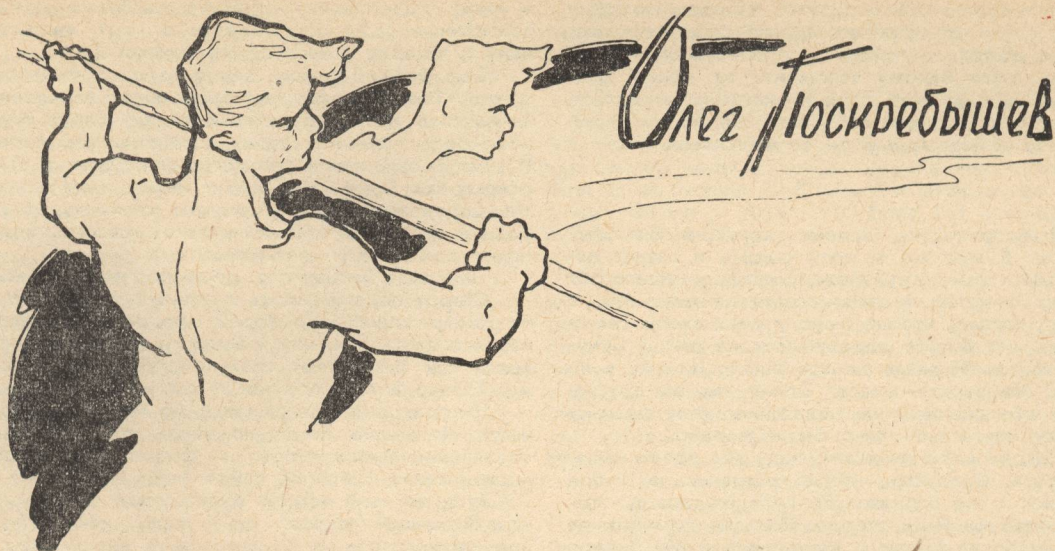
Можно «прививать» к синтетическим материалам природные.

Несколько примеров. Гибрид нейлона и клетчатки приобретает гигроскопичность, пригоден для изготовления гигиеничной одежды, лучше окрашивается. Прививка поливинилхлорида к полиэтилену дает морозостойкий материал, который почти не боится органических растворителей. Гибрид хлоропрена с натуральным каучуком с трудом горит, морозо- и теплоустоек.

НЕЙТРОННАЯ СВАРКА

Машиностроители все чаще сочетают металлы с пластмассами, но прочно склеивать такие чужеродные материалы не всегда удается. Иной раз трудно склеить и две пластмассы. Особенно упрям фторопласт. Его непревзойденная химическая стойкость и неспособность прилипать — свойства очень ценные — в промышленности порой превращаются в недостаток.

И тут радиация решает проблему. На две склеиваемые поверхности наносятся тонким слоем соединения лития или бора. Это жадные поглотители нейтронов. Затем идет облучение медленными нейтронами. Возникают ядерные реакции, которые сопровождаются разогревом до 1000 градусов. Материалам такой разогрев не опасен, так как длится ничтожную долю секунды, но за это время поверхности успевают прочно свариваться.

Ледоход

Ледоход, ледоход —
Самый первый лета ход!

Как река ни берегла,
Ни хранила талию, —
Затопило берега,
Тальники подтаяли.

А вода бурлит — беда!
Ну и окайнная!
Нашею была вода,
Будет океанная.

И по ней, по ней, по ней
В грохоте и в лепете,
Словно стаи лебедей,
Мчатся льдины — лебеди.

Ох, и любит наш народ
Провожать весельем лед!

На перильчатом мосту,
Над водою полою
Жаркой пляски перестук,
Ярких платьев полымя.

И запевок про запас
Сила непочатая:
Пропоем и сразу в пляс —
К полу припечатаем.

А гармоника в руках
Изогнулась радугой.
Лед уносит вдаль река,
Потепленьем радует.

Ох, и любит наш народ
Провожать из жизни лед!

Заструилась в голосах
Радость не напрасная:
Тает лед в людских глазах —
Солнышко в них празднует.

Подошел зиме конец.
Справились со стужей.
Лед уходит из сердец,
Паводком разбуженный.

Ох, и славно, если нет
В нас ни льда, ни наледи!
Свет в глазах и в сердце свет
Мы выносим на люди.

Ледоход, ледоход —
Самый первый лета ход!

В кино

Смотрят люди на экран и плачут.
Плачут и глаза, стесняясь, прячут.
Плачут, вновь увидев дни войны,
Дни, когда не плакали они.

Это их же насмерть убивали!
Это их же в рабство угоняли!
Но они лишь каменно немели,
Сжавши губы, взглядами грозя.
Или, кровь выплевывая, пели —
И сухими были их глаза.

Сколько ж всякого от рук палачьих
Молча ими перенесено,
Если даже нынче люди плачут,
Глядя на самих себя в кино!

Мальчик

Он многое любил, тот мальчик, в детстве:
Мычание стада

и полет стрижа,
Он в каплю дождевую мог глядеться,
Минутами почти что не дыша;
И лепестки ромашек тихих трогал,
Застенчиво и бережно —
чуть-чуть,

И для жуков,
жемчужных,
длиннорогих,

Прокладывал в травинках путь.
С лицом в веснушках, как яйцо кукушки,
Верхом на хворостине ездил вскачь,
И щедро всем раздаривал игрушки,
И тем, кто плакал, говорил:

— Не плачь!

А если кто-то с балалайкой шалой
Присаживался у окна,
В лад музыке нехитрой весь дрожал он
И сам натягивался, как струна.
И на лице его

за вспышкой вспышка

Сверкал и отражался мыслей взлет...
Живи во мне, восторженный мальчишка,
Как сердцевина в дереве живет!

Олег Поскребышев работает в Удмуртии, преподает русский язык и литературу в средней школе поселка Кез. Близки и дороги эти места поэту. Недалеко от поселка, в деревне Бани, прошло его детство.

Более десяти лет назад Олег Поскребышев напечатал свое первое стихотворение. Сейчас у него уже две поэтические книжки — «Мое поколенье» и «Росинка».

Мы публикуем его новые стихи.

* * *

Дела:

во-первых...

в-третьих...

в-сотых...

Так много дел!

Но, кроме них,

Стоят невзятые высоты

И в нас самих.

И в нас самих!

Стоят высоты, будто вызов,

И мысль о них сверлит висок:

«А в дружбе не бывал ты низок?»

«В любви всегда ты был высок?»

«Звезд с неба чуть ли не хватая,

Заняв высокие посты,

Всегда считал ты, что хватает

Тебе душевной высоты?»

Мы — разные.

Нас много, разных!

Но есть для всех один итог:

Стань по-особому прекрасным

И будь по-своему высок!

Себя решая, как задачу,

Найди в ответе:

— Кто же ты? —

И в том, к чему ты предназначен,

Достигни главной высоты!

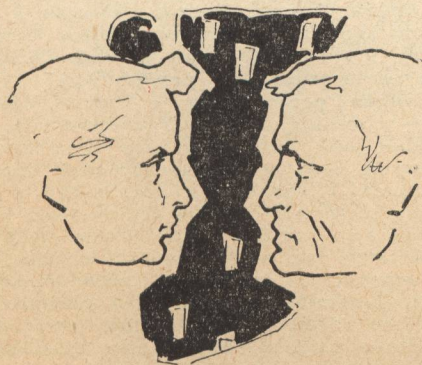
Рисунки А. Гуссиса

Жар-птицы есть!

О, как логична трезвость лиц,
Толкующих с опаской:
Мол, кто там выдумал жар-птиц,
Мол, это только в сказках.
Их доводов — не перечесть,
Сквозь хор их не пробиться...
А все-таки

жар-птицы есть,

Есть на земле жар-птицы!

ВЕСНА БАШ

Помнится один из зимних вечеров в нашей родной Уфе. В большом и светлом зале собрались деятели культуры Советской Башкирии — писатели, композиторы, художники, журналисты, артисты. Мы принимаем у себя дорогую гостью с далекого острова свободы — Кубы — Анхелу Алонсо, героиню кубинской революции, молодую обаятельную женщину. Она гостила у нас недолго, но успела побывать во многих городах на нефтяных промыслах республики. В последний вечер пребывания у нас Анхела Алонсо в подаренном ей нашем национальном костюме исполнила башкирскую пляску. Когда же

один из нас произнес тост и попросил Анхелу Алонсо стать полпредом башкирского народа в Гаване, гостя ответила:

— Я полюбила Башкирию, ее народ. С удовольствием буду вашим полпредом дружбы на Кубе, и если когда-нибудь у меня родится сын, то обязательно назову его Салаватом...

...Другой гость — чилийский журналист и поэт Хаким Гутьерес сказал:

— Сегодняшняя Башкирия — это воплощение нашей вековой мечты о народном счастье.

...В канун 1964 года наши нефтяники получили теплое поздравление от Германской Демократической Республики. Немецкие друзья перерабатывают башкирскую нефть, поступающую к ним по знаменитому трансевропейскому нефтепроводу «Дружба».

Все это лишь маленькие штрихи из больших будней моей родной башкирской земли. Когда-то наш народ мечтал иметь на земле много друзей. «На земле, среди людей, имей полсотни друзей», — гласит народная мудрость. Мечта сбылась. Теперь у башкир друзей не полсотни, а миллионы.

Вот снова склоны Южного Урала, долины песенных рек — Белой, Уфы, Ая, Демы, Юрюзани, Сакмары оделись в буйную зелень. Расцвели яблони и черемуха. Белой кипенью своих садов и лесов встретила Советская Башкирия свою сорок пятую весну.

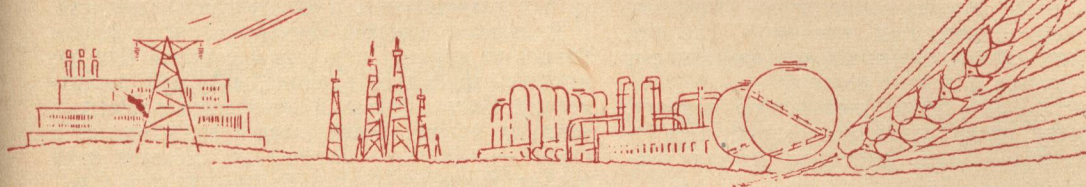
Сорок пять лет назад в долине Белой собирались бойцы Фрунзе, богатыри Чапаева. В теплые июньские дни разыгралась здесь битва с Колчаком. 9 июня 1919 года чапаевцы освободили от колчаковцев мою родную Уфу.

Башкирия расположена в самом сердце страны — у южных отрогов Уральских гор. По территории мой край в четыре с половиной раза больше Бельгии и в четыре раза больше Нидерландов. У нас есть и раздольные степи, и могучие скалистые горы, и корабельные леса, и широкие луга, голубые озера и песенные реки. Много богатств таят в себе недра Башкирии.

Но нерадостной была жизнь наших предков. Земли принадлежали баям и ханам. Народ бедствовал, вел кочевой образ жизни. Потом пришли царские сатрапы. Много раз поднималась беднота.

КИРСКОЙ ЗЕМЛИ

В борьбе за счастье рождались герои. Замечательным среди них был Салават Юлаев — вожак восставших против царизма башкир, верный сподвижник Емельяна Пугачева. Салават в двадцать два года стал пугачевским генералом-бригадиром. Он был и прекрасным поэтом. Героизм и высокая романтика поэзии слились в облике Салавата.

И в трудные дни, и в жестокой борьбе за жизнь и свободу мой народ сохранил светлую веру в лучшее будущее, в победу справедливости и добра. Изумительные легенды слагал он о родном крае, о борцах за народное счастье — батырах.

Одна из легенд рассказывает об удивительной судьбе могучего витязя, защитника народа — Урал-батыра. Урал-батыр, говорится в легенде, после долгой и славной жизни собрался умереть. Народ не хотел отдавать своего сына смерти. Тогда мудрецы-кудесники достали живую воду из вечного источника и подали рог с животельной влагой умирающему витязю. Урал-батыр окинул взором родные степи и леса, голубые горы и реки и, поблагодарив старцев за щедрый дар, сказал:

— Хочу, чтобы вечной была родная земля, а я свое уже пожил...

С этими словами он обрызгал все вокруг живой водой и с радостью увидел, как оживает родная природа, как бурно цветут нивы и шумно ревут прозрачные горные ручьи.

Весь народ хоронил батыра. На его могилу каждый бросил по горсти земли. Образовалась огромная гора. В честь героя народ назвал ее Уралом. Предание гласит, что в груди Урала сохранилось много несметных сокровищ: сердце батыра превратилось в золото, кости — в самоцветы, а кровь бьет из груди гор могучими фонтанами нефти.

Такова легенда. Но удивительная явь оказалась ярче самых прекрасных легенд. Башкирия, которую по праву называют жемчужиной Южного Урала, в наши дни стала кладовой несметных сокровищ.

Радость и счастье на мою землю принесли Советская власть, могучая партия Ленина. Мы гордимся тем, что в начале XX века — в 1900 году — в нашей родной Уфе побывал великий

Ленин. Он тогда дважды приезжал к Надежде Константиновне Крупской.

После победы Октябрьской революции, в суровые мартовские дни 1919 года, по инициативе Владимира Ильича была создана Башкирская Автономная Советская Республика — первая в составе Российской Федерации. В эти дни в Москве VIII съезд партии принял программу, одним из важных положений которой был ленинский принцип самоопределения наций. День завершения работы VIII съезда — 23 марта — стал днем рождения новой Башкирии.

С того дня, с того памятного марта, прошло сорок пять лет. Неузнаваемо изменилась моя земля. Новыми стали ее люди. Три десятка лет тому назад вблизи деревни Ишимбаево, у реки Белой, мои земляки обнаружили нефть. Забил первый фонтан. А ныне весь край стал нефтяным. За последние четверть века поднялись новые белокаменные города нефтяников — Ишимбай, Октябрьский, Салават, Туймаза, Нефтекамск. В несколько раз выросло население в наших древних городах — Уфе и Стерлитамаке, они стали центрами большой нефтеперерабатывающей и химической промышленности. Наши люди научились превращать нефтяные газы в полиэтилен, синтетический каучук, гербициды и синтетический спирт.

Имена лучших людей Башкирии знает вся страна. Быстрее всех ведут проходку нефтяных скважин знаменитые буровые мастера Дмитрий Михайлов, Хамза Абсалямов и Ядгар Муратов. Это люди образованные, высококультурные. Михайлов и Абсалямов — депутаты Верховных Советов РСФСР и СССР. Добрая слава идет по стране об аппаратчике Уфимского химического завода Михаиле Ильтубаеве, об инженере Ново-Уфимского нефтеперерабатывающего завода Розе Сабирьяновой, о строителе объектов большой химии из Стерлитамака Алексее Анохине, экскаваторщике Герое Социалистического Труда из города башкирских горняков, Сибая, Мидхате Габитове и других.

Хороша была сорок пятая весна Советской Башкирии! Сердца наши чувствуют, что за ней придут к нам новые радости, новые успехи в труде, новое большое счастье.

Гилемдар РАМАЗАНОВ

Фольга

Михайловск совсем недалеко от Свердловска. Нужно проехать по Московскому тракту до поворота на Агит — Нижние Серги. Или по реке Серге прямо в Михайловский пруд.

Здесь, возле недавно выстроенного гидроузла, за плотиной — завод. Ему уже более 150 лет. В длинных, светлых корпусах его прокатывают цветной металл и делают фольгу.

Берете ли вы в руки шоколадную конфету, раскрываете пачку душистого чая, покупаете бутылку кефира — везде блестящая мягкая про-

кладка. Она похожа на серебристую бумагу. Но это не бумага, а тонко прокатанный металл.

Есть и техническая фольга — на праздничных украшениях, на переплетах книг, используют ее и в радиотехнике, и электропромышленности.

В далеком прошлом тончайшие листы фольги ковали из цветных металлов молотками. Они получались разные по толщине, с плохой поверхностью. Сейчас фольга изготавливается с помощью сложных машин. Таких заводов всего четыре в стране — в Москве, Ленинграде, Ереване и у нас на Урале.

Зайдем в цех. Огромный куб, сложенный из огнеупорного кирпича и закованный в железо, — это плавильная печь. Она дышит жаром.

Вот к огнедышащему жерлу ее медленно подтягивается на цепях поддон с шихтой. Он наливается, а в это время слева по рельсам подходит завалочная машина. Длинный хобот ее сбрасывает одним движением шихту в огонь.

Через несколько часов разбивается летка. Серебристый металл льется в ковш. Подхваченный крапом ковш передается машине полунепрерывного литья, которая превращает алюминий в прямоугольные слитки весом две тонны. Отсюда они идут на дисковую пилу. Дальнейший путь — по конвейеру в нагревательную печь.

За ней — протянувшийся во всю длину цеха два мощных прокатных стана. Белая полоса скользит между валков. Длина ее 20—26 метров, толщина от 2,8 миллиметра до четырех. Отсюда она идет на другие станы, где ее прокатывают до толщины 0,6 миллиметра и свертывают в рулоны.

Рулоны передаются в электрические отжигательные печи. Потом специальными ножницами обрезается кромка, и готовая лента перематывается на шпули. Но это еще не фольга, а только заготовка для ее проката.

За стеной фольгопрокатный цех, где много прокатных станов, ножниц, красильных, печатных машин. Тут из ленты-заготовки прокатывают фольгу тоньше человеческого волоса, красят в разные цвета, делают тисненую, лакированную, печатную и просто гладкую — всех видов и размеров.

Каждое утро из ворот завода выходят «МАЗы». Они везут на станцию железной дороги продукцию фольгового цеха. На ящиках адреса: Демократическая Республика Вьетнам, Куба, Индия, Швеция, ОАР — 17 стран мира. И свыше четырех тысяч заказчиков из разных городов и рабочих поселков нашей страны получают уральскую фольгу.

А. ПЕВЦОВ

„Сокровища каменных архивов“

ЦЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В № 8 «Уральского следопыта» за 1963 год опубликована статья профессора А. Малахова «Сокровища каменных архивов». В статье своевременно и очень правильно поставлен важный государственный вопрос о необходимости хранить в специально создаваемых «архивах» ценные каменные документы, стоимость которых в стране, в течение хотя бы последних десяти лет, определяется огромными суммами (миллиардами рублей) государственных денег. Беспорядок, неорганизованность негосударственный подход руководителей ряда геологоразведочных партий и экспедиций к расходованию государственных средств приводит к тому, что керн скважин по разным причинам теряется и уничтожается. В результате не только геологи будущих поколений, но и геологи, живущие сейчас, спустя три-пять лет после того, как пробурена скважина, часто лишены возможности использовать каменные документы в своих исследованиях и вынуждены вести буровые работы вновь.

Можно согласиться или не согласиться с автором статьи в том, что надо хранить на месте весь керн. Это вопрос специального обсуждения. Однако наведение строгого порядка в хранении керна скважин — неотложная задача сегодняшнего дня, и выступление профессора А. Малахова надо приветствовать.

П. ЯРОШ, старший научный сотрудник
Института геологии УФАНА

Александр ПОКАЗАНЬЕВ

РЕВДИНСКИЕ БЫЛИ

Комсорт новостройки

Более четверти века назад взметнулись в небо гигантские трубы Средне-Уральского медеплавильного завода. Долгое время люди привычно наблюдали, как вырывались из них густые желтоватые облачка. И вряд ли кому приходило в голову подвергнуть сомнению исправную работу тружениц-труб: ведь они надежно предохраняли людей от опасного сернистого газа.

Но вот однажды на заводе появились ученые. Пытливо ко всему присматривались, что-то подсчитывали и вдруг заговорили о неслыханном расточительстве. В самом деле, газ, если установить специальное оборудование, — это серная кислота. А серная кислота — это минеральные удобрения, пластмассы и многое другое.

Началось строительство сернокислотного комплекса. Когда вступила в строй первая очередь, то оказалось, что ревинская кислота — самая дешевая в мире.

Стройка была объявлена комсомольской ударной. Со всех концов потянулась сюда молодежь.

Как-то на столе у секретаря Ревдинского горкома комсомола Володи Еремина зазвонил телефон. Володя взял трубку.

— Для новостройки, — услышал он знакомый голос из Свердловска, — надо подобрать комсорга. Посмотрите там у себя, нет ли достойного человека.

— Есть, — поспешно ответил Еременко.

— Не торопись, надо подобрать не просто комсорга, а представителя Центрального Комитета ВЛКСМ.

— Понимаю.

— Ну, добре. Обсудите на бюро и приезжайте на утверждение.

Решили рекомендовать плавильщика металлургического цеха Бориса Труфимова. Активный общественник, замечательный спортсмен, хорошо знает производство. Самая подходящая кандидатура.

Вскоре Еремин и Труфимов отправились в Свердловск. На заседании Борис не торопясь изложил свою ничем не запятнанную биографию и вдруг спросил у первого секретаря:

— А оклад у меня какой будет на стройке?

— Сто рублей. Как у секретаря горкома комсомола.

Труфимов нахмурился.

— Не подойдет. Я не привык к такому окладу. У меня средний заработок двести тридцать рублей. Если сохраните, согласен.

Члены бюро обкома заметно сконфузились, а

первый секретарь даже покраснел. Покраснел и Володя Еремин.

— Тогда извини, товарищ Труфимов, что зря потревожили. Агитировать мы тебя не будем. Как-то неловко агитировать человека на пост комсорга ЦК. Можешь быть свободным.

Еремин и Труфимов молча вышли на улицу.

— Ты куда, направо или налево? — спросил Борис.

— Вот что, Труфимов, — ответил Володя, и голос его задрожал, — ты давай налево, а я — направо. Нам с тобой не по пути. Я считал тебя человеком. А ты... За сто тридцать рублей стройку продал!

Всю дорогу в электричке Володя взволнованно думал о случившемся. Войдя в горком, тут же позвонил в Свердловск и настойчиво сказал:

— Комсоргом стройки прошу утвердить меня. Очень прошу. Оправдаю доверие. Клянусь!..

— Откровенно сказать, думали мы об этом, Володя, — ответил секретарь. Но горком-то как?

— И горком пусть на мне остается! — крикнул Еремин. — Ничего, вытяну! — И, переходя на шутливый тон, добавил: — Говорят, у меня батя двуличный. А я весь в него.

Случай

у восемнадцатого дома

Само собой разумеется, в Ревде строится много жилья. Однажды горком комсомола решил проверить, как расходуются и хранятся строительные материалы. Выбрали тройку. В нее вошли: Саня Рубцов из городской газеты, Юра Душенко, гвоздильщик с Ревдинского завода, и Володя Еремин. Непорядков обнаружили немало. Ребята собрались было домой, но тут прибежал молодой рабочий и сообщил, что с площадки восемнадцатого дома кто-то прямо на глазах увез шифер.

Отправились к месту происшествия. И верно: след был совсем свежий.

— Машина ушла на Кабалино, — говорил паренек, — а номера я не разглядел.

— Понятно, — заключил Володя. — В Кабалино сады. Вот шифер и понадобился на частнособственнический шалаш. А машина никуда не денется. Дорога оттуда одна — мимо нас.

Сели, закурили. Смотрят, показалась машина. Володя вышел навстречу, поднял руку. Послышался скрип тормозов. Из кабины выглянуло встревоженное лицо.

Володя представился, деловито нахмурил брови, спросил:

— Не скажешь точно, сколько листов шифера было?

Парнишка побледнел.

— Двадцать один...

— А ведь дело керосином пахнет, а? — обратился Володя к товарищам.

— Садитесь в машину и едем в милицию! — решительно предложил Юра Душенко. — Там знают, что с такими субчиками делать.

— Вот что, — сказал Еремин шоферу, — поворачивай обратно — и чтобы шифер сейчас же был на месте. Понятно? Мы здесь подождем.

Машинку как ветром сдуло.

— Растяпы! — вдруг спохватился Душенко. Даже номер не записали! Как же, вернется он вам! Он сейчас до самого Северного полюса прямым ходом рванет!..

Но парень вернулся. Минут через двадцать, не больше. Развернул машину, осторожно сложил листы на прежнее место и, потный, измученный, покорно стал перед теми, от кого зависела его судьба.

— Эх ты, уголовник! — гневно бросил Володя. — Где только у тебя совести!..

— Ребята, простите!

Стыд, горькое раскаяние отражались на лице шофера.

— Садись в свою машину, — все тем же тоном проговорил Володя, — уматывай, чтобы духу твоего не было!

Парень влез в кабину, завел мотор. Машина дернулась, но, проехав несколько метров, остановилась. Шофер высунул в дверцу и отчаянным голосом крикнул:

— Володя! Товарищ Еремин! Даю честное слово, никогда больше этого не будет! Первый и последний раз!..

Рапорт наследников

Морозным декабрьским днем у штаба ударной комсомольской остановился автобус. Из него один за одним неторопливо выходили пожилые, известные всему городу люди. Вот ступил на землю высокий, в длинном зимнем пальто с поднятым воротником Никифор Терентьевич Хмелинин, бывший начальник конверторного передела металлургического цеха. Это он пускал металлургический цех и выдал первую плавку меди. Следом вышел Владимир Зиновьевич Шалин, старейший плотник. Его бригада в тридцатые годы возвела первые леса на строительной площадке СУМЗа. За ним — Алексей Михайлович Мингалева, бывший металлург завода. Последними сошли со ступеньки автобуса

Александр Андреевич Савичев и Михаил Максимович Максимов.

Приехавшие, задрав головы, восхищенно смотрели на гигантские корпуса новостройки.

— А ведь нашего-то СУМЗа и не видать совсем, ребята! — воскликнул Мингалев. — Даже труб знаменитых и тех не заметно. Уж туда ли мы приехали?

В штабе стройки сразу стало шумно и весело. Михаил Максимович, здороваясь со всеми за руку, дойдя до Володи Еремина, спросил:

— Не ты ли будешь комсорт стройки?

— Он самый! — улыбнулся Володя.

— Вот и считай, что мы проверяющие и ждем услышать отчет.

Все уселись.

Володя поднялся. Лицо его приняло строгое выражение и, кажется, даже побледнело.

Увлеченно комсорт рассказывал о делах на стройке. Он говорил о трубопроводах Петра Штанчаева, побивших все рекорды на возведении сорокапятиметровой дымовой трубы; о том, как бригада Михаила Кухаря монтировала двенадцать огромных сушильных башен и два гигантских скруббера для промывки отходящих конверторных газов. На две недели раньше срока монтажники сдали скрубберы — ударный объект, и в день открытия декабрьского Пленума ЦК КПСС над ними взвился красный флаг.

Комсорт говорил, и ветераны дивились свершенному молодежью.

Комсомольская стройка в прошлом году была объявлена ударной. Только за один месяц коллектив вырос более чем на полторы тысячи человек.

...Везде побывали первостроители, побеседовали с десятками людей, а потом направились в

красный уголок. Парни и девушки в ватниках, в брезентовых робах, перетянутых широкими поясами, стоя аплодировали почетным гостям. Старики сидели на деревянных скамьях рядом с молодыми строителями.

Первым взял слово Михаил Максимович.

— Дорогие друзья! — сказал он, сняв шапку. — Примите от нас, стариков, сердечное спасибо. Мы очень довольны и счастливы. Счастливы, что вы замечательно работаете и что среди вас есть наши ученики. Вон сидит Ваня Миндубаев, монтажник, а вон Сережа Кормильцев... Гляжу я на вас и думаю: богатая у вас молодость, боевая. И, признаться, мне, старику, даже завидно.

Потом встал Савичев. Он вспоминал о тех, кого нет на этой радостной встрече, говорил о лучшем друге своей юности — комсомольце Павле Зыкине, рабочем завода, павшем от руки классового врага.

От молодежи выступал Трофим Болтачев, плотник, руководитель бригады коммунистического труда. Он был немногословен.

— Я на Пленуме ЦК в Кремле слушал Никиту Сергеевича Хрущева, — сказал Болтачев. — Задача создания большой химии ясна, и мы приложим все силы, чтобы выполнить ее в срок. А вам, товарищи первостроители, большое спасибо, что пришли к нам, помогли советами. Предлагаю учредить переходящий красный выпел имени комсомольца Павла Зыкина, и пусть он всегда будет в лучшей бригаде!

...Гордые, помолодевшие, вышли из красного уголка ветераны. Вокруг гремела, бурлила комсомольская ударная стройка. Сверкали огни сварки, звонили колокола подъемных кранов, рычали бульдозеры, проносились тяжелые самосвалы.

Сражение за большую химию нарастало.

СЪЕЗДУ СОВЕТОВ

В феврале 1935 года в Москве проходил 7-й съезд Советов. В честь него проводилась Всесоюзная лыжная эстафета. Участники ее рапортовали о трудовых победах республик, краев, областей и предприятий.

Свердловчанин Евгений Найдин, рекордсмен-физкультурник, лично вручил Сергею Орджоникидзе рапорт об освоении выпуска трансформаторной стали на Верх-Исетском металлургическом заводе.

На этом снимке: Н. К. Крупская среди участников эстафеты. Слева, в первом ряду, — Евгений Найдин.

И. ТЮФЯКОВ

В ноябрьском номере «Уральского следопыта» за прошлый год выступал с рассказами журналист Александр Круглов. Читатели, очевидно, помнят его истории «Геологическая одиссея» и «Туры в тайге». Рассказывая о том, как он с товарищами шел по следам одного отряда, как находил в турах письма, подписанные В. И. Драгуновым, Александр еще не был знаком с этим человеком — энтузиастом поиска, опытным геологом. Но в прошлом году А. Круглов попал в отряд Драгунова и прошел с ним немало трудных километров.

В этом номере мы печатаем два отрывка из походного дневника журналиста.

ЧЕРЕЗ ПОРОГИ

Толька проигрывает. Два отчаянных хода ладьей — и он сам загоняет себя в тупик.

— Сэ-эр, сдавайтесь! — торжествующе кричит Драгунов.

— Mat! — и Толька с далеко не деланным бешенством вскидывает сжатые в кулаки руки, взлохмачивает копну спутавшихся соломенных волос.

Даже предстоящая рискованная схватка с водной стихией не помешала провести матч. Очередная шахматная партия нашего шефа — начальника Хантайского геологического отряда — с лаборантом закончена. Драгунов вскочил.

— Да здравствует новая Одиссея. Сцилла и Харибда нам нипочем! — Он возбужденно накидывает свою, и здесь, в тайге, чистую, модно скроенную рабочую куртку, задорно поправляет очки. — На штурм!

Он весел, он величественен, он кипит. Шефу, как воздух, нужны постоянные свидетельства своего превосходства. Даже маленькие победы и успехи. Тогда он словно взрывается, бурно фонтанирует мальчишечьей удалью и остротами, отвагой и добротой. В противном случае скисает, замыкается — тогда он нудяга и брюзга.

— На штурм! — сейчас он в ударе. — На штурм!

— А завтракать? — останавливаю я расходившего шефа.

Съев зажаренного целиком в золе гуся, мы запили его клюквенным суфле.

Облизывая пальчики, двинулись на рекогносцировку.

— Смотрите!

Драгунов — полководцем, мы — генеральской свитой стоим уже на головокружительной высоте — на скале. Пороги, шиверы, водопяды — вот они, у наших ног.

— Не теряться. Собрать все мужество, всю волю. Не жалеть ни весел, ни рук. Смотрите! Входим вон в ту горловину. Потом вправо — в самый бурун. Не бойтесь, прямо на камень!..

Шаг за шагом был отработан весь самый страшный участок пути.

Я молчу. И лишь Толька неожиданно возражает:

— Разрешите, я пойду прямо в главный водослив, в трубу? Оставляю в стороне этот подводный камень. Ручаюсь, пройду!

Толька вырос на Енисее. Отец — поляк по национальности, но тоже считает себя сибиряком. Сына он вырастил отважным сплавщиком леса, неутомимым таежным охотником. Третье лето увлеченно ковыряется Толька с Вадимом Ивановичем в мерзлой заполярной земле. И его заразил беспокойный геологический зуд. Закончив школу, Толька Райнис нынче собирается в Ленинград — в горный институт...

Решили все-таки идти вместе, одним руслом, страхуя один другого.

— Александр Георгиевич, а вот вам-то, пожалуй, следует пойти берегом, пешком, — предупредительно и строго предлагает мне Драгунов. — Я не могу вас заставлять. — Он ткнул пальцем в водоворот. — Дело для вас новое, может случиться все. Клипербот ваш я возьму на буксир.

«Я вырос на море, отлично плаваю, — мелькает мысль. — Спортсмен-подводник... Не может быть, выплыву!» Но тут же вспомнил: камни, страшная сила. Удар головой и...

— Нет! — перебарывая страх, протестую я. — Нет! Я поплыву вслед за вами. А перевернет лодку, выберусь, не утону.

Вадим Иванович почему-то жестко, пристально смотрит мне в глаза.

— Нет, вы можете тонуть — это ваше право, — вдруг холодно отрезает он. — Ваше право! Но на нас всех лежит еще и долг: сохранить все оборудование, приборы, инструмент, хотя бы до полного окончания исследовательских работ, на весь сезон. Сохранить ценнейшую коллекцию окаменевшей фауны, все собранные образцы. В них оправдание наших мучений, весь смысл нашей долгой борьбы!

Он рубит все это с плеча. Он прав. Но я стараюсь его убедить.

— Ну, смотрите, — сдается, наконец, Вадим Иванович. — Пусть по-вашему. Валяйте. Учитесь. Кто знает, что еще ждет вас впереди?

Два часа мы провозились с ботами. На моем оставили только «безделушки»: большую часть

посуды, игры и библиотечку, запасную одежду и инвентарь. Все самое ценное и прежде всего приборы и образцы — больше тонны бутылок с пробками воды, камней и земли — взяли на свои боты Толя и Вадим.

«Вот и все!» Я предусмотрительно разделся до трусиков, натянул на голову плотную зимнюю шапку — на случай, если не избежу удара о камни головой. Вадим и Толька тактично делали вид, что не смеются надо мной. А мне наплевать: жизнь дороже. Задраенные брезентом и перетянутые вдоль и поперек веревками, как сеткой, надутые до предела, как мячики, боты нетерпеливо быются на привязи у косы. По разработанному плану Вадим Иванович первым должен уйти в водоворот. Потом, строго по его «следу», иду я. Толя последним, страхуя нас.

— Присядем! Помните: сегодня тринадцатое, синьоры. — Немного бледный, спокойно-ледяной, сжатый, как пружина, Вадим Иванович опускается на валун.

Посидели.

— Начали! — Драгунов первым направился к боту. — Ну, толкайте!

Бот Вадима Ивановича оторвался от косы. Удивительно, что в тоненьких белых ручках Драгунова весло вдруг заходило, заработало, как пропеллер. Лодка вылетела на стремнину. И в тот же миг завертелась волчком. Мы глядели: Вадим Иванович остервенело швырял весло то влево, то вправо, делал все, чтобы поставить лодку носом вперед.

— Держитесь, держитесь! — закричал, не вытерпев, я. — Держитесь!

Лодка стала, как нужно, и победно устремилась вперед.

— Ура-а! — завопили мы.

И тут с середины реки, прорезывая грохот, далеко в тайгу полетели задорные пиратские слова:

По морям и океанам
Злая нас ведет судьба.
Ходим мы по разным странам
И нигде не вьем гнезда!

Драгунов орал иступленно, или гоня прочь страх, или, скорее всего, в восторге от предстоящей схватки со стихией. Бот врезался в гребень. И взмыл ввысь. В пене, в грохоте волн. И провалился. Как не был. И показался уже по ту сторону порога — на глади сравнительно уже тихой, чуть пенившейся реки.

Мы с Анатолием, наверное, только этого и ждали. И, подхватив что было сил:

Эй, живей разворачивай парус!
И-го-го, веселись, как черт! —

ринулись к своим судам.

— В случае чего хватайтесь за леер. За леер! — это последнее, что я услышал, когда пришел мой черед. Толя оттолкнул лодку. И меня сразу же понесло. В ту же минуту вырвало весло. Потом дернуло, завертело, зашвыряло. И взмыло вверх. Я падал в пропасть, уже наполовину мертвый, лежа пластом на дне почти пустого бота, вцепившись в него чем только мог. Пришел я в себя от страшного толчка, от того, что почему-то плавал в огромной ледяной лохани и меня больше никуда не несло.

Оставшись без управления, зачерпнув до краев воды, бот наскочил и сел посреди реки на подводный камень. Тот самый, который мне следовало обойти. Кругом все кипело и гудело. Одурав совсем, я выскочил на скалу, чтобы подтолкнуть засевшую лодку. И тут случилось самое худшее. Видно, облегченный бот дернулся, подскочил и вдруг понесся прочь. Я как стоял на четвереньках на камне, уцепившись за его скользкие выступы, так и застыл, оцепенев от ужаса. Все остальное произошло без моего участия. Спас меня Толька.

Он взмыл в своем клипер-боте на гребень водопада как раз в эту минуту и увидел все. Затем сделал то, что только и можно было сделать в тех обстоятельствах. И то лишь такому парню, как он. Серией ловких яростных ударов весла Толька

устремил груженую камнем, могучую, как таран, лодку прямо на меня.

— За леер! За леер! Бисов сын! — завопил он.

Лодка зловеще охнула, врезавшись с силой носом в подводную скалу. Взвизгнула, заскрежетала резиновым брюхом по гранитному наждаку. И замерла. На миг. Только на миг.

Я очумело стал карабкаться на перегруженный бот.

— За леер!.. — И он что было сил огрел меня по известному месту веслом. Память сразу вернулась ко мне. Я тотчас сориентировался и уже со знанием дела вцепился в канат. И вовремя. Лодку сорвало и понесло.

Бесстрашный сибиряк благополучно провел лодку через следующий порог. Ни жив ни мертв, я тащился за ней в бушующем потоке, как насаженный на кукан таймень.

В тихой заводи перед следующим порогом Толька выволок меня на свой бот. А вскоре у песчаной отмели мы увидели и мою ускользнувшую лодку—ее поймал и тащил на буксире Драгунов. Он приветливо помахал нам рукой.

— Поздравляю. С крещением. Дальше пойдет веселей!—кричал он мне.

МАМОНТ УХОДИТ ПОД СНЕГ

Я уже знал своего шефа—человека наоборот. Возможно из самолюбия не очень доверял он чужим советам. А может быть, из осторожности. Во всяком случае правилом «выслушай женщину и поступи наоборот» он руководствовался не только в своих отношениях со слабым полом. Поэтому с некоторых пор был с ним осторожен и я. Мне хотелось кричать: «Вы что, спятили?! Это же мамонт! Нежданно-негаданно явившийся к нам из глубины веков. А вы еще—ломать голову! Все ясно и так: немедленно туда, не мешкая ни минуты!» Крик этот так и рвался с моего языка, а я, между тем, произнес совсем равнодушно:

— Вы спрашиваете, куда нам прежде податься—к мамонту или на трубку?—Тут я умышленно сделал паузу, пожав безразлично плечами.—Видите ли, трубка в конце концов никуда не убежит. Простояла двести миллионов лет на месте и еще годик-другой постоит. А мамонт...

— Думаете, сползет в реку? Или звери сожрут?

— Что вы меня спрашиваете? Я не бог.

— Да, это и видно.—Вадим Иванович Драгунов измерил меня насмешливым взглядом.—Признаков вроде никаких. Но человек вы все-таки бывалый...

— Прежде всего, хватай то, что плохо лежит.

— Гм... А я, грешным делом, всегда считал, что вначале берись за то, что поважней.

— А что важнее? Биологи, например, вас не поблагодарят, если упустите эту птицу.

— Полагаете, что может повалить снег, метель может ударить? Денька два-три, по-вашему, не продержится летная погода?

— Кто его знает? Вы же сами только с улицы. Небо как там, чистое, в звездах? С утра-то солнце, помните, как светило?

— Это с утра...

«Кажется, доходит»,—насторожился я. Вадим Иванович шагнул к окну. Из нашего номера в гостинице центральная улица Норильска, вся в электрических огнях, видна, как на ладони.

— Вон, все уже в шубах. И провода гудят, слышите?—шеф прислушался. Потом потер запотевшее стекло.—Кажется, даже снежинки.

— Неужели?!—я бросился к окну. И точно, темное небо прочерчивали тихие блестящие.

— Плакал наш мамонт, Вадим Иванович, пла-

кал. Такой случай! Э-эх!—не выдержал и я, выдавая себя с головой, с досадою махнул рукой.

— Да-а, теперь вижу: на трубку вам наплевать.—Драгунов с сожалением, даже враждебно, уставился в меня своими черными холодными глазами.

— Зачем же так сразу... наплевать! Трубка—тоже интересно. Но мамонт...

— Александр свет Георгиевич! Мамонт для вас, журналиста,—это прежде всего, конечно, сенсация. Знаю я вашего брата. Мастера напускать туман... Боже мой, чего только не услышишь! А-а, это который... каждый бивень по тонне, за каждый килограмм—по сто тысяч рублей. Как же... где это было?.. Ага, в Братске, кажется. Рыли котлован, наткнулись ребята на мамонта. Бедолага застыл в вечной мерзлоте. Свеженький, ну словно только прирезали! И прямо в столовую. Представляете, сто тысяч котлет! Потом разоблачили... Да нет, не мамонта. Зава столовой. Всю прибыль присвоил себе, сукин сын!—Прищурившись, Вадим посмотрел на меня из-под очков.—А по радио... слышали? Откопали его, а во рту—травка. Развели вокруг костры. Оттаял, отогрелся. И встал. «Спасибо,—говорит,—никак отошел. А из каменного века, от всей нашей братии вам привет». И давай жрать траву. Съел! Ей-богу, съел. Вот вам, Александр Георгиевич, обывательская сказочка о мамонте. Тем он и знаменит. А спросите о вулканической трубке. Многие ли о ней слышали? Ну, вот хоть вы. Что вы знаете о ней?

— Ну-у... кажется, жерло вулкана, а в нем...

— А в нем много, много всего. Для Хлестакова неплохо. Но для интеллигента, для вас...—На тонком лице Драгунова отразилась крайняя степень сожаления.—Учтите, денег на лимитной книжке у нас лишь четыреста рублей—на один рейс.

Про себя я тотчас опрокинул этот довод: «Рейс может заказать и Маслов. И Матухин может. Они сами говорили, что у них еще не вышли в банке счета».

— Знаете, как еще могло получиться? — казалось, желая разубедить самого себя, начал вдруг Вадим. — Летчики шли на большой высоте, очень быстро. Могли и ошибиться. Приняли за мамонта старую лодку, корягу, замшелый валун.

«Тем более необходимо все срочно проверить. Москва, академия далеко. А здесь, в Норильске, единственные ученые-естествоиспытатели — это геологи, это вы!»

— Знать бы точно. А так я не могу рисковать, — Драгунов заходил по комнате туда-сюда. — Вот стукнет сегодня ночью зима — прощай тогда, вулканическая трубка! Вы, сэр, не представляете, какая это будет потеря для геологов.

Шеф еще что-то взвешивал, решал, когда в дверь постучали.

— Войдите. — Вадим Иванович обрадовался, узнав гостя. — Георгий Дмитриевич!

Проходите, проходите... Скажите, Георгий Дмитриевич, могли бы мы сейчас же связаться с летчиками? Ну, этими, что нашли мамонта? Подтвердят ли они с уверенностью, убежденно, что видели именно его?

Маслов спокойно высматривал, куда положить шляпу, пальто.

— Если подтвердят, — продолжал Драгунов, — пожалуй, целесообразнее все-таки лететь сначала к мамонту. Тогда хоть не будет обидно. А трубка... Что ж, на худой конец... на будущий год.

Сложный все-таки человек этот начальник

Хантайского геологического отряда Вадим Иванович Драгунов. Пожертвовать, даже просто рискнуть своим успехом ради чужих научных изысканий, решений, побед! Нет, я в глубине души не верил, что он на это пойдет. И вдруг... Сколько раз говорил я себе: не делай скоропалительных заключений о людях. Два месяца уже, как работаем вместе. Уж сколько болот, рек, порогов прошли с ним в тайге. Сколько соли съели. А я многое еще в нем не понял.

Повесив шляпу, пальто, Маслов скромно, почти робко встал в уголке.

— Проходите, не стойте... — предложил я.

Поглаживая по обыкновению лысинку, гость вдруг сказал:

— Подтверждать-то летчики подтверждают... — виновато улыбнулся, опустив припухшие глаза. Помолчал. — А знаете, завтра летим на трубку. В восемь утра. Вертолет будет ждать в Надежде.

Вадим Иванович оторопел: столько терзаться, мучительно решать, и вдруг на: все уже решено. И без него!

— Моторесурс, — развел Георгий Дмитриевич руками. — До мамонта километров триста, а у вертолета ресурса — только на пятьдесят.

— Так ведь случай какой! — взмолился я.

— И на трубку отказывались лететь. Не хватает моторесурса. Вернее, туда хватает, а на обратный путь нет. Едва уговорил.

На лице Вадима Ивановича, всегда умело скрывающем за непроницаемой маской сложный,

пожалуй, даже витиеватый внутренний мир, сейчас откровенно отражались все его чувства. Прошла растерянность, ее снова сменило сосредоточенное раздумье, наконец, наступил полный покой: вот, мол, все и решилось. Изучим трубку, соберем ценнейший материал. Значит, уже в этом году покончим с проблемой.

Во мне же подымалось раздражение: «Черт возьми, уплывает из рук такой шанс!.. А наука! Мамонты — настоящие, не на кончике обывательского языка, а реальные, осязаемые, ведь они встречаются не часто. Неужели вам наплевать?!»

— Все-таки как у них строго, — удивленно, даже с восхищением произнес Георгий Дмитриевич. Уютно устроившись в кресле, достал пачку папирос. — Говорил с командиром отряда, звонил в Игарку. И просил, и требовал, и угрожал. Нет — и точка! Моторесурс! — Закурив, он пустил первые клубы дыма. — Но завтра, после обеда, все-таки прилёт свеженький вертолет из Игарки. Специально, чтоб слетать к мамонту.

— Так значит?... — не выдержал я.

Маслов спокойно покрутил в воздухе спичкой, потушил ее, оставляя сизые замысловатые витки. Не отвечая мне, обратился к Драгунову:

— Как, полдня вам достаточно будет на трубку? К обеду должны вернуться в Надежду. Машину из Игарки подадут туда.

На следующий день, отправляясь с шефом, я испытывал праздничное чувство. Еще бы, сразу столько открытий: вулканическая трубка, мамонт...

Командир вертолета, как эскимос, весь в меху, Маслов, закутанный в шарф, молодые новосибирские геологи Валентина и Ростислав Матухины уже закончили изучать карту. Мы с шефом только подходили к вертолету, а командир уже махал рукой:

— Скорее! Надо лететь. Погода того и гляди испортится.

Ростислав с высоты своего тополиного роста поклонился мне, как всегда, ровно, со спокойным достоинством. Даже сейчас, в суматохе спешного вылета, я невольно отметил строгую красоту его по-юному свежего, голубоглазого лица. Атлетическое сложение, не по возрасту мужественная холодность и при этом простота наводили на мысль: «Вот так и должен выглядеть молодой, знающий себе цену, не кичливый ученый».

Его жена весело кивнула.

Из всех присутствующих я один по штату числился рабочим. И, не ожидая приказа, стал закидывать в кабину вертолета ящики, мешки, молотки. На помощь поспешил Слава.

Всю дорогу, несмотря на оглушительный рев мотора, Вадим Иванович покорял молодую чету красноречием, преданностью геологии, эрудицией. Матухины внимали — Слава глубокомысленно, а Валя напряженно и доверчиво. Я не слышал почти ничего: сидя у рубки, наблюдал за работой экипажа.

— Командир спрашивает, не здесь ли? — закричал я, поворачиваясь к Маслову.

С высоты птичьего полета тундра с близнецами-холмами, с зеркалами-озерами, островочками мха однообразна, как стена с трафаретным узором. Маслов не отходил от иллюминатора. Наконец он подал знак:

— Приземляйся!

Земля встретила нас таким ветром, что парусом вздувалась одежда. Тревожно поглядывая на небо, летчики ставили машину на якоря.

— Худо дело. Кто у вас здесь начальник? —

выпрямился над вбитой глубоко в землю «занозой» командир.—Как бы не пришлось по тревоге сниматься. Не отдаляйтесь очень. И заканчивайте побыстрей.

— Готовы? — Маслов озабоченно осмотрел всех. Тоже взял часть ноши — порожние мешки под образцы.—Вот взберемся на гребень — и трубка. Увидим и Ергалах...

Но за гребнем, на северном склоне горы, нас обдал ледяной вихрь. Фиолетовые, почти черные тучи рвались на клочья, налетая на соседние холмы. Мгла окутала и нас. На стланике иней, в низине, по кромке ржавых болот,—ледяной припай.

— Туфы! Смотрите, Александр Георгиевич, туфы! — заслоняясь воротником от ветра, закричал Драгунов.

— Да, уже трубка. Превратившийся в землю вулканический пепел,—подтвердил Маслов.

Все склонились, стали щупать землю, растирать пальцами сухие комки. Как выполотая, без единой былинки, мертвая, заиндевевшая от стужи земля хрустывала под кирзовыми сапогами. Я остановился, взирая на мрачный пейзаж. На вулкан, пусть даже уснувший, я вступал первый раз. По черному ковру, раскинувшемуся на сотни метров, словно какой-то великан рассыпал тысячи бусинок. Каменные глыбы с тыкву величиной, осколки, подобные гравию... Красные, белые, зеленые, пламенеющие, как золото, сверкающие серебром.

— Как с неба свалились...

— Из недр земли,—поправил меня Вадим Иванович.

— Километров с десяти, пятнадцати. Во, с какой глубины! — уточнил Маслов. Теперь геологи принялись за камни. Ростислав, выбрав черный обломок, изо всех сил колотил его молотком. Валя подбирала и рассматривала осколки. Вадим

Иванович бегло осматривал каждый валун. Один Маслов ничего не делал. Он уже бывал здесь не раз. И, как щедрый хозяин, дарил все: «Берите, это ваше».

— Что им нужно? Объясните,—попросил я его.

— Пробурить такую скважину... на пятнадцать тысяч метров... Миллионы рублей! Да и восемь километров — пока предел. А тут сама природа... Ведь все жерло вулкана начинено пеплом, остывшей лавой. А в них, как зерна, эти камни — гнейсы, сланцы, кварциты, гранит... И все — из самых недр! Мы словно заглядываем в глубь земли, раскрываем ее тайны.

Работать на ледяном ветре было тяжело. Мы поминутно дули на пальцы, совали руки за пазуху, растирали лицо.

Неожиданно, словно где-то поставили заставку, утих ветер. А вскоре повалил и снег.

— Кончай! Скорее к машине! — встревоженной птицей замахал руками на гребне пилот.—Скорей!

Засуетились геологи, заполняя последние мешки. Дружно перетаскивали добычу к вертолету.

Когда отрывались от земли, снег уж валил стеной.

— Да, срывается, кажется, мамонт,—зябко поеживаясь, грустно заметил Маслов.

— Как сядем? Не видно ж ничего!

— Это что!.. С Таймыра идет буран,—сообщил радист.

А снег все валил и валил. И всему подводил черту — экспедиции, мучениям, радостям, интересным встречам. О мамонте же лучше и не вспоминать. Он опять укладывался спать. Укрываясь на зиму белым пуховым одеялом, где-то на Таймыре уходил под снег удивительный зверь, так и не успев рассказать о себе людям ничего нового. До весны.

ДИКОВИНЫ ХИМИИ

НЕФТЬ СТАНОВИТСЯ БЕНЗИНОМ

Бензин, лигроин и другие нефтепродукты изготавливают на специальных заводах. Нефть нагревается до 450—800 градусов, да под давлением, да в присутствии катализатора. Долгий и сложный процесс. А в недалеком будущем он будет выглядеть так.

Представьте себе стальную трубу, в которую с одного конца непрерывно втекает нефть или темный, вязкий мазут, а с другого конца льется... легкий, светлый бензин. Кроме того, выходят газы — ценное сырье для химических заводов. Это сказочное превращение без всякого нагрева и давления происходит оттого, что труба окружена снаружи мощным гамма-излучателем. Гамма-лучи расщепляют (как нож лучину) молекулы углеводородов нефти на молекулы-осколки разных калибров.

100 ЛЕТ ЗА ОДНИМ СТАНКОМ

Замена старых станков и оборудования всегда вызывала у визовцев радость. Так было и на этот раз, когда в механическом цехе появились новенькие, еще блестящие смазкой долбежные машины-полуавтоматы. И только один Николай Алексеев, казалось, не разделял общих восторгов. Надвинув на лоб кепку, сжав губы, он хмуро смотрел, как рабочие опутывали тросами старый станок. Зарычал мотор подъемного крана, и давно отслуживший свой век работяга закачался в воздухе. Алексеев отвернулся и смахнул с глаз непрошенную слезу...

Необычна и удивительна роль этого станка-ветерана в судьбе семьи Алексеевых. С ним связан весь их рабочий род.

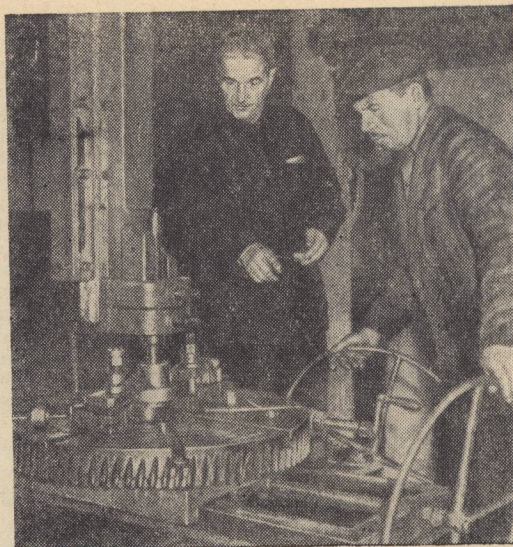
Еще в середине прошлого века в механический цех Верх-Исетского завода пришел дед Алексеевых. Звали его Иван Николаевич. Через несколько лет способного и любознательного рабочего поставили за единственный на заводе долбежный станок. В 60-х годах Иван Николаевич привел к станку своего сына Васю и сказал:

— Учись! Будешь моим наследником.

И Вася учился. Учился и рос у станка. Потом он стал сменщиком отца: тот работал днем, а Вася — ночью.

Заводские гудки в 6 часов утра и в 6 часов вечера извещали о сменах. По этим гудкам по 12 часов в сутки десятки лет работал на долбежном станке Василий Иванович.

В начале XX века один за другим пришли в механический цех сыновья Василия Ивановича. Сначала старший, Александр, потом Петр и Вла-

димир. И все становились за дедовский станок. Только четвертого, самого младшего, Николая, не довелось отцу повидать за станком: он поступил на завод, когда Василий Иванович уже умер.

Ровно сорок шесть лет проработал на дедовском станке Петр Васильевич Алексеев. В его трудовой книжке значится: поступил на завод в 1910, уволен в связи с переходом на пенсию в 1956.

Многих молодых рабочих обучил Петр Васильевич искусству долбежного дела. Ему же пришлось учить и своего преемника, младшего брата Николая.

— Теперь, — говорит Николай Васильевич, — я работаю на современном станке. Он, конечно, не чета прежнему. Ставь детали, нажимай кнопки и следи. И производительность очень высокая.

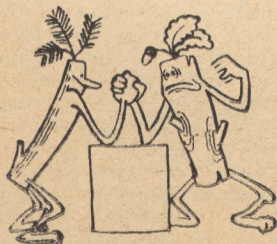
С. СЕНОКОСОВ

ДИКОВИНЫ ХИМИИ

ИЗ СОСНЫ — ДУБ

Чтобы делать хорошую мебель, нужны твердые породы древесины. Но их мало и они дороги. А нельзя ли сосну, клен превратить в бук или дуб!

Оказывается, можно. Древесина пропитывается жидким мономером (исходное вещество для получения полимеров), а затем облучается гамма- или бета-лучами. Ее внешний вид не изменяется, зато твердость увеличивается в три раза, упругость — вдвое, в четыре раза уменьшается способность поглощать влагу.

У первых призеров

В 1959 году, когда журнал учредил переходящий приз «Уральского следопыта», первым получил его небольшой отряд 77-й школы Свердловска. Ребята-уралмашевцы нашли новые ценные документы о пребывании Якова Михайловича Свердлова на Урале, начали писать историю Уральского добровольческого танкового корпуса, были в походе по

местам боев 28-й стрелковой дивизии, освобождавшей в годы гражданской войны Екатеринбург (Свердловск).

С тех пор прошло пять лет. Следопытский отряд одного класса перерос в большой школьный клуб. Он так и называется: «Следопыт».

В клубе двадцать отрядов. У каждого свой план, свое дело. Младшие пишут историю улиц, изучают исторические места и памятники природы. Старшие — частые гости на Уралмаше, Турбомоторном заводе. Они встречаются со знатными людьми, Героями Советского Союза и гражданской войны. Записывают их рассказы.

Из этого постепенно складывается летопись предприятий, комсомольской организации Орджоникидзевского района.

Много интересных дел за плечами следопытов из 77-й. Если кто-то побывает в Музее боевой славы Урала, то найдет там стенды, альбомы, интересные документы об Уральском добровольческом танковом корпусе. Все это собрали ребята из клуба «Следопыт». Они разыскали двух командиров танкового корпуса — Георгия Семеновича Родина в Орле и Евтифея Емельяновича Белова в Киеве, записывали рассказы других участников боев. Результат — история боевых дел уральцев во время Великой Отечественной войны.

Гордость уралмашевцев — школьный музей, лучший в городе. Гости из других городов страны — Хабаровска, Ижевска, Уфы — приезжают сюда, чтобы познакомиться с работой ребят, увидеть редкие экспонаты, коллекции минералов, монет, медалей и значков.

У следопытов обширная переписка: в 150 адресов высылают они бандероли. Хабаровск, Ленинград, Уфа, Казань, Киев, Смоленск, Великие Луки, Орел, Новосибирск — в каждом из этих городов можно найти подарки уральских следопытов: минералы, виды Свердловска, фотографии и рассказы о легендарном разведчике Николае Кузнецове, о родном Уралмаше.

«Дорогие друзья! — пишут в ответ учащиеся школы № 44 из Ульяновска. — Получили ваши минералы. Они стали основой музея. Около них мы написали: «Подарок уральцев». Музей будем расширять. Хотим его сделать таким же, как ваш. Надеемся на вашу помощь. Мы же обещаем найти и прислать вам аммонит в несколько пудов весом».

Но больше всего обрадовало следопытов обещание ульяновских школьников прислать материалы о детстве Владимира Ильича Ленина.

Создать ленинский зал в своем музее — мечта клуба «Следопыт». Именно поэтому сейчас ведется большая переписка с ребятами не только из Ульяновска, но и из Казани, Ленинграда. А одна из групп собирается летом в поход по ленинским местам.

Уралмашевцы из 77-й надеются представить к III Уральскому такие материалы, чтобы стать не только участниками слета, но и вновь увезти приз.

Е. К.

В школьном музее

К аждый, кто приезжает в Чумай (Кемеровская область), останавливается возле памятника борцам за Советскую власть. Он воздвигнут по инициативе следопытов и их учителя Никифора Демидовича Барабаша в день 40-летия Великого Октября. На плите — 19 имен. Долгое время они не были известны. Никифору Демидовичу и ребятам пришлось немало порыться в архивах, музеях. Теперь каждый год чумайцы отмечают день, который не выделен ни в одном календаре, не внесен ни в один хронологический справочник, — День памяти земляков, борцов за революцию.

Шесть лет назад в Чумайской средней школе появился музей. Из окрестных деревень приносили сюда редкие вещи, старые денежные знаки, исторические документы, оружие гражданской войны, предметы быта. Все экспонаты собраны в шести отделах — историческом, археологическом, краеведения, детского творчества, нумизматическом, обществоведения. Ведает каждым отделом ученик школы. Здесь проводятся уроки естествознания, географии, истории.

Много в музее интересных экспонатов. Вот письмо-грамота, дающая право крепостному крестьянину на женитьбу.

«1839 года, сентября 22 дня. Дана сия из Кочемировского Его Превосходительства Сергея Николаевича Муханова вотчинной конторы подведомственному оной крестьянину села Кочемирова Семену Миронову о том, что он, Мирон, имеет намерение вступить в законное супружество по добровольному согласию деревни Сумерок с девицею Василисою Егоровной, в чем им сей конторы

объявлено и потому для свершения сего брака ему, Миронову, и дозволено»...

Письмо заверено личной печатью помещика. Привезли его в Сибирь, по-видимому, крестьяне-переселенцы.

Сейчас, наверное, найдется немало экземпляров письма Л. Н. Толстого к царю Николаю II. На лицевой стороне его написано:

«Письмо Л. Н. Толстого к бывшему царю Николаю II. Письмо это нигде не издано и было под строжайшим запретом в России». Датировано 16 января 1902 года. Впервые напечатано оно в боль-

шевистской типографии, когда у власти стояло Временное правительство.

Лев Николаевич Толстой пишет о стонущей под пятой самодержавия России, о рабочих волнениях, об оскудении казны и голоде.

Большую часть экспонатов музея добывают сами ребята. Недавно Люда Хорошилова принесла свидетельство о явке к исполнению воинской повинности ее прадеда А. Т. Матренина — от 1885 года. Заверено оно сибирским писателем Н. И. Наумовым, который в то время служил губернским инспектором по крестьянским вопросам и жил в Маринске.

Тракторист Чумайского совхоза Николай Кананыхин передал следопытам бронзовый жетон, на котором вычеканено: «За Севастополь 1854-55 гг.» Это значит, что кто-то из чумайцев участвовал в легендарной обороне города во время Крымской войны.

Вот белая ракушка. Такие ракушки-деньги имели хождение на Руси в 16—17 веках.

В отделе археологии — ножи,

клевцы, шило, горшки, чаши. Преподаватель Кемеровского пединститута А. И. Мартынов определил, что некоторым из них две тысячи лет.

Слава о музее Чумайской школы разнеслась далеко за пределы Кузбасса. В книге регистрации посетителей есть записи экскурсантов из Чебулы, Междуреченска, Ленинска-Кузнецкого, из Красноярского и Алтайского краев.

В Чумае, возле Дома культуры, зеленеют ветви молодых тополей. Их посадили следопыты. А в этом году решено здесь разбить большой сквер: каждый житель посадит по одному деревцу. Вот и получится настоящий следопытский гектар!

А. СТОЛПОВСКИХ

Подвиг Ивана Кислухина

В литовском городе Кудиркос-Науместис недавно появился обелиск. На черном мраморе — золотая звезда и надпись: «Герой Советского Союза лейтенант Кислухин Иван Георгиевич. 1919—20.8.1944».

Установлен обелиск по ходатайству следопытов вильнюсской школы № 27. Это они собирают материалы о подвигах Героев Со-

ветского Союза, освобождавших от фашистов Литву. Среди героев оказался и уралец.

И вот в город Верещагино Пермской области пришло письмо. В нем ребята рассказали, как батарея Кислухина вела бой с врагом. На советские пушки шли тридцать пять фашистских танков и пехота. Артиллеристы удерживали рубеж на выходе к государственной границе. Все кругом было в дыму и огне. Иван Кислухин, чтобы лучше корректировать огонь, взобрался на дерево и оттуда командовал боем. Батарея удержала позицию, и на следующий день наши войска начали наступление уже по вражеской земле. Иван Кислухин погиб.

«Мы мало знаем, кем был Иван Георгиевич до войны, — писали следопыты из Вильнюса. — Расскажите нам о человеке, который отдал жизнь за счастье нашего края».

В Верещагино не слышали о подвиге Кислухина. Родных его в городе не осталось. И тогда за дело взялись восьмиклассники школы № 2. Они побывали в доме, где жил Кислухин, в архиве, военкомате, ЗАГСе, нашли его друзей. Оформили у себя в школе альбом о герое-земляке, выслали материалы в Литву. Стали ходатайствовать об увековечении его памяти.

Недавно исполнительный комитет Верещагинского городского Совета депутатов трудящихся постановил назвать одну из улиц города именем Героя Советского Союза Ивана Кислухина.

После письма вильнюсских следопытов в Верещагино был организован штаб по созданию летописи боевой славы уральцев. Уже собран материал о четырнадцати Героях Советского Союза (жителях Верещагинского района), о кавалерах ордена Славы. Летом ребята пойдут в походы в те места, где выросли герои. Они будут рассказывать о боевых подвигах земляков и собирать новые материалы, фотографии для летописи.

Ю. ОСТАНИН,
начальник штаба

КЛАД КОМИССАРА

Повесть-поиск

Леонид БОЛЬШАКОВ

Глава первая

1.

«В чердачном помещении старинного здания по улице Советской обнаружен клад. Находка, представляющая исключительную ценность, пере...»

Стало обычным, что каждая такая заметка заканчивается одинаково: «находка передана в Государственный банк».

Передана... А как же иначе?

Но эта... эта никуда передана не была.

Клад, найденный на чердаке, остался в руках тех, кто его обнаружил.

Обнаружил, собственно, один: Синельников. Обычно уравновешенный, спокойный, он от удивления ахнул.

Да если такое, как взятое наугад сверху, идет до самого дна... Да если в каждой картонной коробке содержимое то же, что в этих, первых!..

Поистине изумительный клад!

Оба ящика, наконец, благополучно водворены на место. Все вроде бы в порядке. Но почему не утихает волнение? Трудное-то позади... Позади?

2.

Вперед!

Будь это «обыкновенный» клад — серебряный, золотой, бриллиантовый — за ним бы уже мчались инкассаторы Госбанка, а час-другой спустя точнейшие приборы определили вес, пробу, караты...

Этот, найденный Синельниковым, к таким не относился. Цену его не могли бы определить даже банковские специалисты по драгоценностям. То, что извлекалось из ящиков, не требовало особо точных измерительных приборов, зато нуждалось в разгадке.

Это были старые негативы.

Их тут сотни. Откуда они? Кем собраны и спрятаны?

В ящике нашлась записка, но в ней только перечень из семи названий — содержимое одной

коробки. Да надпись сверху: «Опись негативов, изъятых у фотографа Лапина».

Коробочка, между прочим, завернута в местную газету двадцать восьмого года... Значит, дело было не в каком-нибудь городе, а в нашем и уж никак не раньше (да и не намного позже) того года. И потом — подпись... Не то «Зам...», не то «Зак...»

Остается сказать, что здание, где были найдены негативы, — это краеведческий музей в Оренбурге, Синельников — сотрудник музея, а клад — 1147 негативов, 1147 загадок.

Глава вторая

1.

Как-то я позвонил в музей. Позвонил, не особенно рассчитывая на удачу.

— Я изучаю жизнь Тараса Шевченко в ту зиму, которую он провел в Оренбурге. Это зима 1849—1850 годов. Хочется побольше узнать об окружении ссыльного поэта, его интересах... Ведь даже в тот трудный, неимоверно тяжелый для него период интересы Шевченко оставались необычайно широкими и разнообразными. Несмотря на строжайший запрет, он продолжал писать и рисовать. С огромным вниманием следил за творчеством Лермонтова и Гоголя. Думал о развитии скульптуры, которой чуть позднее с увлечением стал заниматься. Участвовал в философских спорах кружка польских ссыльных. Проявлял живое любопытство к фотографии...

— К фотографии? — прервал меня на другом конце провода Синельников.

— К фотографии, — подтвердил я. — А что?.. — И продолжал: — К 1849 году изобретение французского художника Даггера в Оренбурге уже знали. И не понаслышке! Со своим аппаратом здесь побывал замечательный русский фотограф Григорий Силич Карелин. Позже фотографией стали заниматься в губернской канцелярии и в Петербург иногда отправляли не просто отчеты, а и иллюстрирующие их снимки.

Наконец появился в городе первый фото-

граф-любитель. Им стал поляк Цейзик, владелец «вольной аптеки». Частый гость в его доме, Шевченко не мог не проникнуться заботами доброго своего приятеля. Для Цейзика он явился первым ценителем и советчиком. Не одна фотография, сделанная другом, совершила с гонимым, преследуемым поэтом далекий и трудный путь в экспедиции к берегам Каспия. Портреты оренбургских друзей, как писал он с Мангышлака, часто служили для него единственным утешением в одиночестве, в беде...

2.

Все это я рассказал по телефону, прежде чем задать свой вопрос:

— А не сохранилось ли в фондах музея снимков середины прошлого века?

Сами понимаете, мне очень хотелось, чтобы ответ был утвердительным. Но надежды было совсем мало.

И вдруг...

— Приходите. Мы тут как раз негативы отыскали. Конечно, старые. Может, на ваше счастье, и те самые найдутся.

Через полчаса, я уже переступил порог маленькой комнатки на третьем этаже музея. Нужно ли говорить, как зажглись глаза, когда передо мною оказались 1147 негативов — 1147 загадок, и что почувствовал-перечувствовал я, взяв в руки коробку с полустертой пометкой: «1853».

Фотографии 1853 года! О таком необыкновенном совпадении можно было только мечтать!

А Синельников смотрел, чуть прищурив глаз, и улыбался.

Глава третья

1.

О чем думают эти солдаты?

Тот что стоит на часах, поддерживая одной рукой винтовку, а другой поглаживая ус?..

И тот, что устало опустился у палатки и невидяще смотрит в серую землю?..

Я рассматриваю негатив из коробки с датой «1853». От изображения, на нем запечатленного, трудно оторваться.

Просто фотография? Не верится. Так и кажется — рисунок, выполненный уверенной рукой мастера.

Ну конечно же, это — фоторепродукция рисунка! Вот и подпись: «Рядовые Оренбургского линейного № 4 батальона».

Кем сделана эта подпись? Вероятнее всего, самим художником.

А кто художник?

...Вместо ответа на прежний — вопрос новый.

2.

Рисунков, точнее, репродукций с них, в этой коробке много.

Вглядываешься, сопоставляешь, соединяешь воедино — и словно оживает страница истории. Та страница, которая называется походом на Ак-Мечеть...

Поход этот, осуществленный в 1853-м, стал одним из важных этапов воссоединения Средней Азии с Россией. Подготовка к нему протекала в полной тайне и заняла чуть ли не год. Не один месяц шло подтягивание боевых сил к исходным рубежам...

3.

Как-то давно, знакомясь с «Оренбургским листком» в комплекте 1903 года, я прочел статью историка-краеведа М. Л. Юдина «Поход под Ак-Мечеть». Сейчас, рассматривая отпечатки, сделанные со старых негативов, я вдруг подумал, что сцены, запечатленные здесь, мне знакомы по юдинским описаниям.

Но если Юдин пользовался документами из архива, воспоминаниями современников и участников событий, то художник был там сам.

Он видел это своими глазами. Он не иллюстрировал прочитанное, не воспроизводил слышанное — рисовал с натуры.

С натуры зарисована полукруглая стена незадолго перед тем заложенного укрепления среди сыпучих песков, на тощей протоке Казала. (Есть ли такой рисунок в музее сегодняшнего Казалинска — крупного города Казахстана? Это — его начало, его рождение).

«Для перевозки воинских тяжестей требовались громадные перевозочные средства — верблюды, воловьи и конские подводы...». — Так пи-

Рядовые Оренбургского 4-го батальона. Рисунок А. Гороновича.

Аральское укрепление. Рисунок Б. Залеского.

сал Юдин. Каждый из нас может представить себе это по-своему: простора для фантазии сколько угодно.

А тут уже не фантазия. Сколько видит глаз — навьюченные верблюды, горы и горки тюков, арбы с тяжелой поклажей. Не окинуть взглядом, не счесть...

Устали возницы казахи, притомились даже привыкшие ко всему верблюды — «корабли пустыни». Дневка перед новым утомительным переходом, новыми верстами по степному безбрежью...

Аральскому укреплению посвящено особенно много рисунков. Зарисовки сухопутные, зарисовки морские...

Есть рисунки, сделанные во время решающего перехода — двухнедельного пути от берегов Арала к стенам Ак-Мечети.

Есть — выполненные в дни осады крепости.

Вот этот: «Кустарники на левом берегу Сыр-Дарьи». Так назвал его художник. А по дате... по дате мы можем судить, что сделан он в день, когда первый эшелон русских войск подошел к крепости, когда началась ее осада.

Мы видим только спину солдата. Солдата-артиллериста: рядом замаскированный орудийный лафет, среди кустов (тоже спрятанные от постороннего глаза) ящики с боевыми припасами. Взгляд устремлен вдаль, за реку. Там — неприятель.

О самом бое рисунки не рассказывают ничего.

Разве лишь этот. На нем — стена Ак-Мечети, взорванная при штурме. Через пролом виден знакомый контур судна «Перовский», который подошел прямо к

крепости. Только что, вероятно, закончилась последняя атака. Победа!

Да, нелегко она далась. Нелегко...

4.

Я рассматриваю негативы, отпечатки с них и думаю о рисунках — их истории, их судьбе, их авторе.

Хотя почему — авторе? Рисовал не один. Не один почерк, не одна рука. Совершенно определенно, что здесь два, а может, и три художника.

Кто они?

Уж не Шевченко ли?..

Разглядывая первые негативы, я старался (уверен, что вы меня поймете), старался увидеть Шевченко.

Да нет же, не только старался. Видел! Видел его,

Шевченко, взгляд, его манеру!

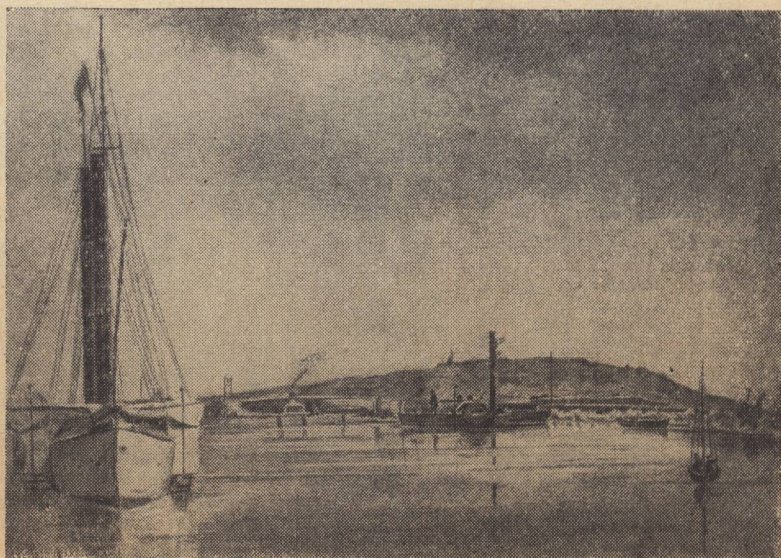
Видел, хотя и знал: в 1853 году рисовать он это не мог. Далеко от Аральского моря, от Сыр-Дарьи, от Ак-Мечети до Новопетровского укрепления на Каспии. А именно там находился в то время великий поэт и художник. Нет, делать зарисовки похода Шевченко возможности не имел.

Но почему так схожи рисунки, выполненные им в Аральской экспедиции 1848—1849 годов, и эти... многие из этих, что на старых негативах? Отчего кажется, будто одна рука держала карандаш?

5.

Удалось установить, кто из художников участвовал в походе на Ак-Мечеть. Ими оказались Андрей Горонович и Бронислав Залеский,

Пристань в Аральском укреплении. Рисунок Б. Залеского.

ссылный поляк, друг Шевченко...

Дружба этих людей началась в ноябре 1849 года, когда Аральская экспедиция А. И. Бутакова, в которой Тарас Григорьевич участвовал в качестве художника, возвратилась в Оренбург. Просьбы Бутакова оказались достаточно, чтобы начальник корпуса Обручев прикомандировал рядового Залеского в помощь Шевченко «для отделки гидрографических видов», как «умеющего рисовать».

Склонность к рисованию в Залеском проявилась давно. Но возможности развить свой дар он не имел. С юных лет Бронислав с головой ушел в революционную работу, и начались для него этапы, тюрьмы, ссылки.

Шевченко стал для Залеского первым настоящим учителем изобразительного искусства, а их совместный труд — первой школой профессионального мастерства.

Новый помощник оказался старательным и способным учеником. От копирования шевченковских произведений он все смелее переходил к самостоятельному творчеству.

Самостоятельному, хотя и в той же манере. Не случайно автопортрет, выполненный им в начале пятидесятого года, чуть ли не до наших дней считался работой Тараса Григорьевича Шевченко.

Учение продолжалось в горах Кара-Тау. Шевченко прибыл сюда из Новопетровского укрепления, Залеский — из Оренбурга. Сердечной, радостной была их встреча. В то лето, лето тысяча восемьсот пятьдесят первого, Бронислав с глубоким интересом следил за новыми и новыми работами Шевченко. Много их прошло через его руки. Ссылный поэт-художник, находясь в «незамкнутой тюрьме» на берегах Каспия, испытывал постоянную нужду, и добрую услугу оказывал оренбургский приятель, отыскивая среди поклонников искусства покупателей шевченковских произведений.

А в это время один за другим заполнялись альбомы его самого. И день ото дня рисунки становились все более уверенными, все более зрелыми.

«Часы, проведенные с карандашом в руках, были для меня наилучшими в тот период. То были часы вдохновения, забвения жгучей печали...»

Это признание Залеского. Так писал он много лет спустя.

Дружба с Шевченко, учение у Шевченко — вот что принесло ему вдохновение.

...Первооснова необыкновенного сходства — здесь!

6.

Выходит Залеский?

— Залеский! Большинство работ — его!

Георгий Николаевич Чобров, доцент Среднеазиатского университета, — большой знаток изобразительного искусства Средней Азии, творче-

Уральские казаки. Рисунок Б. Залеского.

ства художников, так или иначе связанных с его родным краем.

Его ответ из Ташкента был обстоятельным, аргументированным. Мои предположения он подтвердил, а кроме...

Кроме того, я узнал, что у того же Юдина имеется книга «Взятие Ак-Мечети в 1853 году как начало завоевания Кокандского ханства». Книга эта вышла за несколько лет до Октябрьской революции, содержит в себе много интересных фактов и... «Там, — писал Чобров, — есть много репродукций с рисунков Гороневича и Залеского, среди которых (я в этом не сомневаюсь) найдутся и рисунки, запечатленные на фото».

В небольшой книжке, присланной вскоре из столичной библиотеки, рисунки занимали несколько листов-вклеек. Но особенно обрадовали знакомые мне по негативам. Таких было пять или шесть: «Пароход «Перовский» и уральские казаки на берегу», «Кустарники на левом берегу Сыр-Дарьи» и некоторые другие.

Некоторые...

Большинство рисунков Залеского, выполненных во время акмечетского похода, ни в его альбомах, ни в других изданиях света не увидело.

Этому была своя причина.

7.

А заключалась она в том...

Однако, раньше я расскажу еще об одном письме — из Киевского музея Тараса Шевченко.

Заместитель директора по научной части Глафира Петровна Паламарчук удлинила список авторов, причислив к нему и Алексея Чернышева. Правда, в Ак-Мечеть он прибыл уже после победы, но ряд рисунков оставил.

Но главное оказалось впереди.

«Оригиналы хранятся у нас», — прочел я о рисунках Бронислава Залеского.

В Киеве? Вот так сюрприз!

Круг загадок расширился еще более. Каким образом репродукции оказались на чердаке оренбургского музея, в то время как подлинники находятся в фондах музея киевского?

Впрочем, одна из загадок — загадка авторства рисунков — была уже решена.

Теперь предстояло решить остальные.

Причина того, что рисунки Залеского и других остались малоизвестными, заключалась... в Перовском Оренбургском генерал-губернаторе, организаторе и главном начальнике похода на Ак-Мечеть.

Он слыл меценатом. И поэтому уделял час-другой театру, приближал попавшего не по своей воле в Оренбург поэта, брал в поход тоскую-щего по кисти художника.

Делалось это не без дальнего прицела. Театр напоминал о просвещенности правителя. Благодарный поэт мог воспеть покровителя. Художник — запечатлеть его победы.

Он ронял милостивый комплимент актрисе, благосклонно улыбался сочинителю, хвалил живописца, но... относился к ним, как барин к холопам, считая собственностью своей и их жизнь, и их труд.

Ружена Собанская, друг Бронислава Залеского, в каждом письме спрашивала о его творческих делах. Горячо, настойчиво убеждала она Залеского взяться за перо, чтобы поведать о быте, обычаях казахов, о жизни ссыльных земляков, о местах, куда забросил царский гнев свободолюбивых поляков. Со временем все боль-

шее место в письмах занимают его рисунки. Собанская ратует за создание альбома степных пейзажей. Она уверена: такой альбом вызовет интерес в Польше.

Убедить друга удалось. Случилось это к концу того памятного, пятьдесят третьего. Тогда же Залеский создал первые листы. Это виды степи, виды мест, где довелось побывать. В основу их легли сохранившиеся путевые зарисовки.

Зарисовок похода на Ак-Мечеть у художника не оказалось. С глухим сожалением он сообщает, точнее намекает, Ружене, что описывать военную экспедицию не имеет права, а наброски, сделанные во время ее, автору больше не принадлежат...

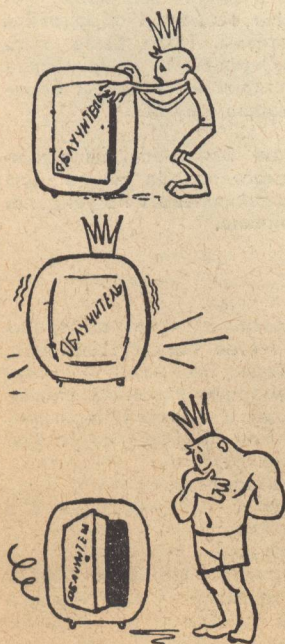
Принадлежали они Перовскому. Могущественный генерал считал работу «своего» солдата полной и безраздельной личной собственностью.

И отнюдь не из угрызений совести перед рядовым-художником, к тому же опальным, не из желания запечатлеть его труд, а для утверждения распространения собственной славы полководца-военачальника пошел он на копирование рисунков.

Копирование новым тогда способом — фотографическим,

ДИКОВИНЫ ХИМИИ

У ПОЛИЭТИЛЕНА ВОЗНИКАЕТ ПАМЯТЬ

Э тот универсальный и дешевый материал очень юного возраста, но уже получил признание за то, что сочетает в себе свойства пластмассы, каучука, волокна. Сотни различных предметов для промышленности, сельского хозяйства и быта делаются из полиэтилена. Недаром его называли королем пластмасс.

Но и у королей бывают изъяны. По трубам из обычного полиэтилена рискованно подавать горячую воду: при 70—80 градусах они смягчаются, а около 110 вовсе теряют форму. У полиэтилена мала поверхностная твердость — он легко подвергается царапинам и надрезам.

И вот попробовали короля пластмасс облучить. Произошли поразительные изменения. Температура размягчения поднялась до 250 градусов, усилилась прочность, стойкость к растворителям, способность изолировать ток. В облученном полиэтиленовом стакане стали даже кипятить кислоты.

В чем же секрет? Оказалось, что при облучении цепные молекулы полиэтилена разрываются и вновь «сшиваются» не только вдоль, но и поперек, с обрывками других молекул. Получаются молекулы-сверхгиганты, имеющие вид сложных сетчатых построек. А чем более громоздка молекула, тем физически и химически прочнее материал.

Но это еще не все. У полиэтилена появилась память. Если расплавить, скажем, стакан и отформовать его в блюдец, то на мгновение расплав вновь пытается стать стаканом! Он как бы «вспоминает», чем был раньше... У необлученного полиэтилена «явление памяти» не наблюдается.

Д. ФИНКЕЛЬШТЕЙН,
кандидат химических наук

Перовский не только знал о фотографии, а и живо интересовался всем, что было с нею связано. Об этом, кстати, писал впоследствии сам Залеский. Знал ли он, что рисунки, которые были безжалостно, хотя, вероятно, и не без «любезностей», у него отняты, оказались на стеклянных пластинках и попали в оренбургский губернский музей?

Кто делал репродукции? — Первый фотограф-любитель Цейзик? Чиновник из губернаторской канцелярии? — Теперь уже не узнать.

В быстро пополнявшихся фондах музея губернской архивной комиссии негативы находились на виду. В поисках иллюстраций к своей книжке об акмечетском походе обратился к ним Юдин. Имя художника он не указал — обнаружить его не удалось.

Не удалось, хотя та же комиссия стала обладательницей и части оригиналов.

С дорогими ему набросками — собственными своими работами — Бронислав Залеский более не встретился.

А его учитель Шевченко?..

Нет, он тоже их не видел. Но как символично, что работы великого Тараса и его друга — ученика Залеского, в наши дни соединились под одной крышей — в Государственном Шевченковском музее!

Глава четвертая

1.

Однажды, располагаясь на своем обычном месте, в музее, я обнаружил, кроме «своих» копиров, две другие. И тоже акмечетские!

Но не репродукции. Фотографии....

Оригинальные фотографии!

Синельников заглянул и исчез. Только одно я успел уловить: смешинки в глазах. Экий человек! Огорошил, взбудоражил, а сам — в сторонку. Будто все ни при чем...

Негативов было много. Тридцать, может, сорок. Не все сохранились. Иные пожелтели, лишились эмульсии, имели трещины, а то и представляли собой мозаику осколков.

Они были выполнены в одно время с фоторепродукциями. Давнее, очень давнее время...

Кое-что напоминало виденное на рисунках. Навьюченные верблюды с погонщиками-казахами. Солдат-дозорный в кустарниках на берегу реки. Пейзажи степи — бескрайней и безлюдной... Однако больше было незнакомого.

Где подглядел это фотограф?

Ключ к отгадке дала одна фотография. Та, которая запечатлела старую мечеть, известную мне по рисунку художника-любителя

Р. Поля. Он служил в Орской крепости и оставил нам несколько ее зарисовок, удивительно совпадающих с описаниями Тараса Шевченко.

Да, на снимке та же мечеть...

А коль так, то среди фотографий, что оказались в моем распоряжении, можно отыскать и другие, сделанные в той же крепости или ее окрестностях!

Группа людей на берегу. Не Урала ли?...

Урал!

Да, река Урал — на многих снимках. Значительная часть их сделана именно тут, в районе нынешнего Орска. И следа не осталось от бывлой глухомани. Тем важнее, тем ценнее эти фотографии.

Не один негатив запечатлел быт казахов. Друзья из Алма-Аты, из других городов Казахстана! Для ваших музеев есть новые экспонаты! Этнографы братской республики, вам будет что посмотреть!

На старых снимках нет Аральского моря, Казалинского форта, Ак-Мечети. Может, эти фотодокументы где-то еще, в другом месте?.. И все-таки находке нельзя не порадоваться. Отпечатки с найденных негативов дополняют зарисовки Залеского и других художников, расширяют наше представление и о времени, и о местах событий, и об их участниках.

Участником был и тот, кто подглядел все это объективом своей громоздкой деревянной камеры.

Жаль, но имя этого человека остается пока неизвестным.

А снимки его через столетие воскресают для новой и долгой жизни.

2.

...Не один час и не один день провел я в архиве, отыскивая следы первых оренбургских фотографов.

Казахская семья. Снимок неизвестного фотографа.

Поиски были безуспешными. Безуспешными, но — не бесполезными. Чтобы узнать хоть что-нибудь о старых фотографах, стоило попытаться найти их последозаителей. И вот на столе справка адресного бюро: «Лапин Михаил Михайлович, год рождения 1879, проживает: Гугучинский переулок, 4»... Лапин! Откуда знакома мне эта фамилия? Ах, да, вспомнил: «Опись негативов, изъятых у фотографа Лапина...»
Значит, он жив?
А может, это не он?

3.

— Он самый, Лапин... Михаил Михайлович Лапин... А вы из собеса? Погромче, я недослышу. Из музея?.. Лапиных в городе, должно быть, много... Это в смысле того, что адрес... Не ошиблись? Ну, ежели так, проходите. Прошу.
Сухонький старичок с белой головой предупредительно раскрыл передо мною дверь.
— Чему, позвольте спросить, обязан?
Из густой сетки морщин глаза его глянули на меня со сдержанным любопытством.
Обнадеженный и весьма взволнованный встречей, я заговорил довольно сбивчиво. О негативах, о снимках, о фотографах...
— Э, опоздали! — махнул рукой хозяин. (А у меня екнуло сердце. Опоздал? Почему? В чем?). — Опоздали, мил-человек! Я уж лет десять, даже больше, как от дела оторвался. Тяжело стало... И то сказать, шестьдесят лет занимался!

— Шестьдесят?
— Считайте сами. В семьдесят три на пещию ушел. А начинал мальчонкой — двенадцати не было... Так-то!

Начинал он лет за десять до начала нашего века. Ко времени первой русской революции Лапин был уже мастером в одном из московских фотографических заведений. Но скоро Москва стала для него лишь воспоминанием. После декабрьского вооруженного восстания он вынужден был бежать — сначала в Самару, потом дальше, в Оренбург. Тут и обосновался...

Стариковская память многое растеряла-утратила. Много... только не события семнадцатого-восемнадцатого — бурных, великих, неповторимых годов.

...Он выполнял задания Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов и потому находился в самом водовороте борьбы. Беспартийный, Лапин шел за Цвиллингом, братьями Коростелевыми, Мартыновым, за другими большевиками-ленинцами. Шел потому, что верил. И в правоту их верил, и в победу.

Его вера выдержала испытания.

В один из дней после того, как дутовцы захватили власть, к нему, больному, явился офицер из дутовского штаба.

— Нам известно, что у вас фотографировались красные заправилы и другие, так сказать, деятели... Эти негативы должны быть переданы властям... Вы понимаете?

Лапин понимал. Хорошо понимал, зачем явился гонец атамана. И то, как он подведет товарищей, какие неопровержимые документы против них доставит врагу.

— Все негативы?

Самое верное, прикинуться таким простаком. Авось, выиграет время и что-то придумаю...

— А за какие годы негативы нужны? Дома у меня только старые. Искать надо... Да и как угадаешь, кто красный? Кабы пометки какие!..

Немигающе смотрел он в глаза офицеру, а сам думал: фотографии нужные находятся тут, в этой же комнате, и не старые негативы вот в том деревянном ящике, а те, за которыми пожаловал нежданный гость. Те самые... Портреты многих людей, снимки групповые. Да, для Дутова пожива была бы ценной...

— Не притворяйтесь!

Офицер проявлял нетерпение.

— Можете убедиться сами, — пожал плечами Лапин и поднял крышку ящика. — Вы как, сами будете просматривать или мне?.. Выздоровею, и...

Перспектива долгого копания среди сотен негативов посетителя не привлекла. Он наклонился, извлек пластинку, посмотрел на просвет. Оказалось, какой-то унылый степной вид... Положил обратно. Что скажет?..

— Даю сроку до девяти утра! Не выполнишь, или что утаишь — пеняй на себя! До девяти — и ни минуты еще!

До девяти Лапин успел не только досконально разобраться, что имеется на каждом негативе, но и надежно спрятать те, за которыми должен был прийти дутовский штабист.

Не сразу разобрался офицер в подсунутых ему пластинках. Он унес с собой довольно полный набор лиц и фигур всех, кроме большевиков и их поддерживающих.

Только вечером узнал Лапин о результатах. Вечером, когда за ним пришли вооруженные казаки.

Рубцы на спине остались надолго...

...Многое он порассказал. Память раскрывалась постепенно и трудно, будто изображение со старого негатива.

Кстати, о тех, которые принес я, бывший фотограф мог сказать только одно:

— Давнишние... — И даже пошутил: — Против них я совсем молодой.

А потом с удивлением спросил:

— Как только целы остались?

4.

Этот вопрос меня занимал не меньше.

Но, чтобы узнать нечто новое, пришлось рассказать обо всем сначала. Не забыл, конечно, и о закорючке подписи под описью с упоминанием Лапина. Извлек ее из папки, показал.

Лапин не мог не знать человека, который тогда, четверть века тому назад, занимался сбором негативов!

Но...

— Извините, не помню, — услышал я от своего собеседника несколько мгновений спустя.

Пожал плечами, развел руками и снова, поправив очки, подвинул к себе листок-опись, в конце которого вместо фамилии стояли три буквы: то ли «Зам...», то ли «Зак...».

— Нет, фамилию не помню! — решительно сказал Лапин. — Хотя, наверное, знал... Весьма вероятно, что знал!

Вновь задумался, вновь умолк.

— А человека, человека того не забыл... Вы-

еский такой, худой, очень больной... Я его в революцию видал. Комиссаром вроде был. Комиссаром его продолжали называть и тогда, когда мирная жизнь уже наступила. Или потому, что ходил в той же кожанке... или еще отчего. Он негативы собирал! Вам, говорил, ни к чему, а народу требуются, народ знать должен. Народ — всему хозяин! Кое-кто из частников, понятное дело, за свое цеплялся... Мое, не желаю, не дам никому!.. Тогда он, комиссар тот, говорил, будто приказ отдавал... «Именем революции!» — говорил. И на этом разговоры кончались.

«Комиссар?»

«Именем революции?»

О, здесь было о чем подумать, что представить.

Старый фотограф протянул мне новую нить.

Глава пятая

1.

После разговора с Лапиным мыслями моими овладел тот загадочный комиссар. Он, думалось мне, всему основа и всему голова. И к услышанному от старика-фотографа я возвращался все чаще.

Размышления об этом, само собой разумеется, не могли не отвлекать от дела. Того дела, которое было и оставалось для меня главным. Но здесь поиск подходил к концу — концу вполне благополучному. Многие из старых негативов обрели официальные паспорта и даже развернутые биографии. Хоть бери и выставляй в музее.

В музее жизнь шла довольно активная. Объявили план краеведческого лектория, и уже перед первой лекцией возникла «проблема стульев», проще говоря — где рассадить всех, кто явился. Провели «день открытых дверей», — в тихие музейные залы хлынул поток людей самых различных возрастов. Как-то к вечеру по парадной лестнице вступили на второй этаж телевизионные камеры, и вместе с ними сюда пришли сто тысяч зрителей. Сто тысяч сразу!

В тот день Синельников пригласил меня к одному из стендов о гражданской войне в Оренбуржье.

И этот, и соседние, и все другие стенды зала были мне давно знакомы. Я досконально их изучил, работая над пьесами о героике тех лет. Да и позднее, приходя по тому или иному поводу в музей, непременно задерживался у фотографий, документов, реликвий огневой войны. Так что новое в глаза бросалось сразу.

Вот и сейчас, увидев несколько не известных мне снимков, я перевел взгляд на Синельникова.

...Последний полицмейстер Оренбурга...

Вопрос был задан одними бровями. Ответом послужила улыбка.

Безмолвным, но вполне понятным ответом. Значит, все раскрыто?

— Только приоткрыто! Но...

2.

Фотографии, увиденные мною на музейном стенде, оказались отпечатками с негативов, за которыми охотился дутовский офицер.

Теми самыми, которые с риском для жизни прятал Михаил Михайлович Лапин.

Групповые снимки рабочих Главных железнодорожных мастерских, строительства ветки на Орск, мукомольных предприятий города... Не просто рабочих — самых сознательных, самых закаленных. Испытанного в борьбе авангарда оренбургского пролетариата. Бойцов-ленинцев!

Ленинцы... Трудный прошли вы путь, дорогой ценой добыли свободу. Все довелось вам испытать, все выпало на вашу долю: и непосильный с малых лет труд, и полуголодное существование, и казачьи нагайки на спинах. В борьбе за рабочее дело, за рабочие права — в стачках, в революциях, в сражениях гражданской войны познали вы силу солидарности людей труда. В горниле боев с самодержавием и его защитниками выковалась ваша вера в партию. И вы пошли за ней. Пошли самозабвенно, не щадя жизни.

Нет, не зря гонялись за их фотографиями приспешники белого атамана Дутова!

Гонялись, да просчитались...

Вот они, эти снимки. Вот они, эти люди.

И надо хоть коротко, хоть в немногих словах сказать об этих и о других, сохранных временем, негативах. Тех, которые завтра, через неделю, через месяц или год разлетятся веером фотографий и займут, непременно займут свои места на стенах музеев и на страницах книг.

3.

Нетерпение мое питают, конечно, не эти:

...Сановные деятели епархии...

...Чиновники губернской канцелярии...

В штабе красновардейского отряда.

Красноармейцы у почетного революционного знамени ВЦИК в день вручения его Оренбургу.

Тоже прошлое, но — нет волнения, нет душевного трепета. «Ух ты, — думаешь, глядя на изображение полицейского чина, — и до чего же важен! Как индюк, важен... едва не лопнешь! И тут же говоришь себе с усмешкой: — Лопнул!».

Негативы пусть лежат. Можно для порядка пометить их номерками. Нужно (таковы музейные правила) внести их в описи.

А в памяти нашей этим «экспонатам» места нет. Нет, и не будет. Ее занимают, в ней живут другие образы, другие люди!

...Я часто прохожу по Томилинской — есть такая улица в Оренбурге. Не центральная и не шумная, без больших домов и асфальта тротуаров — зеленая, уютная, тихая. Но когда я теперь мысленно пытаюсь ее представить, она возникает передо мною не маленькими домиками и не старыми деревьями. — простыми русскими чертами рабочего лица. Лица Сергея Томилина.

Токарь. Подпольщик. Красногвардеец. Боец. Снова токарь. До двадцать вто-

рого, когда умер от раны, полученной еще под Актюбинском.

Не лихой богатырь. Но товарищи навсегда сохранили о нем память. Фотографию в свое время искали, да не нашли. И вот теперь... Я рад, я очень рад нашей встрече, Сергей!

И встрече с Лобовым, ткачом из Иваново-Вознесенска... И знакомству с Ивановым, рабочим «Орлеса»... Табличками улиц они тоже навеки вросли в мой город. Но и бессмертные должны иметь свой живой облик. Должны, и мы его отныне представляем!

Легендарный Блюхер и столь же прославленный мичман Павлов... Безымянные венгерские бойцы-интернационалисты... Люди знаменитые, люди безвестные — полководцы и солдаты Октября... Каждый негатив, каждая фотография — поэма, повесть, новелла. О яркой человеческой судьбе, о жизни, отданной прекрасной цели, о величии и бескорыстии подвига. Подвига первых...

Перебираешь старые снимки, смотришь, вглядываешься — и одна за другой оживают страницы прошлого. Да какие страницы!

Последние часы перед эвакуацией города в восемнадцатом...

Эшелоны с добровольцами: «На фронт!»

Жертвы кровавого террора Дутова...

Мертвые, полуразрушенные заводские цехи... И...

Торжество новой жизни:

первый субботник в еще безмолвном цеховом корпусе,

первый «красный паровоз» под парами на путях,

первый трактор на демонстрации,

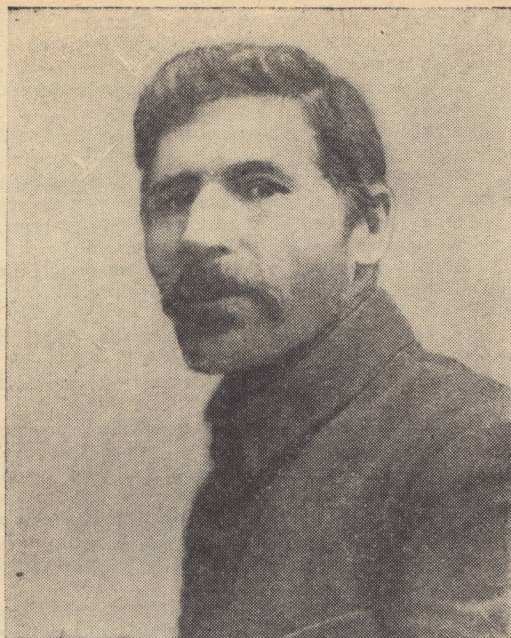
первый отряд юных пионеров...

Все тогда было первым, и объектив фотоаппарата зорким глазом очевидца схватил, приметил, запечатлел десятки, сотни мгновений нового.

Вручение оренбуржцам почетного революционного Красного знамени ВЦИК... Демонстра-

Они были первыми. Комсомольцы первых лет Советской власти.

Его именем названа улица в Оренбурге. Организатор Красной гвардии железнодорожный рабочий К. Котов.

ции трудящихся города и парады частей Красной Армии... Конференции губернской партийной организации... Съезды Советов, профессиональных союзов, комсомола, рабочих и крестьянок, рабкоров... Приезд в Оренбург посланцев ЦК — Михаила Ивановича Калинина, Семена Михайловича Буденного....

Распахнулись двери первой сельскохозяйственной выставки — фотографии!

Прилетел из центра агитсамолет — был он таким, смотрите!

Открылся детский дом — вот его питомцы и воспитатели!

Знакомыми, родными кажутся лица людей у памятника Ильичу. Они строили его своими руками, на свои рабочие копейки. Этот памятник был одним из первых, воздвигнутых народом в честь своего вождя, учителя, друга.

История в негативах... Ожившее прошлое... Как близко, как дорого все это сердцу!

4.

Чтобы выяснить, была ли фотография известна ранее, я то и дело заглядывал в фонды музея, подходил к его стендам. И как-то само по себе получалось, что взгляд мой все чаще остывал на художественном лице с большими, острыми глазами. Человек на снимке словно встречал меня на пороге и провожал по залу.

Кто он?

«А. Я. Закурдаев, член Военно-Революционного Комитета», — прочел я под фотографией, когда подошел к ней поближе.

И вдруг — отчего, не знаю — вспомнился завиток в нижнем углу листка с описью негативов, изъятых у Лапина.

«Зак...»

Зак...урдаев?

Старый фотограф называл того человека комиссаром.

Может, он и есть?

— О Закурдаеве сведения имеются? — спросил я, спустившись вниз, у библиотекаря музея.

— О Закурдаеве? Имеются. — И тут же, вопрос на вопрос: — А о каком?

— То есть...

— Один погиб во время боев за Оренбург.

— Инициалы «А. Я.»?

— Нет, это другой.

— Жив?

Библиотекарша развела руками.

— К сожалению, нет в живых и его. Он умер в начале тридцатых годов... — Посмотрела на меня и добавила: — Это был директор нашего музея.

А вот и карточка музейного «справочного бюро»:

«Закурдаев Александр Яковлевич... Активный участник Октябрьской революции и гражданской войны в Оренбургском крае... Руководителем музея стал в двадцать восьмом... Работал до 1931-го — до дня смерти... Прочсть о нем можно в газете за...»

Я еще не читал и даже в глаза не видал той заметки, но сомнения уже не было.

— Тот самый!

Глава шестая

Ну конечно же он!

«В музейном строительстве т. Закурдаев проявил свойственный ему напор старого красногвардейца...»

Это — из некролога.

Сдержанно суровые строки его поведали мне о многом. Но... многое осталось за колонками скорбной статьи, не вошло в них, не вместились. Значит, надо было искать.

И я снова отправился в поиск.

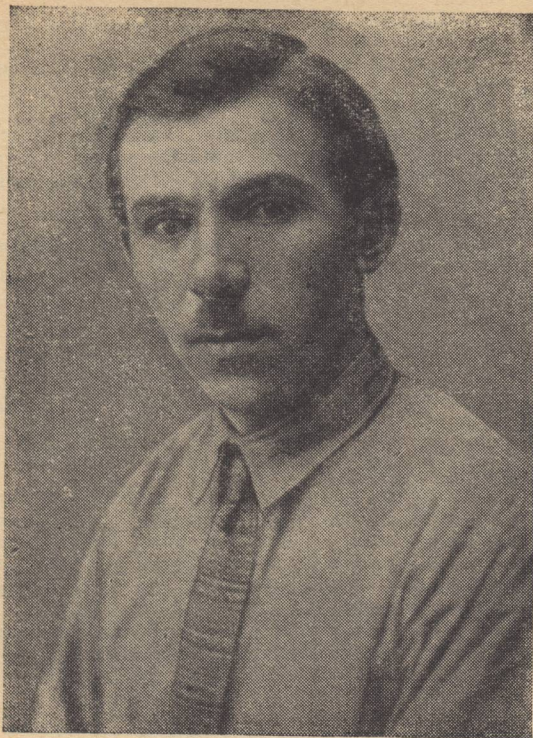
О своем «путешествии» по следам Александра Закурдаева рассказывать не стану. Ни о том, как отыскивал его боевых друзей и слушал их рассказы. Ни о неожиданном-негаданном знакомстве с Любовью Леонидовной — верной подругой и женой. Ни о встрече с маленькой книжечкой без переплета, которая оказалась «Записками красногвардейца», была написана тем же Закурдаевым и вышла из печати к десятилетию Октября.

Эти поиски помогли мне восстановить облик человека с гордым именем: красногвардеец.

Красногвардейцем Закурдаев стал в один из дней 1917-го. Сколько из череды дней того года запомнилось ему на всю жизнь! Митинги и стачки, листовки и демонстрации, стычки с жандармами и бои с белыми бандами, тюремные одиночки и дерзкие побеги — все было в семнадцатом. Все...

Но самым памятным остался день в мае, когда его, потомственного самарского железнодорожника, принимали в партию большевиков.

Обсуждение долгим не было; Закурдаева знали. И потому, что знали, без колебаний приняли и без колебаний поручили: пойти в воинские части, стать для солдат своим человеком, сделать так, чтобы люди в серых шинелях по-

А. Я. Закурдаев. Фото 1928 года.

скорее смогли разобраться, кто им друг, а кто враг.

Это было трудно. Это было опасно. И все-таки он пошел. И слова нашел. И нашел ключи к солдатским душам. Безотказные ключи, выкованные из правды.

Уже вскоре, при активнейшем его участии, гарнизон оказался под большевистским влиянием. Да таким, что военные власти забегали-засуетились. Несколько дней спустя Закурдаева отправляли на фронт.

Конечно, те, кто провожал, а, точнее, выпроваживал его из Самары, не могли предположить, что уже в сентябре — через месяц или полтора после этого — «коммунистический агитатор» окажется во главе военной партийной организации Оренбурга.

— Товарищи, мы так сжаты кольцом контрреволюции и так резко ощущаем здесь предательство эсеров, меньшевиков и иных лжедемократов, что вооруженное восстание по примеру петроградских товарищей стало для нас необходимостью. Мы должны вырвать власть из рук белого атамана Дутова!..

Говорил Самуил Цвилинг — испытанный ленинец, признанный вожак оренбургских пролетариев.

В кипении огненных дней они успели хорошо узнать друг друга. Закурдаев, слушая Цвилинга, представлял себе завтрашний день, завтрашний бой. Он думал, напряженно думал о том, что нужно сделать утром, на рассвете.

А встретить рассвет довелось в... тюрьме.

Дутовские молодчики со всех сторон ворза-

лись в зал, где шло заседание Военно-Революционного Комитета, и почти весь его состав оказался арестованным.

Но и в тюремных камерах они оставались хозяевами города.

Из камер шло рукозодство всеобщей забастовкой рабочих.

Отсюда исходили указания о формировании и обучении красногвардейских отрядов.

Сюда сходились нити подпольной деятельности оставшихся на свободе товарищей.

Закурдаев вошел в тюремный комитет, который руководил всей жизнью, всей борьбой политических.

Да, борьбой! Эти люди боролись за свои права, за свободу.

Стойкость на допросах... Голодовка протеста... Наконец побег...

План его разрабатывался с особой тщательностью. Нужно было установить надежные связи с товарищами на воле, договориться о расстановке сил — как в камерах, так и за оградой, через верного человека в тюремной охране запустить хоть немного оружия, продумать... Впрочем, продумать требовалось многое, всего не упомянешь.

Закурдаеву выпало начинать. По сигналу Цвилинга он первым вышел из камеры, первым бросился на караульного.

Утром все в городе уже знали: около полуночи из губернской тюрьмы бежали двадцать два большевика.

...А путь через казачьи станицы? Нелегко было пробить такое кольцо, но он прорвался и добрался до Бузулука. Туда, где готовился решительный бросок на Оренбург.

Возвратился Закурдаев с боями и с победой.

Но — не для тихой и спокойной жизни.

Жить «тихо» этот человек не умел.

Стало нужным — и он взялся за организацию госпиталя.

Потребовалось — пошел в летчики-наблюдатели красного авиаотряда.

Разбушевался сыпняк — кампанией по борьбе с тифом руководит Закурдаев.

И с голодом...

И с разрухой...

Он будто не замечает — нет, замечать не хочет! — что собственно его силы день за днем подтачивает туберкулез, что жить остается до обидного мало.

Мало... Тем важнее поспешить, поторопиться.

Мало... Тем необходимее делать больше.

И даже «спокойная» работа в музее озяреется для него огнем неумного, жаркого горения.

Он ищет, собирает, добывает реликвии революционных лет. Организует запись воспоминаний и пишет их сам. Гоняется за документами, фотографиями, негативами.

Для детей и внуков. Для вас. Для многих и многих будущих поколений.

И, как некогда, глухо, но твердо звучит его голос:

— Именем революции!

И, как некогда, — одни с уважением, другие с удивлением, — люди говорят о нем:

— Комиссар!..

...Ну конечно же, это он, Александр Закурдаев... И ящики с негативами — его заслуга, его труд, его клад... Клад, предназначенный людям.

Глава седьмая И самая короткая

Людам клад и достался.

Не вина Закурдаева, что это случилось только тридцать с лишним лет спустя. Он умер в разгар работы, не успев передать эстафету.

Но эстафета благородного дела не затерялась, не погасла. Ее подхватили такие же горячие сердца.

И среди этих людей — Синельников. Василий

Григорьевич Синельников, мой добрый знакомый...

Он никогда Закурдаева не видел. Он знал о нем лишь понаслышке. В тот год, когда его не стало, в Синельникове только-только начала проявляться страсть краеведа.

Вместе со всем народом он учился, вместе рос, строил, воевал и через все пронес живой огонь энтузиаста-следопыта, не скорого на красивые слова, зато делами щедрого.

Синельников и открыл нам клад комиссара Закурдаева.

Клад, о котором я уже рассказывал.

„КАМЕННАЯ СТАРУХА“ НАЙДЕНА!

В апреле 1961 года газета «Комсомольская правда» напечатала статью молодого археолога В. Лебедева «В поисках «Золотой Бабы». Пересказывая в ней легенды о древнем идоле северных народностей Урала, Лебедев сообщал также, что в районе Нахрачей (Ханты-Мансийского округа) на далекой таежной речке Хой, охотники знают «Полуденную гору», где будто бы до сих пор стоит каменный идол, которого местные жители называют «Каменной старухой». В. Лебедев предположил, что, может быть, этот истукан и был той святыней, которую славят легенды под именем «Золотой Бабы», и отправился на поиски ее. Однако добраться до «старухи» ему не удалось. Тайна оставалась неразгаданной.

Продолжить поиск решила группа свердловских туристов. Летом 1963 года они отправились в путь.

Вот что рассказывает о походе его руководитель МИХАИЛ ШАРАВИН.

— Неприветливо встретила нас зауральская тайга. Непроходимые дебри бурелома, коварные мшистые болота, перегороженные завалами реки, прихотливо извивающиеся среди топких равнин... Легкие лодки-долбенки — наше единственное транспортное средство — то и дело приходилось перетаскивать через волоки или нести на

руках. Много приключений «подарил» нам путь к древнему мансийскому капищу, указанный бывальными охотниками.

И вот мы у цели. Вот она, «Полуденная гора» и «Старухин мыс», описанные в газете. Однако идола нет... И лишь тогда, когда поиски показали уже безнадежными и мы, разочарованные, собрались уходить, среди поваленных бурями и пожаром деревьев неожиданно открылась гранитная глыба, глубоко ушедшая в землю. Но «старуха» ли это? Ведь и в статье Лебедева и в рассказах охотников говорилось о том, что еще в 1913 году какие-то заезжие люди пытались сдвинуть идол с места, но лишь повалили его и разбили. Да и далеко вокруг нет ни одного камня, тем более такого большого и такой необычной формы.

С немалым трудом мы выкопали глыбу и поставили ее. Да, сомнений нет: это Каменная старуха... Но почему она без головы?! Снова поиски, раскопки... Но вот найдена и голова, правда разбитая на несколько частей. А «детей» — сына и дочери, стоявших будто бы по бокам идола, — так найти и не удалось.

Унести каменное изваяние, конечно, мы не имели возможности, зато вдоволь пофотографировались вместе с ним.

Надо бы двинуться дальше, по следам поведанных нам легенд о «каменном коне», стоящем где-то в

болоте, здесь неподалеку, на таинственный «Стариков мыс», на «Кедровый остров», но график похода вынудил нас тронуться в обратный путь. Ничего, мы еще вернемся к этой «старухе» и откроем все ее тайны! Важно, что мы нашли ее, а уж ученые помогут «поговорить» с нею.

В одном из ближайших номеров «Уральский следопыт» расскажет подробно об этом походе свердловских туристов, об интереснейших приключениях их в тайге, о раскрытых тайнах древнего идола и о новых загадках, поставленных перед наукой.

А. П.

Разбойник Кузя

Мы его не звали. Строили зимовье, от зари до зари трудились. Он потерял осторожность. Тут и состоялось наше знакомство. Поползень! Кузя бесхвостый! Ах ты, воришка! А он, весело попискивая, таскал орехи. Наши орехи. Те, что мы заготовили на приманку белкам и соболям и, рассыпав на палатке, просушивали на солнце.

Мы ему сразу дали понять, что необходимо иметь совесть. Но он считал нас добрыми дядьками и продолжал свое дело. Мы рассердились. Орехи спрятали, а воришку поймали.

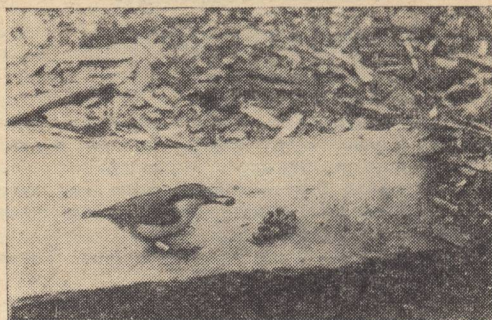
Как он возмущался — пищал, щипался! Пришлось закольцевать свинцово-серенького разбойника и выпустить. Воришка сел на соседнее дерево и завопил на весь лес: «твек... твек, твек...» Ругался, должно быть. Потом улетел.

Два дня Кузя где-то наслаждался свободой и вот появился опять у нас. Мы его полюбили. Своим симпатичным нравом он веселил нас, украшал несложную жизнь таежных охотников.

Как-то незаметно поползень стал вроде бы членом нашей бригады, и мы поставили его на полевое довольствие. Нас он совсем перестал бояться, буквально из-под рук таскал орехи. Подкрадется, головку набок наклонит, на нас посмотрит, возьмет в клюв добычу. Если орех пустой, тут же выбросит, а целый тащит в укромное место, спрячет и быстро возвращается.

Мы подсчитали: за минуту он успевал утащить до двенадцати орешков.

И труженик же наш поползень! Любая работа, связанная с чем-то съестным, была ему по нутру. А однажды нам пришлось подсмотреть, как Кузя где-то раздобыл дождевого червя и, очевидно тоже про запас, прикрепил его на стволе дерева с солнечной стороны, чтобы высох быстрее.

Вышло так, что мы отлучились от зимовья на несколько дней, а мешок с орехами повесили на дерево, накрыли палаткой. Вечно голодная орава кедровок и соек сделала свое дело. Кое-что и Кузя сумел утащить. А нам достался пустой мешок с двумя дырами с добрый кулак. Поругались немножко, Кузю с полевого довольствия сняли: пусть летит на все четыре стороны. Но Кузя «мыслил» иначе. Он никуда не улетел и даже наоборот, привел своего друга.

О. ЖАРОВ, охотовед

Аквариум в цехе

В макетной группе экспериментального цеха Уралмашзавода тишина. Над верстаками склонились слесари. У каждого очень тонкая, ответственная работа.

На окнах тянутся к свету колючие кактусы. А посреди цеховой площадки стоит огромный трехсотлитровый аквариум. В нем весело резвятся золотые рыбки, лихие меченосцы, разноцветные гуппи, быстрые данию, драчуны-макроподы. Специальный компрессор подает им свежий воздух.

Сделали аквариум Александр Безматерных, Владимир Куликов, Виктор Морозов.

Случилось так, что в праздничные дни цех не работал. Как быть? Ведь комнатным рыбешкам нужен строгий режим питания. И тогда Владимир Куликов за несколько дней смастерил автокормушку. В специальный бункерок засыпается сухой корм. Ровно в девять часов утра и вечера срабатывает реле. Обитатели аквариума получают очередную порцию корма.

Л. КЕККЕЛЕВ

Гусеницы остановили поезд

В мае 1951 года, когда деревья оделись листвою, жители лесного поселка Куринка на Кубани были удивлены: бархатисто-зеленая гора с крепкими дубками вдруг почернела. В чем дело? Оказалось, что в лес пришли полчища черных мохнатых гусениц. Они начисто объедали молодые листья и двигались к поселку...

За каких-нибудь два-три часа сады и огороды были обезображены. Пострадали яблони и груши.

Дальше на пути — железная дорога. Первый же поезд забуксовал, остановился. Как быть? Не срывать же движение из-за этих нахально «завладевших» железной дорогой насекомых.

Выход был найден. Спереди паровоза стали привязывать специальные метелки. Они-то и смахивали гусениц с рельсов.

Вскоре начались сильные ливни, а затем жара. Нашествие окончилось. Деревья выкинули новую листву.

И. ДИТЛОВ

В СТРАНЕ СНЕГОВ И БУЙНЫХ ТРАВ

Владислав ЛЯХНИЦКИЙ

Рисунки С. Киприна

Тетрадь вторая

Михей приехал на прииск и первым долгом — в столовую. Съел одну за другой три порции гречневой каши, четыре порции блинов, вытер усы рукавом и похвалил:

— Добрая каша. И блины как блины. Спасибо, хозяйushка. После такой хорошей закуски можно и пообедать. Плесни-ка мне щец...

Михей ростом два метра с гаком. В дверь обычно проходит пригнувшись и боком: плечи мешают. Лицо румяное, круглое, смеющееся, и на верхней губе две пики усов.

— Золото мне ни к чему, — заявил он и попросился на лесозаготовки. А вечером шел по прииску, неся на плече без малого телеграфный столб и выкрикивал: — Кому дровишек! Хозяйushки, кому дровишек!

— Вот детинушка так детинушка! — говорил про него с восхищением дядя Матвей. — Сегодня Егор навалил на передки без ума лесу, лошаденка и завалилась в грязи. Лежит, дергается. Егор ее хлесть, хлесть! «Стой! Выпрягай!» — крикнул Михей. Ухватил за оглобли. Напрягся так, что жилы на лбу вздулись, и выволок воз из грязи. «Эх ты, — сказал он Егору. — Лошаденка-то махонькая. Где ей такой воз вывезти, если я еле выволок. Думать надо, дядя. Думать».

Михей сразу сделался кумиром приисковых мальчишек. Они толпами ходили за ним. Восхищенно глазели на переливавшиеся под рубашкой мускулы и, поднимая кулаки, шупали друг у друга бицепсы. Сокрушались: далеко до Михеевых.

По утрам все мальчишки стали заниматься физзарядкой. Даже некоторые девчонки подражали им.

В воскресенье на приiske был переполох. Ребятишки бегали по дворам и спрашивали: «Дяденька, нет ли у вас чурбана? Сучковатого-сучковатого. Свиловатого-свиловатого. Чтоб ни в жисть не расколоть». И, получив просимое, радостно катили его к магазину. Там собрался народ. Одни стояли кругом, другие теснились на крыльце или забрались на завалинку.

Михей ходил перед крыльцом и поигрывал топором. Рукоять у топора — около метра. А сам такой, что из него можно сделать два хороших колуна. На земле навалена гряда расколотых чурбанов. Приискатели смотрели то на Михея, то на топор, то на чурбаны и дивились. И тут кто-то крикнул:

— Еще волокут! Еще!

Народ расступился, и вспотевшие мальчишки, пытая, вкатили в круг огромный сучковатый чурбан, пролежавший, видимо, в грязи несколько лет.

— И этот за три удара? — ахают вокруг.

— Любой, — отвечает Михей. Ставит чурбан «на попа», обходит его, приглядываясь, откуда легче ударить, и, размахнувшись, бьет по чурбану. Топор без стука, с каким-то чваканьем ударяется в торец чурбана и подскакивает.

— Как от резины, — слышатся голоса. — Этот не расколоть.

— Расколю!

Второй удар. Опять неудача.

Михей входит в раж. Зажимает топориче в коленях, подбирает растрепавшиеся волосы под кепку, плюет на ладони. Затем поднимает топор и с силой опускает его вниз. Топор тянет за собой Михея. Михей упирается, но ноги скользят по направлению к чурбану.

— Чва-ак, — слышится третий удар.

— Хо! — выдыхают мальчишки, и две половинки расколотого чурбана валятся на землю.

— Это да! — удивляются приискатели, а удивить их не так-то легко.

Михей довольно направляет плечи. В глазах лукавый огонек. Он оглядывает собравшихся. Подмигивает.

¹ Тетрадь первую см. в № 2.

— И кто эти воскресенья выдумал? Переколю чурбаки, а потом чего делать буду? А?

Дядя Матвей входит в круг. Поглаживает седоватые запорожские усы. Ухмыляется.

— Это и я такой чурбан расколю. Ей-ей, расколю! Ну не с трех ударов, а полдня попыхчу — и домучаю. А ты вот чего, мил человек, — обращается он к Михею и задирает голову вверх, будто на гору смотрит. — Попробуй воду перебить.

— Как? Это чтоб след остался? Э-э, не проведешь... Еще мальчишкой слыхал: еду, еду — следу нету, режу, режу — крови нету...

— Я не шучу, — серьезно говорит дядя Матвей. — Речь идет не про след. Пусть твой топор просто в воду войдет, и я тебе лису подарю на шапку.

Михей ожидает подвоха. Сторожится.

— Лису? А какая вода?

— Обыкновенная. Речная. И струя, — дядя Матвей смотрит на руку, — всего в ладонь. Перебьешь ее — и конец.

Приискатели поняли дядю Матвея.

— Я свой нож отдаю, — кричит один.

— Чего там нож, — перебивает второй. — Двустволку отдам! А мою двустволку все знают. Хочешь пулей, хочешь дробью... Лишь бы рука не дрожала.

— Идет. Попробую, — тихо и задумчиво говорит Михей. — Но, если позабавиться хотите, то вот! — и поднимает зажатый кулак размером в небольшой арбуз.

Толпа валит с прииска. Впереди дядя Матвей. Рядом с ним Михей с топором. А следом и ребятишки, и мужчины, свободные от работы. Спорят:

— Перерубит...

— Не-е знаю...

— Чего не знать-то. Видал, как он с чурбаном управлялся? Пропала твоя двустволка.

— А может, еще постреляю.

Перешли по мосту. Зашли в долину речки Березовой, где вырублена густая тайга. В долине виднеется котлован метров двести на сорок. Метра три глубины. Как паучи лапы, тянутся по котловану толстые железные трубы. Их пять. На конце каждой трубы железный брандспойт метра два с половиной длиной. Пять струй воды с грохотом обрушиваются на стены котлована. Кайлят, подмывают породу. Рушат ее. Гонят вниз к шлюзам. К каждому брандспойту-монитору приделан длинный деревянный рычаг-очуп. Этим рычагом рабочий направляет монитор, куда надо.

— Ну как, перерубишь? — строго спрашивает дядя Матвей Михея.

— Пара пустяков. Пошли.

Все остаются на борту котлована. В разрез не пускают без дела. Только дядя Матвей с Михеем подходят к монитору. Михей несколько секунд смотрит на струю. Усмехается. И, широко расставив ноги, взмахивает топором. Удар! — и топор, словно ласточка, взлетает вверх, кружится и, пролетев метров сорок, падает на гальку. Михей растерянно смотрит на огромные ладони, из которых струя воды вырвала топор.

— Чудеса! Можно еще попробовать?

— Хоть всю неделю руби...

Несколько раз Михей пытается рубить струю воды. Сначала топором. И каждый раз топор высоко взлетает в воздух. Берет тяжелый лом — и он летит не хуже топора.

— Не получить мне лисы... — Михей смотрит,

как три струи уперлись в валун весом тонны четыре, и валун покатылся.

— Ух ты!.. — произносит Михей так же восхищенно, как ребятишки, которые глядели на его бицепсы. — Сила! А какой у нее напор?

— Десять атмосфер. Все дело тут в скорости воды. Твой топор только начинает входить в струю, а его уже на полметра отбрасывает.

— Так. А откуда на горе вода?

— Речку туда завели.

Далеко в горах плотина перегородила речку. Вода отведена в канаву. Канавка пересекла пойму, подошла на борт долины и забралась на склон. Смотрит на нее Михей и качает головой.

— Как же вода в гору бежит?

— Это, друг, только кажется, что вода в гору бежит. А на самом деле все проще. У речки уклон двадцать метров на километр длины, у канавы — два метра. Вот через пять с половиной километров вода оказалась на горе на высоте ста метров над своим руслом. А оттуда по трубам бежит в котлован к мониторам, размывает породу.

— Чудеса...

Утром Михей пришел в кабинет начальника и положил на стол заявление.

— Переведите на гидравлику работать. Реку на гору заманить — чудеса!..

С тех пор не видно в поселке Михея. Отработает он свою смену на гидравлике и идет на приемный бак — место, где на горе кончается канавка и вода сбегает в трубы. Сядет он тут, подопрет подбородок кулаком и смотрит, как бежит по канаве вода, потом журчит в трубах, а внизу, в долине, блестят на солнце пять несокрушимых водяных мечей, рушат породу, добывают золото.

В руке у Михея книга. Он скоро сдаст экзамен и станет мониторщиком. Командиром водяного меча.

— Ва-ли силь-ней!.. Силь-нее бей! — Лицо Михея светится от счастья. Он добился своего. Он стоит за монитором.

— Чего поешь? — кричат ему товарищи.

— Так себе. Самодельное, — и легким, едва приметным поворотом очу-п-рычага то наклонит брандспойт, то приподнимет, то направит его чуть правее. И водяная струя, в два кулака толщиной, послушно повторяет его движения.

— Р-аз кай-ли!.. Р-аз бери!.. — поет Михей. Водяной меч вгрызается в борт котлована, рушит породу, толкает, несет ее все дальше и дальше. Вот он почти стометровой лентой повис над котлованом и «положил» гальку возле шлюзов. В гальке золото.

Шлюз — сердце гидравлики. На вид это обычный деревянный лоток шириной сантиметров семьдесят и глубиной около метра. По нему мчится вода. Пять водяных струй протянулись к шлюзу. Мониторы непрерывно подают на него гальку, песок, и все это с грохотом несется в отвал. Все?

Нет, не все.

Мелкие тяжелые крупинки золота оседают на дно бурлящего потока и застревают в ловушках шлюза.

— Ты, Михей, теперь сильнее, — все громче, все радостней звучит голос Михея. Он работает с упоением.

...Сегодня солнце поднялось над гольцами огромное и необычно красное. Будто облитое кровью. Сейчас оно висит в небе, едва пробиваясь лучами сквозь густую мглу. Воздух накалился. Обжигает горло. Сушит.

— Дядя Матвей, гроза будет? — спрашиваю я.

Он оглядывает горизонт, горы и качает головой:

— Однако не будет.

— Почему?

— Ну што за допросчик на меня навязался! — неожиданно сердится дядя Матвей. — Бурундук засвистит — почему? Дерево упало — отчего? Пусть тебе медведь отвечает, у него лоб большой. — Он опять оглядывает горы и удивленно пожимает плечами: — А верно, почему не быть сегодня грозе? Все приметы к ней. А знаю: не будет грозы. Видно, есть еще приметы. Они в годовую-то засели, — хлопает себя дядя Матвей по лбу, — а до языка не дошли. Вот дождь будет.

— Не сахарные, не разможем.

— И валун не размокает, а вода его замыкает...

В голосе дяди Матвея тревога. Тревога на лицах и других мониторщиков. Из поселка один за другим подходят подменные и группами стоят на борту котлована — показывают то на небо, то на гольцы, где на склонах и в ложбинах еще сохранились большие поля снега. Один Михей не замечает тревоги и с упоением гонит породу мощной струей своего монитора.

Шлепнулись первые капли дождя, крупные, как бобы, и теплые, как парное молоко.

— М-да... Такой дождь да на тот снег, — показал дядя Матвей в сторону гольцов. — Все поплывет. Эй, бригадир, отправляй еще двух человек наверх. Накажи, пусть хорошенько смотрят за канавой, чтоб ее вода не прорвала.

А дождь уже хлестал. Без грома, без молний, и не было видно ни капель, ни струй, а сплошной теплый водопад падал с неба. Дышалось по-прежнему тяжело.

Котлован гидравлики отделен от русла крепкой ряжевой дамбой. Сюда мы перешли по камням, не замочив сапог, а сейчас река мчалась пенным, бурливым, гремящим потоком и прибывала рывками. Валом. Держит уровень, а потом вдруг за одну-две минуты вздуется сантиметров на двадцать-тридцать и снова мчит, как угорелая. Пронесло щепу с лесосеки, бревна. Прогрохотал брошенный кем-то бочонок. Вода заплескалась о стенки дамбы. Я бросился в котлован, закричал:

— Заворачивай мониторы! Подваливай дамбу!

Воды стало много. Заработал шестой монитор, седьмой... Семь водяных струй, каждая мощностью в полтора лошадиных сил, погнали гальку к дамбе. Свыше тысячи разъяренных, вспененных лошадиных сил мчали гальку по дну

разреза и укладывали около дамбы, поднимая навал все выше и выше.

— Эх, силища! Хоть сто дождей — не страшно, — кричал Михей. Он упал на колено, пригнул голову и, словно из пулемета, в упор ударил струей в гальку. Рядом с ним, закусив губу, прищурившись, гнал гальку дядя Матвей. Десятки кубометров породы взлетали в воздух и в клубах водяной пены мчались к дамбе.

— Поселок! Взгляни на поселок! — стараясь перекричать рев мониторов и грохот реки, кричал Матвей.

Лет сто назад, чуть выше теперешнего гидравлического котлована, был прииск. Бараки сгорели еще до революции, и остались только большие отвалы промытой гальки. Они поросли черемухой, пихтой, рябиной. Мы вырубили часть молодого леса и построили на отвалах новый красивый поселок.

Отвалы простояли сто лет. А сейчас река размывала их. Галька сыпалась в реку, словно горох. Разбушевавшаяся река все ближе и ближе подступала к домам. Вот ухнула часть отвала, и Матвеева хата с белыми наличниками на двух окошках, с нарядной белой трубой повисла над рекой, как крымское «Ласточкино гнездо» над морем. В хатке еще топится печь — из трубы валит дым, а из подполья сыплются в реку кадушки, ящики, доски...

Дядя Матвей только весной отстроил хатку. Он старается не смотреть в сторону поселка и еще крепче впился руками в очуп монитора. Крикнул подвернувшемуся парню:

— Беги, скажи моей старухе, чтоб ружье спасала. Ружье. Понял?

Вода продолжает прибывать. Мутные валы поднимаются вровень с дамбой, захлестывают ее.

— Вали гальку на дамбу! Наравняй дамбу вверх, — кричу я мониторщикам.

— Нельзя, — возражает Михей. — Гальку унесет, а в ней самое золото.

— Надо спасти поселок! — Встаю за монитор дяди Матвея, поддев струей золотоносную гальку, гоню ее вверх по откосу на дамбу.

Дождь плещет, но в воздухе по-прежнему душно, а от наших спин поднимается пар. Вода перехлестывает через верхние бревна дамбы, и только галька, что гонят сейчас мониторы наверх дамбы, спасает гидравлику.

А сверху на поселок и гидравлику надвигается новый вал. Самый большой. Он тащит огромные деревья. Низкорослый, раскидистый кедр, видно, упал в речку вместе с дерниной и плывет стоя, как рос. В его ветвях мечется перепуганная белка. Вода мутной струей переливается через дамбу. Мчит, бурлит. Врывается в разрез.

— Скорей на борт!

Михей не хочет уходить. Мы, трое, тащим его. А сзади уже грохочет вал. Он сорвал дамбу. Он несется по котловану. Он погребет под собой труды многих рук. Михей вскрикивает, падает на колени и закусывает кулак.

Сквозь завесу дождя, словно в тумане, видно небольшое рубленое здание конторы. Река под-

мыла его. Контора шатается, как на качелях: раз-два и, опрокинувшись в реку, поплыла. Целиком. Подняв кверху обросшие мхом нижние венцы. Михай стоит рядом со мной. Глаза его широко, удивленно открыты.

Осенний порывистый ветер срывал с деревьев пожелтевшие листья. В воздухе бушевала золотая метель, а склоны гор покрылись разноцветным ковром. Красная рябина, золотистая ольха, оголившиеся рощи белостволых берез яркими причудливыми пятнами вплетались в темную зелень пихт. Над ними неслись обрывки туч. Серые, грязные. Они цеплялись за белоснежные вершины гор, висли на кручах, а порой опускались в долину.

В восстановленном после наводнения гидравлическом котловане сверкают водяные мечи. Они снова грохочут. Снова крушат породу. Снова гонят золотоносную гальку к шлюзам.

— Скажи ты, — качает головой дядя Матвей и шурится. — Выходит, человек сильнее реки. А ведь, казалось, конец поселку и нашей гидравлике. Недаром говорят: глаза бояться, а руки делают. — И вдруг хлопнул меня по плечу: — А знаешь, что? Лист на землю — птица на дерево. Ох и рябчиков сейчас по ложкам! Зайдешь на заре, а они — фью, фью-ю-ю... Свистят звонко, задорно. Пойдем в воскресенье...

Дядя Матвей не договорил.

— Ребята! К Михайю на помощь! — раздался крик.

Михей лежал на спине рядом с монитором. Руки раскинуты. Мохнатая лисья шапка — подарок Матвея — отлетела прочь. Товарищи подняли Михея с земли. Он пробовал стоять, широко расставив ноги, но они подгибались. Михай мотал головой и потирал бок. В черных курчавых волосах запутался лист осины и сверкал, как золотой гребешок.

— Она... меня ударила, — показывал Михай на толстую жердь очула.

— Жердь? Сама? И рядом никого не было? — спросил кто-то из молодых парней.

— Сама, — развел руками Михай.

Гремит дружный смех и разом смолкает. Уважают Михея. Любят. Но как он мог сморозить такое? Сама... Парни еще раз фыркают, зажимают рты и уводят Михея на борт разреза.

Что же случилось? Что могло ударить его? Подхожу к Михайю. Он сидит на пенке.

Я пристраиваюсь напротив на обомшелом валуне и смотрю на его растерянное лицо. Молчу. У Михея под глазом расцвел фиолетовый синяк. Неровный, звездчатый, как амеба. Синяк прикрыл глаз, и кажется, что Михай чуть под хмельком и хитро прищурился.

Что случилось? Что могло свалить с ног этого силача?

Прибежала фельдшерница, пухлая, белокурая хохотунья. Осмотрела Михея. Похлопала его по широкой груди и засмеялась:

— Ничего! До свадьбы заживет. Заснул парень и свалился.

Михей густо краснеет.

— Задремал? Сказала тоже. Нешто я буду врать? Говорю, как было. Кайло монитором породу, а она меня под бок — торк!

— Кто?

— Жердь. Очуп. Я удивился, покрепче ее в руках зажал, а она меня ка-ак стукнет! Я на землю бряк!..

— На дурака рассказ, — хохочет фельдшерница. — Ну кто поверит в дубинку-самобой? А?

— Правда, на дурака, — вздыхает Михай. — Расскажи кто — я бы и сам не поверил. А на тебе, было.

Мне стыдно за Михея. Изворачивается. Врет. Зачем? Рассердившись, ухожу в разрез и подменяю мониторищика. Водяная струя подмывает борт. Сейчас обвалится этот желтый подмытый пласт и тот пен, что не успели убрать. И тут я вижу сына. Он стоит возле пня и смотрит в разрез.

— Уходи, уходи! — кричу я и машу рукой.

В это время жердь очула с силой ударяет меня по плечу, и я лечу на землю. Уже падая, вижу, что сын поднял руки и будто мячик ловит. Потом нагнулся и поднял что-то с земли.

...Плечо ныло. Эта жердь, эта дубинка-самобой торчала передо мной. Теперь я поверил Михею. Но какая сила заставила дубинку драться!

— Папа, папа! — кричал сын, подбегая ко мне. — А куда ее деть?

— Кого?

— Рыбу.

— Какую?

— Да которую ты мне бросил.

— Когда?

— Ну сейчас. Когда кричал и махал рукой. Ты же мне рыбу бросил! Вот эту, — показал он хариуса граммов на пятьсот. — Как ты его добросил? Отсюда же далеко. Какой ты сильный, папа! А там в канаве много-много рыбы, но мы не могли поймать.

— Где в канаве?

— Да там. Наверху у бака, где вода в трубы льется.

И в это время очуп снова толкнул меня в бок. Я быстро откинул струю в сторону и крикнул сыну:

— Беги, ищи еще одну рыбку.

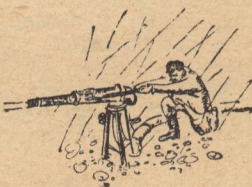
— Где?

— Там, где только что ударила струя.

И он вернулся удивленный, держа в руках небольшого ленка.

— А ты как узнал, что на гальке лежит рыба?

Мы поняли все. Осе-
нью по ключу рыба спу-

скается вниз, в речку. Мы перегородили ключ. Рыба спускалась по нашей канаве и попадала в трубы, а затем в насадку монитора. А уж тут случай! Попадала рыба на центр струи — мониторщик испытывал только легкий толчок. Но, если она попадает на край и выходит из насадки под углом, то на миг становится как бы реактивным рулем, отклоняющим струю. И тогда беда: тяжелый мгновенный удар обрушивается на мониторщика.

Теперь и Михей понял, что с ним случилось. — Эй, — кричит он своему помощнику. — Позвони по телефону на прием. Видно, там сетка поотстала. Рыбы в трубопровод попадают... Ну, а этих, — он взял из рук сына две рыбины, — этих посолю и съем.

До скорых встреч!

У окна вагона стоят, обнявшись, два парня. Оба рослые, широкоплечие, загорелые. Спортивные костюмы из синего трико плотно облегают мускулистые фигуры. Они едут в страну снегов и буйных трав покоряют снежную целину, добывать золото, железную руду, строить рудники и новые поселки. Они едут в страну сильных, молодых. На горизонте виднеются зубья сурового хребта, а за ним тайга, полная кипучей жизни, неутомимых исканий и открытий.

Едут и волнуются.

— Да, тайга отступает, — говорит русоволосый парень.

— Наоборот, тайга начинает жить, — поправляет второй.

Они спорят долго, горячо. Призывают в свидетели Джека Лондона, Брет Гарта, Кервуда. Потом оборачиваются ко мне и спрашивают:

— А вы как думаете?

— Это зависит от вас, друзья. Вы едете в эту страну, вы ее хозяева. Если неразумно срубить дерево или пустить пулю в зверя, тогда тайга отступит, погибнет. Мне рассказывали, что в долине реки Бел-Су жадные люди загородили звериную тропу и, вооружившись палками, избивали утонувших в снегу косуль и маралов. Вы не из тех?

— Нет...

— Значит, прав из вас тот, кто сказал: тайга начинает жить.

Ребята долго молчат. Затем спрашивают:

— Вы были на рудниках?

— Был.

— Расскажите, пожалуйста.

— В другой раз, друзья. Мне нужно выходить. Мы еще с вами встретимся. Добрый путь вам, молодые покорители таежной целины. До скорых встреч!

Книжная полка Следопыта

ЧЕЛОВЕК

ЩЕДРОГО

СЕРДЦА

Недавно появилась небольшая книжка Н. Лисовского¹. В ней рассказывается о нашем земляке — известном революционере Точисском.

Павел Варфоломеевич Точисский родился 3 мая 1864 года в Екатеринбурге в дворянской семье. Еще учеником гимназии он вступил на путь революционера-профессионала. Оставив гимназию, Павел Варфоломеевич работал в Екатеринбургских железнодорожных мастерских.

С 1884 года начинается его революционная деятельность в Петербурге. Здесь Точисский стал во главе созданного им «Товарищества санкт-петербургских мастеровых». Позже, познакомившись с работами Владимира Ильича Ленина, навсегда связал свою судьбу с партией большевиков.

Царское правительство жестоко преследовало революционера, но ни тюрьмы, ни ссылки не могли сломить его волю.

В 1917—1918 гг. Точисский работал в Белорецке. Здесь он создал сильную партийную организацию, которая выдержала суровую борьбу с меньшевистско-эсеровскими предателями, формировал красногвардейские отряды для борьбы с дутовцами и белочехами. В июле 1918 года Павел Варфоломеевич был предательски убит.

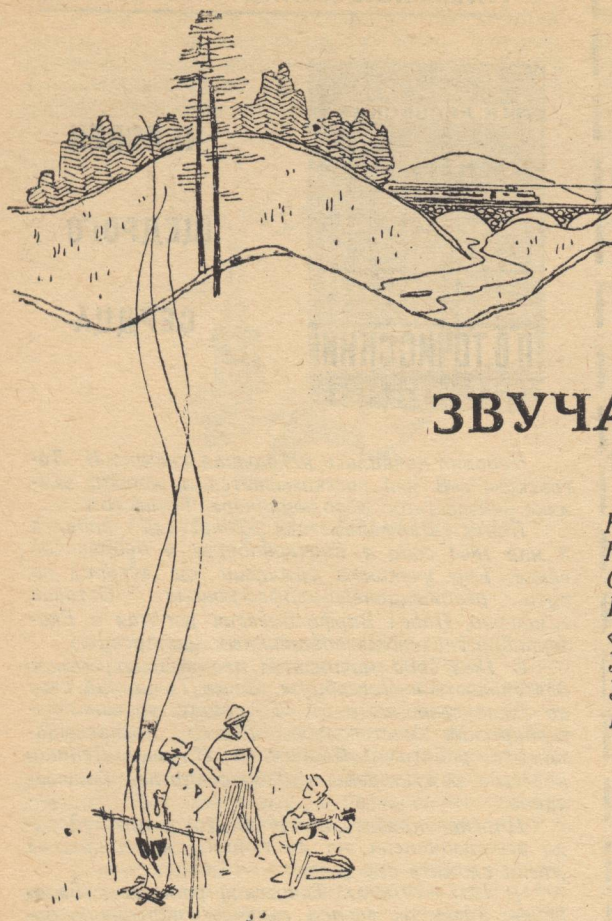
В книге есть несколько неточностей и ошибок.

Так, автор необоснованно ограничивает деятельность Точисского только Белорецком, тогда как она распространялась далеко за его пределы. На стр. 62 сообщается, что в день гибели Точисского отряд В. К. Блюхера находился в Узане (в 50 км от Белорецка) и что Точисский ждал его прихода. В действительности в то время не было известно местонахождение отрядов В. Блюхера и Н. Каширина. Ошибочно утверждение автора и о якобы плохой дисциплине в казачьих полках И. Каширина.

Разумеется, эти замечания не могут умалять достоинства книги Н. Лисовского, изданной к столетию со дня рождения большевика-уральца. Воскрешая героические события прошлого, автор правдиво и живо нарисовал образ верного солдата нашей партии, человека щедрого сердца.

М. ГОЛУБЫХ,
бывший начальник оперативной части
штаба Южноуральского партизанского
отряда В. К. Блюхера

¹ Н. К. Лисовский, П. В. Точисский. М., Госполитиздат, 1963.

Снова в пути беспокойное племя туристов. По бурным сибирским рекам, по северным тропам Урала, по кручам Алтая— всюду в манящие дали уходят цепочки отрядов. И в этих походах, у жарких костров, звучит, не смолкая, бессменная спутница— песня. Подчас и рождается она здесь же, на привале...

ЗВУЧАТ, НЕ СМОЛКАЯ,

Как листья, года облетают.
Но чаще, все чаще и чаще
Снимаю с гвоздя я гитару
И очень негромко пою:
«У самого синего неба,
У самой затерянной чащи,
У самой веселой палатки
Ищите тропинку свою!»

Туристская лирическая

У самого синего неба

Забыла? Ну что же, напомним...
Как солнца осколок блестящий,
Костер до зари разгорался
И лица друзей осенял.
У самого синего неба,
У самой затерянной чащи,
У самой веселой палатки
Он искры на воду ронял.

С тех пор в нашей тесной квартире
Гостит этот сумрак хрустящий,
Ложатся на сонную хвою
Зеленые капли росы.
У самого синего неба,
У самой затерянной чащи,
У самой веселой палатки
Гудят потихоньку басы.

Мне говорят: какой резон
В твоих палатках на снегу?
Мне говорят: не тот сезон...
А я иначе не могу.

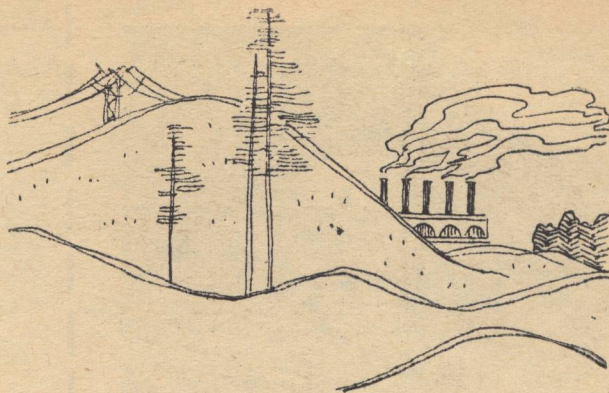
А я люблю гонять чай
С пахучим привкусом дымка
И все глядеть в глаза твои,
Зеленоватые слегка.

Проснулся лес; костер погас,
Упал рассвет на тень мою.
Я это видел столько раз,
А вот сейчас не узнаю!

Как потеплели небеса,
И как весна недалеко...
А все они, твои глаза,
Зеленоватые слегка.

И с этой елью надо мной,
С двумя палатками в лесу
Прощаться грустно. Но домой
Зато я песню принесу.

Вот мы и решили: пусть тексты веселых и задорных «самодеятельных» туристских песен увидят свет. Для начала публикуем некоторые из них, написанные Б. Вахнюком и В. Шuvaгиным, и рассчитываем, что наши друзья-следопыты пришлют в журнал немало своих интересных песен.

ТУРИСТСКИЕ ПЕСНИ

*Про эти первые ручьи,
Еще не смелые пока,
И про глаза, глаза твои,
Зеленоватые слегка.*

Б. ВАХНЮК

В дорогу, следопыты!

*Рюкзак давчо уложен,
И вымечтан маршрут.
Семьсот путей-дорожек
Разведчиков зовут
С ветрами забираться
С увала на увал...
Сокровища-богатства
Хранит для нас Урал.*

*Где тайны не открыты,
Туда тропа ведет.
В дорогу, следопыты!
Разведчики, вперед!*

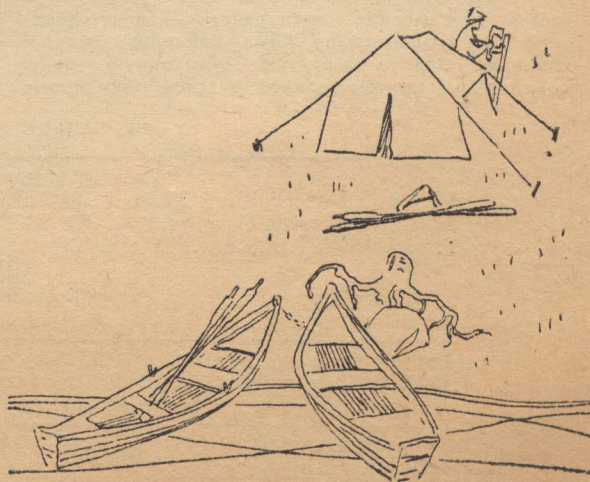
*Шагай, отряд упрямых,
Дорогами легенд.
Туда, где медь и мрамор
Проложим первый след.
Уха с дымком на ужин,
Картошка из костра...
С веселым ветром дружим
И с песней по утрам.*

*Гроза ль ворчит сердито,
Стеной ли дождь встает,—*

*В дорогу, следопыты!
Разведчики, вперед!
Леса и горы встретят,
Секретов не тая.
И нет друзей на свете
Верней, чем ты и я.
Трусливых и капризных
В отряде — никого.
Один за всех — девиз наш —
И все за одного.*

*Мы крепкой дружбой слиты.
Никто не отстает.
В дорогу, следопыты!
Разведчики, вперед!*

В. ШУВАГИН.

У ИСТОКА КАМЫ

На снимке высокая, раздвоенная белоствольная береза. У ее подножия — низенькая дощатая будка. Под ней скрывается неглубокий колодезь с деревянным срубом, из которого с журчанием пробивается веселый ключик. Наружу он выходит по узкой трубе, потом попадает в широкую деревянную колоду и, переливаясь через нее, торопится дальше. Это исток реки Камы, место ее рождения. Оно находится в Удмуртии, в деревне Карпушата.

Метров через сто от основного истока Камы к нему братски присоединяется ключ Дальний, а затем еще метров через двести — ключ Верхний. Так, мало-помалу Кама набирает силу и превращается в могучую судоходную реку, крупнейший приток великой русской реки Волги.

Ив. БАДЬИН

В НОМЕРЕ:

ВЕРТОЛЕТ БЕРЕТ ОДНОГО. Виктор Стариков. Повесть.	1
СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ.	4
ГОРЯЧИЙ ОКЕАН. М. Лаврентьев, академик.	23
НЕТ УЧЕНЫХ БЕЗ УЧЕНИКОВ. С. Литерат.	24
СМЕКАЙ-КА!	26
НА ВЫСОТЕ. ЮВЕЛИРНАЯ РАБОТА. ДРУГ МОЙ ВОВКА. Леонид Федотов. Рассказы у костра.	27
У ХИМИКОВ СИБИРИ.	28
ОБЩЕСТВЕННЫЙ СЛЕДОПЫТСКИЙ.	30
ДИКОВИНЫ ХИМИИ. Д. Финкельштейн, кандидат химических наук	31
УРАЛ СПОРТИВНЫЙ. Г. Кузнецов.	32
БАГРЯНЫЙ ПАРУС «КРИТА». Леонид Обухов. Повесть.	33
ДИКОВИНЫ ХИМИИ.	43
ЛЕДОХОД. В КИНО. МАЛЬЧИК. ЖАР-ПТИЦЫ ЕСТЬ! Олег Поскребышев. Стихотворения.	44
ВЕСНА БАШКИРСКОЙ ЗЕМЛИ. Гилемдар Рама- занов.	46
ФОЛЬГА. А. Певцов. Уральская марка.	48
ЦЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. П. Ярош.	48
РЕВДИНСКИЕ БЫЛИ. Александр Показаньев. На комсомольских стройках.	49
СЪЕЗДУ СОВЕТОВ. И. Тюфяков.	51
ЧЕРЕЗ ПОРОГИ. МАМОНТ УХОДИТ ПОД СНЕГ. Н. Круглов. Рассказы	52
ДИКОВИНЫ ХИМИИ.	56
СТО ЛЕТ ЗА ОДНИМ СТАНКОМ. С. Сенокосов.	57
ДИКОВИНЫ ХИМИИ	57
СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА.	58
КЛАД КОМИССАРА. Леонид Большаков. Повесть- поиск.	60
ДИКОВИНЫ ХИМИИ.	64
«КАМЕННАЯ СТАРУХА» НАЙДЕНА. А. П.	71
СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ.	72
В СТРАНЕ СНЕГОВ И БУЙНЫХ ТРАВ. Влади- слав Ляхницкий.	73
ЧЕЛОВЕК ЩЕДРОГО СЕРДЦА. М. Голубых. Книж- ная полка Следопыта.	77
ЗВУЧАТ, НЕ СМОЛКАЯ, ТУРИСТСКИЕ ПЕСНИ.	78
У ИСТОКА КАМЫ. Ив. Бадьин.	80

Обложка Г. Перебатова.

Главный редактор В. ШУСТОВ

Редколлегия: А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, С. ЗАХА-
РОВ (ответственный секретарь), Ю. КУРОЧКИН, А. МАЛАХОВ, Б. ПАВЛОВСКИЙ,
Г. РАМАЗАНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (зам. главного редактора),
Г. ТРИФОНОВ

Рукописи
не возвращаются.

Технический редактор
Э. Максимова.

Корректор
Г. Стороженко.

Адрес редакции: Свердловск, ГСП 353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефоны:
Д1-22-40 (для справок), Д1-26-01 (редактура), Д1-85-70 (доб. 7-49) производ. отдел.
Средне-Уральское Книжное Издательство

Подписано к печати 8/VI 1964 г.
НС 29515.

Бумага 84×108/16=2,62 бум. л.—8,61 печ. л.
Тираж 110 000. Цена 30 коп.

9,65 уч.-изд. л.
Заказ 293.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка отпечатана на Свердловской фабрике офсетной печати.

- И я хочу значок следопыта!

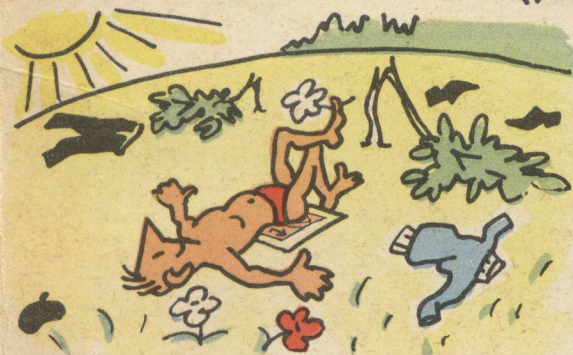
- Его надо заслужить.

- Подумаешь!..

- Где же североюг?.. - Месторождение кирпича!

- Мой следопытский гектар.

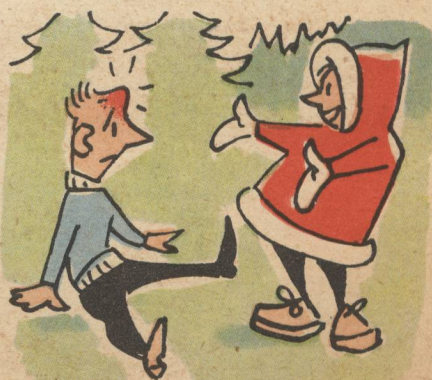
Чьи же это следы?

- А здесь было море.

-!!!

- Ну вот и значок!

30 коп.

73413